

БОЛЬ

СЕРДЦА МОЕГО

*Прошло.
Источило сердце – и кануло.
Остался шрам – потрогайте... война.
"Это чужая война", – думали вы, слушая выпуски новостей.
– Это чужая война, – подтверждали вам Первые лица.
"Ну и пусть", – думали вы.
Вот – потрогайте эту чужую войну.*

D. Тзучко

1 / 2007

БОЛЬ СЕРДЦА МОЕГО

РУСЬ БОГАТЫРСКАЯ

Всегда Русь-земля рождала добрых молодцев,
Добрых молодцев, своих богатырей;
Чтоб дозором обходили свои волости,
И чтоб народ трудился, мирно жил на ней.
Ну, а если горизонт темнел от врагов,
То иноземцы шли на Русь, чтоб силой взять.
И бросали клич тогда добры молодцы:
Богатыри! Собирайте дружно рать!

Давно над Русью тучи черны не расходятся,
Закрыли будущее, прошлое забудь.
Иль вымрут русичи, иль по миру разбредутся,
Иль колония здесь будет чьянибудь.
О, Боже, Господи! Прости Россию-Родину
За то, что сбрасывали купола с церковей,
За то, что Веру попирали, а душу пропили,
За то, что столько народу сгублено на ней!!!
За то, что народ в стране узнал жизнь лагерей.

А у восточных у границ да непроглядный
Миллиардный стоит желтый народ.
Ему не надо воевать с Русью ратной,
Они уже на Дальнем да уж не первый год.
Ой, да гой еси, ну где ж Вы, добры молодцы?
Ильи Муромцы, ну где же Вас искать?
Что ль вы спите крепким сном как заморожены?
Что ль на поле брани полегла вся Рать?

А заморские цари перечь не смели.
Русь уважали, ей поклонялись до земли,
Но разодрали, опустили на колени,
Им супостаты наши ох как помогли.
Ну, вставай! Вставай!! Вставайте, добры молодцы!!
Мы державу-Русь сберечь так и не смогли,
Но поднимем мы с колен Россию-родину,
Как в старину подняли Русь богатыри!

Всегда Русь рождала добрых молодцев...

Умер Саша Зубков.
Замечательный певец, музыкант, композитор,
поэт. Автор циклов: "Русь Саровского - Талькова",
"Миротворец". Он был тяжело болен, коварная
болезнь преследовала и не хотела его отпускать.
Во время операции остановилось сердце.

Уважаемые читатели!

Вышел в свет первый номер военно-исторического литературного журнала «Боль сердца моего». Он посвящается: солдатам Великой Отечественной; солдатам, воевавшим в Афгане и Чечне; безусым мальчишкам, вставшим в общий строй Войны и жившим ее суровыми законами. Им, узнавшим, отчего были реки солоны, отчего завывали ветры над погостами, отчего были красными дороги. Им посвящается этот журнал, чтобы память все сохранила, не забыла, чтобы возстала против этой несправедливой бесчеловечности.

В него вошли произведения, проникнутые настоящей болью: болью за судьбы молодых ребят, брошенных в пекло войн, развязанных политиками, болью потери боевых товарищей, болью за расстрелянную молодость, убитую любовь, болью за утраченные мечты, болью за наше равнодушие...

«Не могу, не могу я жить «жизнью мирного времени» и не думать, не тревожиться за то, что рядом идет война, гибнут люди, такие же, как и я...», - это строки из письма одной из читательниц ветеранского литературного сайта «Artofwar».

На страницах журнала будут публиковаться документы, мемуары, художественные произведения ветеранов войн, неизвестные для многих читателей страницы и факты военной истории. Думаю, вас не оставят равнодушными: очерк Александра Разживина «О чем молчит Мясной Бор», который раскроет причины страшной трагедии, постигшей Вторую ударную армию; сборник стихов «Кровоточины», военного журналиста Юрия Беридзе; мемуары батальонного врача Владимира Войта; передачи о Белом движении и его руководителях из серии «Русские вне России», ведущего радиостанции «Маяк», журналиста Армена Гаспаряна; очерк о фильме Вардана Оганесяна «История людей на войне и в мире»; материалы переводчика Юрия Андрейчука о Варшавском восстании...

Надеюсь, что наш журнал в дальнейшем станет также и источником обмена опытом для военных профессионалов. Будем рады получить от читателей отзывы и пожелания. Если Вы захотите поделиться своими воспоминаниями, фотографиями, документами и сюжетами из своей жизни или жизни близких, двери нашего издания всегда открыты.

К сожалению, по ряду причин тираж журнала ограничен.

Благодарю авторов сайта «Жизнь вопреки» и сайта «Артофвар» за предоставленные материалы для воплощения в жизнь этого проекта. Особую признательность за помощь выражаю артофваровцу Александру Карцеву.

Всем Добра и Мира!

Сергей Щербаков

Авторы номера:

Александр Коломиец

Полковник, зам.командира спецназа «Каскад» (Афганистан), автор сайтов «Artofwar» и «Lifecontrary»

Юрий Беридзе

Полковник ВМФ, военный журналист, автор сайта «Artofwar»

Сергей Скрипник

Майор ГРУ, участник БД (Афганистан), автор сайта «Artofwar»

Игорь Негорий

автор сайта «Artofwar», создатель сайта «Lifecontrary»

Владимир Войт

Военный медик, участник БД (Афганистан), автор сайта «Artofwar»

Александр Разживин

Полковник, военный журналист, автор сайта «Artofwar»

Армен Гаспарян

Журналист

Александр Карцев

Подполковник, участник БД (Афганистан), автор сайта «Artofwar»

Александр Буковский

Журналист, участник БД (Афганистан), автор сайта «Artofwar»

Вардан Оганесян

Журналист, автор сайта «Artofwar»

Валентин Чанцев

Пенсионер

Юрий Андрейчук

Лингвист, переводчик

Геннадий Капинский

Историк

Боль сердца моего

Военно-исторический
литературный журнал
№1, 2007 год

© «Боль сердца моего», 2007г.

Александр Коломиец

http://artofwar.ru/k/kolomeec_a/

Спецназ

Глава из книги “Повесть для внука”

Описываемые события - близкие к реальным. Фамилии действующих лиц изменены. За исключением фамилии майора Решикова Виктора, позывной «Доктор». Глава посвящается светлой памяти погибших сотрудников АЛЬФЫ

Электрик стоял на столбе на специальных приспособлениях, именуемыми в народе «кошками», и хорошо поставленным голосом с цыганским надрывом пел песню о любви и счастье. Слова «Джанарли, Джанарли» Алик повторял потом еще очень долго. Он не мог вспомнить, как назывался этот фильм со счастливым электриком на столбе, но этот день для него оказался не совсем удачным. Мать дала 50 копеек и послала за хлебом. Путь от края деревни он преодолел почти бегом. Хлеба не успел взять по случаю перерыва в лавке и, чтобы не бежать назад, решил скоротать время в киношке. Пятая мать, наверняка, не заметит, а фильм уж больно интересный. Кроме «Чапая» Алик в свои десять лет вообще никакого кино не видел. Не терзаясь сомнениями «Быть или не быть» кину, он вскоре сидел в практически пустом, сыром зрительном зале и с восхищением смотрел на этого электрика с его диковинной песней «Джанарли». Сорок пять копеек,

зажатых в детском кулачке, после просмотра фильма должны были воплотиться в увесистую булку хлеба и небольшую булочку к чаю. Время отсутствия самого пацана в деревне, где жизнь течет размеренно и неторопливо могло быть и незамеченным. Однако после окончания фильма Алик вдруг обнаружил, что на его сорок пять копеек имеют претензии и другие посетители горячего южного кино. После выхода из зала к нему устремились фигурки трех пацанов. Одного толстого, своего одноклассника, он знал еще по пионерскому лагерю и частенько встречал возле маминой работы, куда по ее наказу носил ей обеды. Двое других, хоть ты тресни, не навевали ему на ум никаких воспоминаний.

То, что они имеют виды на его кровные сорок пять копеек, выяснилось сразу после выхода из зала, когда самый длинный из них задал недвусмысленный вопрос:

— Чуешь, поца, гроши е?

— Ну! Мамка на хлеб дала!

— Давай сюды, Хлиба завтра купыш.

Алик почти задохнулся от такой наглости. Чувство справедливости, воспитанное в постоянной борьбе с единственным старшим братом, который притеснял его, диктовало поступки и волю на каждом шагу, толкнуло его на такой же дерзкий ответ:

— Так завтра и прыходь!

Длинный угрожающе начал навигаться на заветные сорок пять копеек. Алик, не задумываясь, врезал ногой в пах, переломив детскую наглость пополам, и пока толстый соображал, как ему быть, поднимать своего товарища или заняться этим сопляком, с разбегу толчком двумя ногам в живот, опрокинул его на пыльную землю. Третий «пацан» отбежал метров на семь и истошно кричал:

— Мама, мама!

Не искушая судьбу, Алик налег на

ноги и, сделав небольшой круг через балку, вернулся домой минут через тридцать с булкой хлеба.

В противостоянии со страшим братом Алик достиг совершенства в кулачном бою для своего возраста. Отстаивая свое мнение, не однажды был бит им и стоял на коленях на кукурузе и соли за разбитые губы и «фингалы» под глазами. Столько же раз стоял там и его родной брательник. «Правога» старшего была опровергнута им только через добрых десяток лет, когда, будучи мастером спорта по боксу, встретился с братом после его «дембеля» из Германии. Франт на два дня! Весь в ленточках, в плотно посаженном галифе с наглаженными стрелочками, ослепительно белым подворотничком и... в сапогах на высоких каблуках из резины от танкового трака.

После выпитого вина трехгодичной выдержки, по случаю встречи (отец поставил вино, когда его провожали в армию, вернешься - откроем), вышли во двор покурить, вроде, как силами померяться. Одели на руки старче боксерские перчатки. Алик не стал «куражиться» и сразу предупредил брата, что будет работать только левой. Брат, усмехнувшись по старой привычке, с намерениями «диктовать правду» жизни изрек:

— Так я что, с обеих рук, что ли?

— Ну, хочешь, ноги добавь!

Брат не сознавал еще, что детство кончилось и время его условий прошло. Началась серьезная, взрослая жизнь, которая «понтами» не диктовалась.

Даже не поднимая рук к подбородку, он повернулся левым боком. После двух переносов центра тяжести тела вправо-влево брат показал ложный выпад в голову и тут же нанес сильный удар правой в грудь. Провернувшись корпусом на удар и заставив скользнуть атаку в сторону, Кольцов тут же на встречном движении нанес два прямых удара левой в голову, не слишком делая акцент на скорости и силе. Когда голова брата качнулась назад, добавил еще один короткий боковой той же левой. Мог бы и еще, но и этого хватило сполна. Правая щека сразу приняла овально-вздутую форму, и с губы потекла кровь. В многолетнем противостоянии двух родственных истин - «кто сильнее - тот и прав» была поставлена точка. Брат скинул обе перчатки и с восхищением воскликнул:

— Ну, ты даешь! Пошли! За встречу батиного вина вмажем!

Память яркой картинкой вырвала эту сцену из жизни. Уже давно от Алика (с украинского сокращено от Олекса)

ничего не осталось. Родители еще в конце 60-х с Украины переехали на Кубань и по-русски его стали звать Александром. Противостояние с братом продолжалось с постоянным успехом со стороны брата и иногда доходило до жесточайших форм и «хватания» за ножи. Правда, они никогда не применялись, но всегда выражали серьезность намерений.

Отец, дабы уменьшить телесные повреждения двух противоборствующих сторон, однажды решил приобрести настоящие боксерские перчатки, которые и дали Саше Кольцову в тринадцать лет основательную подготовку в занятиях спортом. В казачьей станице, где танцы были постоянным местом клича «Наших бьют!», эти умения и навыки играли определенную роль и вызывали большое уважение со стороны сначала своих, а потом и «заводских». Отец с поощрением относился к его занятиям спортом и для увеличения нагрузок с работы притащил два тракторных катка, приваренных по краям лома. Больше того, разжигая любопытство познающей мир пылливой души, имел привычку задавать каверзные вопросы о причинной связи некоторых замысловатых деталей от разных механизмов. И даже перед защитой диплома, когда Кольцов - уже и не студент, но еще и не инженер-конструктор, допытывался (проверял) о полях допусков прессовых посадок. Наверное, из-за такого перетаскивания младшего чада на свою сторону (мать-медик, отец слесарь-инструментальщик высшего разряда) и привело его к выбору профессии инженера.

Он часто задавался вопросом, почему его взяли в систему? И несмотря на вытасненные «минусы», в результате копания в своей биографии и воспоминаниях, как побили этих «заводских», как уложили в больницу «заозерку», как мать утром будила его и глядя на разбитые и опухшие суставы рук причитала: «Ой, лышенько! Посадят тебя в тюрьму!», всегда приходил к двум выводам. Он никогда не переходил грань и не хватался в драке за другие предметы. Никогда не дрался потому, что был сильнее. И уже имея оперативный опыт работы и зная систему, всегда уповал на некачественную проверку. Эти отрезки жизни весьма слабо исследовались по заданию кадрового аппарата в силу занятости сотрудников более важными оперативными делами. Повезло!!!

Тогда он еще не знал, что занятия спортом для него станут составной частью жизни, точнее можно сказать - образом жизни. Не однажды он выбирал

между - «посидеть за столом или получить адреналин другим путем», чаще - второе, воспитав чувство уважения к самому себе только за то, что имел силу воли заставить заниматься спортом. Потом это стало его работой и своеобразным наркотиком! Без нагрузки на мышцы тело ломило, а сознание испытывало неудобства только от мысли, что неделю прожил зря.

Жизнь сотрудников специального подразделения «Альфа» была подчинена жесточайшему графику учебы, с завидной периодичностью прерываемому на выполнение боевых задач. У подполковника Кольцова забот было - «полон рот», потому что всю подготовку тащил на себе. Принцип командира в армии - «делай, как я» применялся им постоянно. Для этого сначала себя доводил до совершенства владение предметом, и только потом показывал, как нужно делать другим. Он не понимал, как можно было учить по принципу - «делай, как я сказал».

Семнадцать видов подготовок, в которых сотрудники должны иметь профессиональные навыки, заставляли его быть в хорошей физической форме. На одном из оперативных совещаний «в доме номер 7» генерал-лейтенант Расщепов, начальник 7-го Главного управления, поставил задачу мастерского владения оперативным составом всеми, без исключения, дисциплинами. О серьезном подходе к подготовке свидетельствовало стремление руководства обеспечить элитное подразделение всем необходимым. Не случайно на конспиративной базе появился, в то время считавшийся редкостью, тренажерный шведский комплекс, приобретенный после выставок «Полицейская техника». Околоными путями были закуплены различные каски ТИГ и револьверы «Смит-Вессон» с четырьмя сменными стволиками. На них сразу же положило «глаз» 9-ое Управление. Наличие этого оружия давало возможность стрелять сразу по направлению ствола, не утруждая себя снятием с предохранителя, да и удержания рукоятки выключало кисть руки, что для стрельбы было гораздо удобнее.

Стрелковые учебные комплексы, оборудование и литература для различных экзотических стилей японской борьбы стали учебными пособиями в работе.

Одной из задач нашей резидентуры было добывание методик боевой подго-

товки. Очень быстро наработки и опыт борьбы с террористами спецслужб англичан, американцев, немцев и евреев стали предметом пристального изучения в «Альфе». Правда, никто не собирался слепо копировать «Дельту» и немецкую «GSG -9». Многие способы и приемы оказались просто неоценимыми, а кое-что и отвергалось.

Доработанную и усовершенствованную методику скорострельной стрельбы «флэш» американцы уже считали за честь иметь в своем арсенале от русских. Они, оказалось, не представляли, как можно стрелять с двух рук из пистолета лежа на спине, и произвести спаренные прицельные выстрелы в прыжке или при выполнении переднего сальто. В реальной ситуации такая стрельба применялась крайне редко, но с кувырка через голову - практиковалась часто.

Подход к планированию мероприятий по освобождению заложников у зарубежных коллег был несколько иной - заложников просто не жалели! В одной из операций террористам «сломали» самолет и предложили для продолжения маршрута другой, такой же «Боинг». Во время перехода они, естественно, при-

крылись заложниками. Все решилось гениально просто. Снайперскими выстрелами террористы были уничтожены, а с ними и одиннадцать заложников. Кому нужна была смерть заложников? Но таким образом руководители страны показали всему миру, что они не остановятся ни перед какими жертвами, чтобы отстоять свою «демократию». Хорошая демократия!!! Когда ума нет! Мы весь народ уничтожим, но «демократия» будет! Потом руководители иностранных государств несколько изменили свои концепции и подобных «ляпов» старались не допускать.

За тридцатилетний период существования «Альфы» ни один заложник не пострадал!! Погибло 18 сотрудников.

Часто оперативный состав вспоминал добрым словом и восхищался продуктивностью и многофункциональностью технического оснащения спецназа. Для сбора сотрудников по тревоге применялась система связи «Мультитон». При подаче диспетчером, он же дежурный,

закодированного сигнала, постоянно носимый приемник издавал короткие «писквания» и предупреждал о потере связи в зонах недосягаемости в метро и далее 200 км от базового передатчика. Диспетчер мог войти в режим циркулярной связи, и все сотрудники, получив сигнал, обязаны были сделать контрольный телефонный звонок. Получив сообщение «три пятерки» (учебная тревога) или более высокий - «три семерки» (боевая тревога), сотрудники должны были в кратчайший срок прибыть на базу и быть готовыми к выполнению боевой задачи.

Майор Полонезов (радиопозывной «Плюс») в этот день отдыхал. После вчерашней тренировки болели все мышцы. Как всегда «зарубились» на спор с майором Сучковым Виталием - кто сможет перекрыть норматив американской «Дельты» по «физике» в два раза. Потом доспорили - кто больше до «упора».

Так бы без спора, может, и лень бы заела - сделал норму свою (она и так высокая) - и руку ставить на стрельбу перекинулся бы. А тут - закусил! Кураж мобилизовал все внутренние ресурсы. Жим лежа - сто пятьдесят! Подъем на перекладине переворотом - шестьдесят раз, приседание со штангой сто двадцать. Черт! Как «крепак» тупит мышцу! Сколько же организм туда выбросил молочной кислоты? Сегодня в парную схожу, а завтра в спортзале разомнусь. Пройдет. Не впервой!

«Плюс» по дороге в «спальный район» уже успел использовать весь муниципальный транспорт (сначала на трамвае, потом на автобусе) и шел проходными дворами. Чудо связи как-то робко пискнул одним сигналом и стыдливо затих. Майор даже не успел определиться - что это было? Вызов или технический сбой? Ну, нужен буду - дадут знать.

Он не успел додумать свою мысль о том, что сегодня выходной, и он имеет на это право, что семью видит только ночью. Когда он уходит - все еще спят, а когда приходит - все уже спят. «Мультитон» запищал короткими сигналами, напоминая о святой обязанности немедленно сделать звонок дежурному. «Плюс» нажал на кнопку принятия вызова и огляделся. На той стороне улицы был только один таксофон, в котором, заполнив почти все стеклянное пространство, стоял франтоватый и холенный «сливок общества».

На стук в стекло копеечкой и показанные на руке часы - нужно срочно позвонить, - франт брезгливо махнул рукой

и отвернулся в другую сторону.

— Пупсик! Ты не ложишься без меня, — доносилось его воркование со своей возлюбленной. — Я сейчас приеду!

Майор честно подождал, отведенные правилами электросвязи три минуты, обошел телефон-автомат с другой стороны и вновь постучал в стекло.

Франт приоткрыл дверь и уверенный в своей безнаказанности зло зашлепел:

— Ты! Урод! Шел бы ты отсюда, пока я тебе в пятак не врезал. Не видишь — разговариваю. Босота!

Только вчера «Плюс» уважал себя. Уважал за то, что веса ворочал такие, какие мало кто может. А тут такие оскорбления. Такое не прощается. Он, молча, потащил дверь таксофона на себя. Клиент электросвязи, почувствовав открытую дверь, тоже повернулся, не отнимая телефонную трубку от уха.

Майор, левой рукой прихватив за воротник куртки, резко сделал рывок на себя и в то же время навстречу основаним ладони нанес резкий удар в лоб.

От такого сотрясения вестибулярного аппарата «франт» оказался в глубоком нокауте. Тело его осело. Ноги подогнулись и по коленки вытянулись на асфальт.

Экстренный выход на дежурного известил «Плюса» о том, что завтра будет проверка тревожного чемодана. Необходимо иметь положенную для этого денежную сумму. В каждую проверку сотрудники имели в тревожном имуществе месячную норму «денежек». Но она никогда не залеживалась больше двух-трех дней. Кто же потерпит, что бы такая заначка лежала без дела.

Он наклонился к все еще бездыханному телу, похлопал по щекам, приводя его в сознание.

— Ты что же спотыкаешься на ровном месте? Тебя в детстве вежливости не учили?

Соловьиные глаза и расслабленные, без какой либо координации, движения свидетельствовали, что «сливки обществу» соображали слабо.

— Ты, давай, вставай. Пупсик твой зажался, — сказал «Плюс» и быстрым шагом перешел улицу. Редкие прохожие обходили таксофон стороной. А для милиции он на холеном теле даже синяка не оставил.

В постоянной работе для связи использовалась гарнитура, встроенная в каску ПИГ (вес 4,5 кг, четвертый класс защиты), к ней подсоединялись разные

системы радиостанций. В начале это были «Ангстремы», от которых отказались по причине их неудобства и ненадежности.

Очень быстро спецназовцы пришли к выводу, что использовать позывные необходимо одни и те же, хорошо запоминающиеся и ассоциирующиеся с каждым сотрудником. От этого никуда не уйдешь - позывной становился вторым именем или кличкой. С одной стороны скрывал настоящее имя, с другой — должен легко запоминаться и использоваться в переговорах автоматически. Поэтому все сотрудники, подписав обязательство о неразглашении сведений, в работе использовали только позывные.

Кольцов получил приказ о закреплении системы позывных официально, под роспись. Здравый смысл показывал, что это необходимо сделать. Как правило, операция не заканчивалась на нейтрализации преступников, и даже во время прозябания последних в узких и тесных стенах изолятора временного содержания, прокуратурой восстанавливались действия каждого сотрудника, подготавливалась документация для суда. А если было применено оружие на поражение, то следователи были весьма дотошными. Каждый выбирал себе позывной и своеобразно защищал правильность такого выбора. Только снайперские пары брали цифровые позывные, причем в том выражении, которое используется исключительно на жаргоне авиационных диспетчеров. «Полста первый» и «полста пятый», а не «пятьдесят первый» и «пятьдесят пятый».

Перехваченные разговоры для постороннего человека или преступника составляли смесь жаргона и технических терминов, напоминающих перегонку и сортировку вагонов на железнодорожной станции. «Локомотив в направлении...», «груз на третьей платформе...». Закупленные японские радиостанции позволяли работать при выполнении задач по негласному аресту преступника в городе в дуплексном режиме и с элементарным перевертыванием несущих частот. Вставленный в ухо звуковод, в виде прозрачной пластиковой трубочки, побуждал вопросы и недоуменные взгляды обывателей, «такой молодой и уже глухой».

Реализация специальных операций показала на необходимость иметь своих профессионалов практически во всех сферах деятельности спецназа. Но, прежде всего - на авиационном транспорте. Через оперативные возможности несколько сотрудников были определены на полугодовые курсы в учебно-тре-

нировочный отряд (УТО), где они успешно осваивали профессии аэродромного обслуживающего персонала. Двое - заканчивали подготовку по программе летчика-штурмана с допуском работы на международных линиях. Английский язык входил в программу обучения.

Постоянно носимая форма летно-подъемного состава (ЛПС) позволила влиться в учебные группы и ничем не выделяться в среде настоящих аэродромных специалистов, а способность схватывать на лету материал по изучаемому предмету (все имели высшее образование) поражала преподавателей УТО. После окончания все сотрудники, как правило, получали похвальные грамоты и благодарственные письма. Знали бы преподаватели, кого готовили по этим специальностям, наверное, гордились бы еще больше.

Этот день начинался как обычно. В плане стоял выезд на базу полевого учебного центра, где должны быть отработаны навыки работы со специальным пистолетом для стрельбы под водой. Оружие было замечательно уже тем, что стреляло гвоздями обычным автоматным патроном калибра 5,45. Гладкий ствол без нарезов выбрасывал каленый пруток длиной 10 сантиметров, который летел, хаотично вращаясь вокруг поперечной оси. Поражение под водой такой пулей давало хорошие результаты. Достаточно было порвать гидрокостом или зацепить воздушные шланги аквалангиста, чтобы вывести его из строя. Под водой стрельба из такого оружия на расстоянии 6-7 метров не представляла особых трудностей. Но динамический удар по маске,

по ушам впечатлял очень сильно и был сродни хорошему удару палкой по голове или удару боксерской перчаткой.

Два автобуса ПАЗ, без каких либо признаков принадлежности, рано утром чинно выехали из ворот. Все сотрудники сидели в пассажирских салонах с зашторенными окнами и держали зачехленное оружие в руках. Передоверить свой ствол кому-либо или свалить все в одну груду считалось дурным тоном.

Чтобы поддержать легенду конспиративной базы, сотрудники ходили только с зачехленным оружием и для жителей окружающих домов были инструкторами ДОСААФа.

На небольшом отрезке пути, не доезжая до стрельбища, располагался бобровый заповедник, в котором мирно соседствовали дикие козы и бобры. Благо, друг для друга травоядные не представляли никакой угрозы. Обилие корма на соседних участках и совершенное незнание правил содержания в заповеднике и тем более границ территории, иногда толкало смиренных животных переходить дорогу в поисках корма.

По этому поводу старший первого направления майор Решиков Виктор (позывной «Доктор») пошутил:

— А ведь коза видит, что у нас все в чехлах. Точно выйдет на дорогу!

Сколько раз выезжали на стрельбище, всегда была одна и та же закономерность. Как только патрон в патроннике - ни одна живность не выходит. И наоборот. Все в чехлах - коза, а то и две, лениво переходит дорогу и, словно замечая лихорадочную суету по освобождению от чехлов всего стреляющего, лениво скрывается в кустах. Наверное, никто и стрелять бы не стал на поражение, но азарт....! Потом все со смехом

вспоминали все огорчительные возгласы и стенания:

— Уйдет! Патроны давай! Э-э-х!

На этот раз козы, как ни странно, не было!

Автобусы с гражданскими номерами солдатик пропустил на стрельбище сразу, без проверки документов. Номера стояли в списке автомобилей, находящемся на КПП. Пока шел процесс освобождения от чехлов специального оружия (в то время пистолет для подводной стрельбы был уже не секретным и стоял на вооружении Внутренних войск) и извлечения из патронных ящиков боеприпасов, Кольцов пошел на наблюдательный пункт для определения участка стрельбы. По пути прошел мимо строя солдат в черной форме и своим внешним видом обратил на себя внимание. Ботинки с высокими берцами и камуфляжные брюки - а сверху летная куртка (ЛПС) из хорошей кожи «шеврет», была дивом для черной солдатской массы.

«Сегодня вопросов не оберусь?» — подумал он, уловив любопытство во взглядах. — «Но у нас другой одежды нет!»

На НП подошел к руководителю стрельб и совсем по-домашнему обратился:

— Товарищ майор, здравствуйте! Я по письму 212. Вам должны были передать. Нам необходимо отработать свои упражнения. Выделите нам участок стрельбы и дайте сигналы оповещения.

Майор от такого не уставного обращения опешил и сразу перешел на «ты»:

— Это что за форма у тебя такая? «Партизаны - мабутовцы»? (Так назывались на жаргоне офицеры, призванные на курсы переподготовки по нарядам Мобилизационного резерва МО). Ты у

меня всех солдат распугаешь.

— Майор! Да ты не волнуйся, мы «партизаны» мирные, а твое войско только баба Яга испугать может.

Майор почувствовал язвину в словах Кольцова и решил попридержать свою прыть - кто знает, что дальше будет.

— Сержант! — обратился он к старшему сержанту. — Возьми 20 мишеней и - в дальний пистолетный тир. С рядовым Уразаевым обеспечь охрану «партизан».

И уже обращаясь к Кольцову:

— Можете работать по своему плану. После сигнала - на автоматную директрису не выходить! У Вас, что сегодня? ППС? У нас тоже. Рота ДСК (дивизион сторожевых катеров) стреляет. Через часок заскочу к вам. Посмотрим результаты.

Чтобы не терять время на выполнение регламентных стрелковых действий на проверку и осмотр оружия, Кольцов дал команду на снаряжение магазинов (в магазин входило 4 патрона, располагавшихся по квадрату и входивших сразу в четыре стволика) и приказал двигаться к дальнему пистолетному тиру. К приходу сержанта и командира спецназовцы уже разобрали мишени и приготовились к стрельбе.

— Товарищи офицеры! Напоминаю! Стрельба из этого оружия требует крепкого удержания рукоятки пистолета в кисти руки. Условия выполнения выстрела обычные. Сход с линии прицеливания, резкий спуск - являются ошибками. Всем задача - стрельба на поражение. Работать самостоятельно. Время отработки упражнения - двадцать минут.

— Вопросы есть? Время пошло!

Все офицеры начали работу по мишеням, не выпуская из виду действия своих товарищей. Выстрелы бухали с завидной периодичностью, и через пятнадцать минут все цели были разнесены гвоздями в щепки.

— Сержант! Доложи майору, что мишеней не хватает, и тащите с рядовым еще одну партию. У нас по 30 патронов на ствол осталось, - окликнул Кольцов солдата.

И обращаясь к спецназовцам:

— Всем самостоятельно проверить оружие. Перекур 20 минут!

Через десять минут вместе с сержантом и рядовым подошел майор. Сильное недоверие выразилось у него на лице. Пока новые мишени устанавливались сержантом на мишеневые стойки, руководитель стрельб с любопытством

рассматривал непривычную форму. Не соответствие информации о результатах стрельб, доложенных сержантом, и необычность ситуации сбивали его с логического представления об этой группе. Он явно терялся в выводах. Прерывая его страдания, Кольцов дал команду:

— Приготовиться к стрельбе. На огневой рубеж - марш! По готовности - огонь на поражение. Меры безопасности самостоятельно!

Вновь размеренно забухали выстрелы, и через некоторое время половина мишеней была превращена в щепки. Кольцов дал команду на перенос огня по еще оставшимся, и гвозди с остальных стволов в мгновение размочалили жалкие остатки.

Как только последняя мишень приказала долго жить, сразу пошли доклады об окончании стрельбы и об остатках боеприпасов. Чтобы не возиться с остатком, Саша решил до конца добить изображение майора.

— Доктор! Собери сотрудников с «остатками». И покосите польну справа и слева на обваловке тира.

Разбирая тактику стрельбы на занятиях, Кольцов обращал внимание на маленький нюанс в поведении гвоздя - пули при выстреле. Поскольку она имеет значительную длину, то во время выстрела ствол на отдаче поднимает хвостовик пули вверх - плоскость вращения ее будет находиться в вертикальном положении. Сейчас как раз представился случай подтвердить эту аксиому. Достаточно только было рукоятку пистолета удержать горизонтально.

Увидев, как гвозди прорубают просеки в польни, майор разразился целой тирадой восхищения:

— Ни хрена себе! Да у меня из 70 солдат только двое попали в мишень. А тут «партизаны» не только весь запас деревянных щитов мне извели, так еще и траву покосили. Нет! Что-то вы ребята на «партизан» мало похожи. Спортивная команда! Сборная округа, наверное? Есть предложение - из ПМ зарубимся. Твои - пятеро, а я дам своих столько же. На ящик пива. Ну как, командир?

Видно, что майор понимал толк в стрельбе и считал себя профессионалом. Все-таки - стрельбище округа ВВ. А он там - преподаватель и пример для подражания.

Дергая за тонкие душевные ниточки руководителя стрельб, Кольцов преследовал и другие цели. Давние горькие размышления, что сегодня в армии бойца готовят только по уставу, что в боевых условиях они, что первоклашки,

заставили его не только согласиться на ящик пива. При проведении операции эти бойцы будут стоять в оцеплении и, так или иначе, выполнять их же задачи. Да и хотелось своим офицерам показать, что их изнурительный труд, постоянные тренировки, не пропали даром. Пусть сами посмотрят насколько они выше по уровню подготовки.

— Нет! Стрелять из фиксированных положений - это просто. Предлагаю наши условия. Сначала - пробежимся, а потом - стрельнем. Лады?

— По рукам. Пиво - «Асахи».

— Сам - то будешь стрелять?

— Буду. Уж больно «задницу» хочется Вам надрать.

— Ну-ну! Только свою не надорви. Командир-то всегда впереди должен быть.

Он еще не знал, что такое «наши условия».

Практически при каждом выезде на стрельбище использовались методики тренировок, максимально приближенных к боевым условиям. Нормативы американского спецназа были превышены вдвое. Стреляли из любых положений и в самых тяжелых условиях. Зимой - на лыжах, в промежутках на восьми километровой дистанции с четырьмя огневыми рубежами, с зачетом очков и секунд. Летом - в бронжилете ЖЗТ (жилет защитный, тяжелый 10,5 кг) с обязатель-

ным нормативом - на трех километрах забежать в 12 минут. Но перед огневым рубежом пройти полосу препятствий из тех же сотрудников, которые просто не пускают идти дальше. Чтобы добраться до стрельбы нужно провести несколько приемов рукопашного боя, как хочешь, но опрокинь статиста. Как это сделать? Это твои проблемы. Вот и бегали офицеры каждый день, в спортзале на «покрышке» отработывали удары и приемы, «ставили руку» на тренажерном стрельковом комплексе. А еще тактика. Специальная подготовка. Забот хватало.

Быстро приготовили 10 бронжилетов. Пять из них подогнали на офицеров стрельбища. Кольцов дал команду,

— Становись! Поясняю условия проведения следующих стрельб. Две команды по пять человек. В нашей команде - я, Доктор, Сема, Квадрат и Стрелочник. В команде соперников - руководитель стрельбища и четыре офицера. В магазине - восемь патронов, дистанция для стрельбы - 25 метров. Мишень грудная, зеленая, с кругами номер 4. Маршрут - бегом 3 километра. Зачет - по последнему участнику. Остальные - играют роль стенки.

И, обращаясь к руководителю стрельб, сказал:

— Товарищ майор! Вы готовы? Предупреждаю, можно стрелять с двух рук. Если хоть одного вашего участни-

ка не будет на рубеже, то и время будет учитываться по нему. Даю две минуты на разминку.

Отошел в сторонку и нажав тангенту рации, передал своим:

— «Стрелочник»! Впереди группы. Покажешь точку возврата. Не торопись! Минута меньше графика. А то - лейтенанты «сдохнут». А им еще стенку проходить. Назад возьмешь «Доктора» и «Сему». Они тебя догонят. Я с «Квадратом» на подборе.

После небольшой разминки группа тесной толпой резво взяла темп. «Стрелочник» сразу стал во главе молоденьких офицеров стрельбища. Майор шел шестым. И все эту бегущую «ораву» прикрывал «Диспетчер» (он же Кольцов), «Сема», «Квадрат» и «Доктор». Полтора километра бега в одну сторону показали достаточно хорошую подготовку у двух войсковых офицеров. Остальные темп сбавили после километра, очевидно, что физические нагрузки никто из них не держал, а пиво употреблялось не ранее чем вчера. «Стрелочник» опередил всех шагов на сто и на поворотной точке сделал «привал», переминаясь с ноги на ногу и подпрыгивая на месте. Дождавшись двух первых лейтенантов, повернул назад. На обратном пути, когда руководитель стрельбища заметно стал отставать и вскоре перешел на шаг, Саша предложил ему снять бронезилет.

— Я помру, а условия менять не буду! — едва прохрипел тот, задыхаясь в ответ. Своим упрямством подкупал, показывал характер и вызывал уважение. Но для выполнения задачи этого было мало. Наверное, он был хороший собеседник, может даже хорошо играл в карты или красиво произносил тосты за столом. Но в армии нужны иные свойства. «Переть» как лошадь, и если ты командир, то и тащить всех бойцов за собой. Дурные привычки сокращают жизнь и забирают силы.

На прямом отрезке уже было видно, как Стрелочник вступил со «стенкой» в схватку. Удар ногой в бронезилет был парирован блоком с подхватом ноги и подсечки опорной. Второго статиста он перекинул через спину простым приемом «вертушка».

Как обычно, уже «стенку» прошли «Доктор» и «Сема». Лейтенанты в противоборстве не знали что делать. На сближение не шли и назад не убегали, ожидая командира. Чтобы не уронить честь старшего по должности и по званию перед подчиненными и ненароком не обидеть, пришлось по рации отме-

нить «стенку» и сразу приступить к стрельбе. Результаты оказались плачевными. Майор четыре выстрела вогнал с одной руки, хорошо был виден разброс трех пробоин по всей мишени и одно попадание в «молоко». Стрельба из двух рук оказалась для него еще сложнее, а результат - хуже. В сердцах плюнув и сняв бронезилет, он молча уходил на свой командно-наблюдательный пункт. Наглядно-показательное «избиение» должно было дать толчок в переоценке его позиции на свою роль в армии.

Через своих знакомых, военных контрразведчиков, Кольцов получил потом информацию, как майор предпринимал попытки все-таки узнать, кто же приезжал к нему на стрельбище? А «Доктора» встретил однажды в городе и пристал к нему с вопросом:

— У вас, Диспетчер, это кто?

— А-а! Так это старший диспетчер на железной дороге! С нами случайно попал. Сам даже стрелять не умеет!

Получив такую «правду», майор только махнул рукой.

Кольцов тоже не выпускал из виду этого настырного майора. Встряска тому явно пошла на пользу и, испытав такой позор, он для своих офицеров придумывал неординарные упражнения для стрельбы из стрелкового оружия. А пиво все же поставил после того, как увидел знакомый автобус в составе личной охраны первого лица государства, во время приезда того на Дальний Восток.

Время двигалось к обеду. Сели перекусить чем бог послал. «Мусолили» майора и его лейтенантов. Никто их не осуждал. На стрельбище служба - синекура! С однообразия и скуки с ума сойти можно. А бойца... стрелять научил, не научил - кто же проверит. Приходили крепкие офицеры, прошедшие войну в Афганистане. Пытались давать настоящую боевую подготовку личному составу, да уж больно высокому начальству это все не понравилось. Многие считали, что под них копают. А для начальства, чем меньше головной боли - тем лучше!

«Доктор» завелся:

— Я в каком - то армейском наставлении по рукопашному бою прочитал, что боец может схватить клинок ножа нападающего голой рукой. Ахинея полная!

«Пилот» поддержал его:

— Ну, он там только своей жизнью рискует и отрезанными пальцами, а вот наставления по безопасности полетов предписывают стрелять в преступника на борту самолета. Это в эшелоне в десять тысяч метров над землей. С парой

сотен пассажиров! Если пуля перебивает маслопровод или делает короткое замыкание. Все! Братская могила для двух сотен. Да, только большой начальник-руководитель из края идиотов мог такое придумать!

Сотрудники помаленьку начали вспоминать противоречия и несоответствия в разных инструкциях и наставлениях и сошлись во мнениях, что хотя и спускают до самых низовых профи проработку положений законов и наставлений, но... в итоге к ним, там, наверху, и не прислушиваются.

Кольцов уже начал рассказывать детали катастрофы в результате захвата самолета ТУ-154 над Иркутском и стрельбы на нем, как вибратор рации извещал о вызове.

— «Диспетчер» - «Форду»! - Вышел водитель автобуса.

— Ответил!

— Командир! База дала срочное радио. Три семерки!

— Понял! Заводи!

И обращаясь ко всем офицерам:

— Минута на сборы и бегом в автобусы. Тревога! По дороге выясним подробности.

Два автобуса, с проблесковыми сигналами маячками (ставились на магниты), на скорости около сотни километров в час неслись по населенным пунктам.

Немногочисленный народ опасливо сторонился на обочины, отдельные крутили у виска пальцем:

— Ну, «психи», разве можно с такой скоростью?

За ними сразу увязался «жигуленок» ГАИ, поскольку нарушений правил дорожного движения было предостаточно.

— Командир! Надо его впереди поставить. Чего зря сзади тащится? — предложил кто-то из сотрудников.

— Остановись, — коротко приказал водителю Кольцов.

К автобусу уже подбежал капитан ГАИ и возмущенно на высокой ноте стал требовать документы. Предъявленное удостоверение и «проезд-вездеход» Главного управления ГАИ страны оказали отрезвляющее воздействие на служителя полосатого жезла.

— А теперь, слушай сюда, капитан. Мы из-за тебя потеряли три минуты. Становись впереди наших автобусов метров в ста и будешь «чистильщиком», сбрасывай с трассы все автомобили, предупреждай пешеходов и школьников. Ори в свой «матюгальник», но обеспечь нам проезд в сотню километров. Своих - не предупреждай, нам лишний шум в

ГАИ не нужен. Тебя хватит! В городе на «стрелке» (развилка дорог) сойдешь, дальше мы сами.

Кольцов не хотел лишний раз показывать местонахождение базы, хотя секрет держался среди работников милиции только первое время.

Дежурный базы передал скудную информацию, которой сам располагал:

— Два террориста вооруженные пистолетами и ножом, прикрываясь тремя заложниками, проникли через четвертый КП на территорию аэропорта и захватили грузовой АН-24, прибывший из Иркутска.

— Откуда информация?

— Управление воздушным движением аэропорта. Штаб будет на ЦДП (центральный диспетчерский пункт).

— Всем! Боевая готовность. Аккумуляторы питания заменить! Старшим в группе остается «Доктор». Сбор на Авиатехнической базе через 30 минут. «Пилоту» с собой взять всю полетную документацию. Я в штабе. На связи.

В штабе операцию возглавил Начальник управления КГБ. Его помощники - Начальники Управлений МВД, УВДТ, начальники ВВ и МО округов. Поднятые по тревоге личные составы ведомственных подразделений занима-

ли свои места по расписанию операции «Набат». Через некоторое время борт АН-24, номер 24354, стоящий в кармане взлетно - посадочной полосы был взят в два кольца оцепления.

Система правосудия, в ее основной части «пресечение», приведена в действие. Огромное количество сотрудников вышеуказанных ведомств будут выполнять свою роль в операции по нейтрализации преступного замысла.

Самолет только совершил посадку, и с грузом почты был передан аэродромному специалисту - авиатехнику. Едва автомобиль с почтовым багажом отъехал от грузового лока, преступники, удерживая трех заложников и авиатехника под стволом пистолета, проследовали в пассажирский салон.

Информация о чрезвычайном происшествии и о приметах преступников стала поступать через «опера», обсуживающего аэропорт, в результате опроса дежурного четвертого КПП. Линейный отдел милиции в аэропорту ужесточил режимные меры на случай попытки соединения с возможными сообщниками. О требованиях преступников не было известно, по причине отсутствия с ними связи. Самостоятельно они не умели пользоваться самолетным радио, а авиа-

техник прикинулся несведущим в этих вопросах.

Для выяснения намерений и требований террористов было принято решение о начале ведения переговоров. Это была первые, видимые и очевидные для всех участников операции, действия. Не использовать такую возможность вступления в визуальный контакт и не попытаться определить физическое и психологическое состояние уголовников и наличие у них оружия, было бы для спецназа непозволительной ошибкой. Поэтому для переговоров был направлен офицер, позывной «Толмач», хорошо разбирающийся в психологии и владеющий приемами дипломатии.

При приближении к самолету его остановил окрик из самолета:

— Стоять на месте! Руки в гору! Повернуться кругом! Если увижу «волыну» (оружие) – стреляю одного заложника! Что надо?

Офицер увидел в переднем грузовом люке темную фигуру преступника в светлых брюках, прикрывающегося де-вушкой-заложницей.

— Давай поговорим! Что хочешь сам-то? Я уполномочен разговаривать с тобой и принять все требования. Но хочу предупредить, что твои действия подпа-

дают под статью уголовного кодекса. Подумай! У тебя есть еще время остановиться, пока ничего не натворил.

— Знаю я уголовный кодекс. Мне терять нечего, а в зоне я уже насиделся. Короче, сюда миллион «баксов», заправь лайт самолет и летчика давай сюда.

— Сколько у тебя заложников? Четверо? Зачем тебе столько много? Убитых и раненых нет? Отпусти девушку! Да и миллион «баксов» сразу, где же возьмешь? Подождать надо! В город только ехать полчаса!

Опасность обострила чувства, спрессовала время в толчки сердца. Сознание искривило пространство и приблизило темный «зрачок» пистолета. Он хорошо видел металлический отсвет на ободке ствола, каждую крупинку сгоревшего пороха. Ему казалось, что если выстрел произойдет, он увидит выход пули из ствола и успеет вернуться. Так только казалось. На самом деле он будет ловить движение руки с оружием, момент прицеливания и, используя свой опыт и интуицию, уходить от пули. Хотя после первого выстрела может последовать и второй, и еще шесть. Сознание генерировало четкие мысли:

«Если он не стрелял из этого пистолета, то первый выстрел будет в ноги – «на кивке». А стрелять ему невыгодно. Патроны беречь надо, да и как потом выпустят его?»

Внешне спокойный «Толмач» расслаблено переминался с ноги на ногу, немного повернувшись правым боком.

«Светлые брюки» зашелся в крике:

— Я сам знаю, сколько нам нужно заложников! Иди, решай свои проблемы! И через двадцать минут я жду тебя с ответом. Не успеешь, я ей прострелю ногу!

«Толмачу» нужно было тянуть время. Он хорошо знал, что первые десять минут выброшенный в кровь адреналин, возбуждает нервную систему и может привести к агрессивным и не предсказуемым действиям. Но потом, он разлагается на норадреналин и дофин. И последний очень угнетает психику.

По опыту он уже знал, что последует требование доставить водки. Она отпускает и успокаивает, придает силы и уверенности. Но так только кажется пьющему!

Постепенно «Толмач» вошел в контакт с террористами. Убедил их в том, что на этом самолете лететь нельзя, так как он выработал весь технический ресурс и должен стать на ремонт. Предложил его поменять на исправный и за-

правленный.

Во время перехода (оба преступника прикрывшись кольцом из четырех заложников) со всех точек в оптические средства визуально определялось вооружение и количество террористов, наличие взрывных устройств.

— «Полста первый» - «Диспетчеру!» Наблюдаю выход из посадочного люка одного заложника! За ним один в белых брюках и второй в клетчатой рубашке, оба с пистолетами Макарова. По бокам еще двое заложников и один сзади. Дополнительных свертков в руках не наблюдаю! Могу открыть огонь на поражение.

— «Полста первый» до «Полста пятого!» У Вас есть уверенность, что вы не заденете кого-то из заложников или не нанижете на одну пулю? Без приказа огонь не открывать!

На требование принести водки и «жратвы», «Толмач» уговорил отпустить девушку. Исходя из неписаного правила, если террорист может дать попробовать любые продукты заложникам, химия в них не добавляется.

Для создания чувства постоянной опасности от возможного поражения снайперским огнем намерено была засвечена одна снайперская позиция. Преступник сразу же потребовал убрать этого снайпера. В угоду его требованиям офицер демонстративно ушел с позиции. Но преступники теперь закрылись в самолете и требовали летчика.

Предоставленный «новый» самолет был осмотрен террористами.

«Пилот» с портфелем полетной документации постучался в дверь хвостового люка, и был рывком затащен внутрь пассажирского салона.

Секретно

Из личного дела 1788/ СК на капитана Бурковского Валентина Ивановича, 1960 года рождения ...средней школы успешно прошел обучение в Сызранском авиационном училище по специальности летчик-штурман. После окончания учебного заведения был направлен на работу в 144 авиационный отряд, где два года отработал вторым пилотом на малых летательных аппаратах и 3 года первым пилотом. Летчик первого класса. Имеет налет 5 000 часов. В связи с болезнью сына, по семейным обстоятельствам и по собственному желанию, переведен инженером аэродромного обслуживания.

Изучался через агентурные пози-

ции - агентов «Корсика», «Шаталин» и «Береза».

Информация, поступившая от указанных агентов, дала положительные характеристики. Литерные мероприятия «Светлана» и «Ольга» (см. меморандум за вх. №341/8 к), а также проведенные эксперименты на создание экстремальных условий и наблюдение за поведением изучаемого, показали его адекватные реакции на ситуации, выдержку, самообладание, четкость мышления. Аттестован на работу в качестве оперативного уполномоченного с линией обслуживания «Авиация». Прошел обучение на годичных Высших курсах оперативного и руководящего состава в городе Ташкенте. Рекомендован для работы в специальном подразделении «А» 7 Главного управления КГБ СССР. Назначен на должность старшего оперативного уполномоченного. Прошел стажировку в качестве летчика на летательных аппаратах серий Антонова и Ильюшина.

Физически развит. Вынослив. Способен выполнять задачи особого риска и сложности. Радио позывной - «Пилот».

«Пилот» по энергичному рывку и нервным действиям «белых штанов» определил накаленность ситуации. Ствол пистолета уткнулся ему в бок. Его ставили повернуться спиной, и быстрые бесцеремонные руки ошупали тело с ног до затылка. Портфель с полетной документацией был просто выпотрошен на пассажирское сидение. Из ценных предметов для преступников там была только радиостанция, которая своим кратковременным шипением обратила на себя их внимание.

— На каком канале твой «начальник»?

— Да ты не волнуйся, рация уже настроена, на 4 канале можешь с прокурором поговорить. Эту кнопку нажимаешь – говоришь. Отпустишь ее - услышишь ответ. Только я сам взлететь не смогу. Грохнемся на взлете, а на посадке так, «вообще, полный рот земли» будет. Я же не осьминог тебе - одновременно всю механику включать. Или ты сможешь мне помочь? Так я тебя часов пять учить должен. Давай, второго пилота требуй.

«Пилот» проследовал в кабину самолета, попутно отметив, что второй террорист с пистолетом в руках удерживает всех заложников. Все они находятся ближе к пилотской кабине.

Не теряя времени, «светлые шта-

ны» нажал тангенту радиостанции,

— Прокурор! Или кто там за него! У тебя готовы «баксы»? Давай второго пилота. Быстро! Пусть несет мешок прозрачный и без фокусов. Перед люком пусть остановится и покажет содержимое мешка. Если что, стреляю сразу!

Сотрудники спецназа уже сидели под фюзеляжем самолета. По оси центроплана при наблюдении из иллюминатора была «мертвая» зона, и любое передвижение в этом пространстве оставалось незамеченным. Террористы, опасаясь быть пораженными снайперским огнем, не рисковали выглядывать. Второй пилот, старший лейтенант Каленков Владимир (позывной «Кореец»), так же, как и «Пилот» был досмотрен. Он, не торопясь, проследовал в пилотскую кабину, которую сразу закрыл на запорное устройство.

— Валентин! — обратился он к «Пилоту». — Все на прежних местах - посреди салона! Два ПМа. Заложники - между ними. Главный - в белых брюках, второй - в клетчатой рубашке. Взрывное устройство не заметил. Сейчас принимаю защиту, оружие и ГСЗ.

Через форточку пилотской кабины им передали два бронежилета, оружие и 4 светозвуковых гранаты.

Завершающий этап операции «Набат» вступил в действие.

«Пилот» по громкой связи объявил салону:

— Так, мужики! Мы взлетаем! На взлете все может быть. Лучше пристегнитесь. А то «баксы» не кому будет тратить.

Затем последовал доклад дальнейших действий штабу на ЦДП:

— «Пилот» и «Кореец» готовы. По салону диспозиция без изменений. Набираю сто километров на прямом участке с кармана, резко торможу. «Доктор» тоже работать сразу после двоящего взрыва ГСЗ. После остановки «Кореец» поможет. Удачи!

И далее - диспетчеру по взлету:

— Байкал-контроль! 47385! Запуск!

— 47385! Я «Байкал- контроль»! Запуск разрешаю! Ветер у земли 270 встречный 7-8 до 10, давление 756.

— «Байкал-контроль»! 47385! Карту выполнил. Исполнительный. Прошу разбег с кармана по «рулежке»!

— 47385! Я «Байкал контроль»! Разбег разрешаю. Условия те же. Помехи контролируются. Удачи!

Диспетчер по «рулежке» уже давно расчистил всю полосу для руления и убрал все самолеты на отрезке в полки-

лометра.

«Пилот» передвинул на режим взлета ручки газа двух движков и после набора полных оборотов освободил колесные тормоза. Незаправленный самолет резво побежал по бетонке.

Движение самолета вызвало щенячий восторг у террористов.

— Ну, что я говорил?! Все получилось, Баклан! И «бабки» у нас! И скоро в Китае будем!

Стрелка прибора уже была у отметки 100 км. Все! Хватит!

«Пилот» резко сбросил обороты винтов и начал тормозить всеми колесами. Сила тяжести по инерции вдавила тело в ремни безопасности.

«Кореец», преодолевая эту тяжесть, ругал скорость:

— Сейчас ты мне не союзница, а «клятая вражина», да еще бронежилет тащит назад - сопротивляется.

С непослушной тяжестью в мышцах, он сделал три шага из пилотской кабины до шторки, отделяющей грузовой отсек от пассажирского салона. В одно мгновение увидел, как эта же сила инерции пригнула и придавила к креслам всех террористов и заложников. Одновременно выдернув обе щеки, бросил гранаты в середину салона. Чтобы не ослепнуть, укрылся за перегородкой. Раздалось два оглушительных взрыва. Ослепительная вспышка даже отраженным светом резала глаза и изменила все цвета в салоне на черноту, а потом на черно - белые.

При замене самолета двух сотрудников спецназа поместили в хвостовом отсеке, предварительно убрав оттуда радиоприборы. Более часа офицеры наблюдали в небольшие отверстия в легкой обшивке за действиями террористов и ждали обусловленного сигнала на их нейтрализацию.

Томительное ожидание. Наконец «Диспетчер» передал минутную готовность. Вот пошел запуск двигателей, которые быстро набрали полные обороты.

Самолет присел на хвост и резво начал катиться по рулежной полосе. Когда же торможение? Выброс адреналина в кровь удесяттерил внимание, волну, сконцентрировал все силы на этом броске. Через мгновение в гарнитуре раздался голос «Корейца»:

— Я пошел. Удачи!

Раздалось два взрыва. «Доктор» знал, что воздействие светозвуковых гранат оказывает неизгладимое впечатление на психику. Если вспышка случайно попадает в поле зрения, то ослепляет секунд на десять, а громкость взрыва приводит к легкой контузии. Сообра-

жать после такого воздействия весьма проблематично. Такая же граната попала на колени пассажиру-заложнику, во время операции в Тбилиси. Взрыв на полминуты вывел его из контролируемого сознания. Потом он, показывая врачу две обширных гематомы от коленок до детородного места, уверял, что тут разорвалась граната.

Врач махнул рукой:

— Если бы твоя граната разорвалась даже в метре, ты бы без ног был!

Но это была такая граната.

Сила инерции вбросила их в салон, и через мгновение «Доктор» придавил своим телом террориста в белых брюках, железной хваткой заблокировав руку с пистолетом. Зажав кисть руки, он вывернул ее и обезопасил себя от выстрела. Выстрел все же раздался. Пуля угодила в обшивку, пробив полочку для легкой ручной кладь. «Доктор» резко рванул вверх кисть вместе с пистолетом. Раздались хруст разрываемого сустава и душераздирающий крик от боли. Он навалился на тело террориста, зажав его между подлокотниками кресла и сломав два ребра. Террорист обмяк как мешок и был без сознания.

«Квадрат» тем временем уже сделал загиб одной руки «клетчатой рубашке» и взял кисть на излом. Подобрали и разрядили оружие.

Быстро провели личный досмотр террористов и надели на них наручники. «Кореец» продолжил осмотр салона и первичный опрос заложников о наличии раненых, взрывных устройств.

Как старший направления в этой операции Виктор доложил:

— Здесь «Доктор»! Лечение больных произвел успешно. Потерь нет. Материальная часть в исправности, за исключением повреждения обшивки пулей калибром 9 мм.

К самолету с сиреной и «мигалками» уже двигались машины следственной бригады, «скорой помощи» и машина штаба. Бежали зеваки из числа обслуживающего персонала, которых остановило оцепление внутренних войск.

Первый, самый сложный этап операции «Набат», был завершен. В работу вступали другие взаимодействующие службы.

(Продолжение следует)

Юрий Беридзе

http://artofwar.ru/b/beridze_j_w

Военный журналист. Полковник ВМФ

Кровоточины

Памяти тех, кто сражался и погиб в Чечне

Двадцать семь кровоточин

Мы шли всю ночь. Нет, не шли, а ползли,
продираясь сквозь тёрн колючий.
Против нас были горные кручи,
стылый холод чеченской земли,
даже звезды, чертившие небо,
словно трассеры, целили в нас.
Выполняя секретный приказ,
все же вышли на Чертовый гребень...
Двадцать семь дорогих кровоточин
там, на гребне, оставлено мной.
Сумасшедший пилот-вертолетчик
виноват, что я все же - живой...

И из каждого времени года
я теперь прорываюсь в ту осень.
Было нас двадцать восемь.
Я - последний из взвода...

Блокпост

Ты чуешь, командир, как пахнет лето?
Полынной горечью земли согретой,
травую пряною с некошеного луга
и кровью нами залитого юга.

Настоем ягод в шелковичной кроне,
прокисшей медью стреляных патронов,
солярою из приданого танка
и смертью от неубранных останков...

Паспорт для фрагментов

Солдат простым, но важным занят делом -
заботится об опознание тела.
Заботится заранее - на случай,
которого не выпало бы лучше.
На случай, если бранные останки
размажет, словно гусеницей танка,
иль взрывом разметает на фрагменты.

Такие у войны эксперименты...
 Три гильзы перед ним - для трех бумажек,
 пусть хоть одна о нем - потом - расскажет:
 там адрес, там фамилия и имя.
 Лишь только были б найдены своими...
 Одну из гильз - на шею, на шнурочке,
 вторую - вшить в рукав. И чтобы - прочно.
 А третью гильзу он вошьет в штанину -
 и можно смело наступать на мину.
 Три гильзы, три обрывочка-листочка,
 в солдатской жизни - три последних точки,
 три гильзы, три записки-документа...
 Их называют - «паспорт для фрагментов».

Сеанс связи

«Молот», «Молот», я «Зубило»...
 Слышь, братан, прием, прием...
 Да какой там хрен вдвоем,
 коль Матвеева убило
 добрых полчасика назад!
 Три рожка есть, пять гранат...
 Нет, уйти смогу едва ли -
 обложили с трех сторон.
 В крайнем случае, патрон
 я найду. Ну, чтоб не взяли...
 Да и как, ты сам суди,
 без Матвеева уйти?

«Молот», «Молот», я «Зубило»...

Ты ребятам передай,
 что Валерка Бородай
 не какой-нибудь мудила.
 Разве ж я когда бросал
 друга средь чеченских скал?

«Молот», «Молот», я «Зубило»...
 Ты ведь прав... Прием, прием...
 Мы с Матвеевым вдвоем,
 хоть и мертвым, все же - сила.
 Я сейчас веду огонь
 за себя и за него.

...Это наш последний бой.
 Связь закончена. Отбой...

Ведено

В ущелье вызревают облака
 и в горы заползают, отдуваясь,
 и на тропинках горных оступаясь,
 о скалы в клочья рвут свои бока.
 Но - молча. Как в веках заведено.
 Как заповедано - без охов, ахов.

Вздохмаченною горскою папахой
 их надвигает ночь на Ведено.
 И Ведено вздыхает тяжело:
 опять пойдет пальба за блокпостами.
 Джихад дурными вззоет голосами
 разбойничью молитву за селом:
 Аллах акбар! А на стволах - нагар,
 а к облакам - дымы пороховые...
 Век двадцать первый. Южный край России.
 Война... Ну, с Богом... И - Аллах акбар...

С того ты свету не придешь...

С того ты свету не придешь,
 за стол не сядешь, сняв «разгрузку»,
 со мной по стопке не махнешь,
 не проворчишь: «Ну, где закуска?»
 И вот сижу - и пью один
 я на твоих сороковинах.
 Ты слышь, Иван... Хоть погляди,
 как я закусываю «Примой».
 А что поделать? Здесь, в горах,
 ты ж знаешь, нам ведь не до жиру...
 Вся «Ява» - где-то там, в тылах,
 а на заставе - «Примой» живы.
 Ну, все, Иван, на посошок -
 заговорились... Утром - в горы
 нам в рейд. До встречи, корешок.
 Не повезет - так, значит, скорой...

Письмо оказией

«Меня валяли во дворе
 ногами в кованых ботинках.
 Чуть не забили на заре.
 Могли - им это не в новинку...
 Но обошлось. И по горам,
 в приклады взяв, вели под шутки,
 на праздник свой - курбан-байрам.
 Им было весело, мне - жутко...
 Все скоро кончится. Но чем?
 В зиндан швырнули. Не исправить...
 Но обещал один чечен
 тебе записку переправить.
 В одном я, мама, виноват,
 что стану скорбною морщинкой
 у губ твоих.
 Твой сын - солдат...»

А мама плакала в Кузьминках...

Не прикроешь...

Тяжелая пуля ударила в спину,
сломав пополам и отбросив в кювет...
Трагично обычна картина... Рутин...
Вот только что был ты, и вот уже нет...
И зря поливает огнем автоматным
твой друг промелькнувшую тень у скалы -
не в силах отныне бойцу подсказать ты,
что в спину ему тоже целят стволы...

Пусть хоть так...

Положу я к обелиску -
сына первую игрушку.
Погремушку. Погремушку...
Протянулась тонкой низкой
жизнь моя от той высотки,
а на низке - фотки, фотки...
И на этих тусклых фотках
я живой и ты живой,
у обоих взгляд шальной.
Но уже штабные сводки
отвели для нас раздел:
ты погиб, я поседел.
Ты сказал мне перед боем -
и запомнил я доньне, -
что всегда мечтал о сыне.
От любимой хохотушки
ты графой ушел по списку.
Болью вечной в душах близких...
Пусть хоть так: я к обелиску -
сына первую игрушку.
Погремушку. Погремушку...

...и стал я богаче

...и стал я богаче
на горе чужое,
на собственный стыд:
незнакомая женщина, плача,
обняла меня с криком: «Вахит!»
Только я не Вахит...
Да и в этой войне -
хоть не мной он убит -
на другой стороне.
Все же имя вот это - чужое,
под которым мой враг подрастал,
принял я. Пусть на миг,
на один-разъединственный крик -
я, Вахит незнакомый, тобою
для твоей обезумевшей матери стал.

...и богаче теперь
на одну из потерь...

Не до плача...

Ну, что ты, осень, плачешь у заставы?
Оплачь тогда и наших, и чужих...
Ни мы, похоже, ни они не правы...
Ну, так и что же - нам не целить в них?
Но здесь война. И значит - не до плача.
Слезой затуманивши прицел,
схлопочешь тотчас парочку горячих...
Кто первым бьет, тот, стало быть, и цел.
Вот так, сестра... Дождем да листопадом
смущать солдата - это смертный грех.
А вот убьют - тогда с тобою рядом
я стану, осень, и оплачу всех...

Как-будто не в Чечне...

А ночью - время для проказ
проспавших целый день ветров,
и небо шурит жёлтый глаз
и хмурит облачную бровь,
и, как бывалый старшина
на шалость молодых солдат,
ночная смотрит тишина,
и пряно вьется аромат
нагретых за день горных трав,
и в сакле скромной - свет в окне...

Как будто нет стрельбы, облав,
как будто это - не в Чечне...

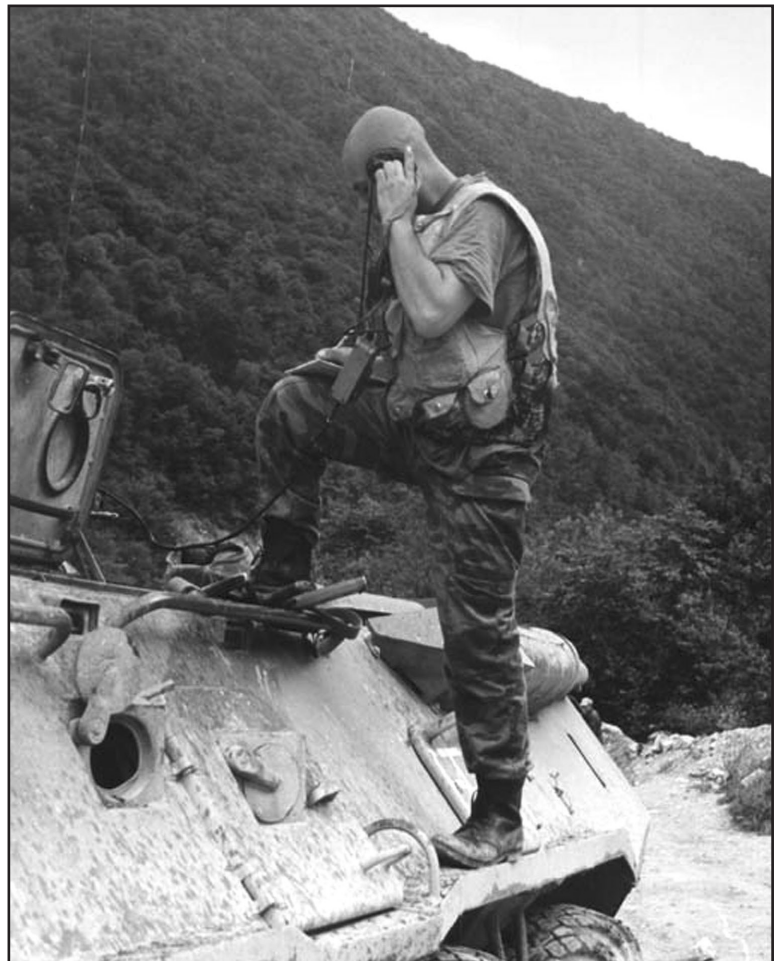

Я не каркаю...

Горы - горькие... Горе - горками
по равнинам... В недобрый час
окрестованными пригорками
ошарашит оно и вас.
Что - «не каркай»? А я не каркаю -
сам утрат я таких боюсь.
Только что уж там... Смертной картою
выпадает нам наша Русь.
Картой смертною - командирскою:
горы - фронт, а равнины - тыл...
Нынче думаешь: мой-то выстоит,
а назавтра его - в распыл.
А назавтра его, как плеткою
освинцованной - автомат...
В общем, горяшка всем нам, кроткие,
хватит. Каждому - в аккурат...

Сны

Хорошие сны -
что нет войны...
А я просыпаюсь в поту:
патрон заклинило в автомате...
На лунном свету,
словно вата,
набухает ночная сырость.
Черт, опять приснилось...

Когда пылавшая броня...

Когда пылавшая броня
остынет, скорчившись калекой,
живые вытащат меня
пригоршней пепла из отсека.
Да, мне бы выжить... Хоть назло
бородачу с гранатометом...
Но в этот раз не повезло.
Война... Случается, чего там...
Да, и еще: из-под Шали,
не будь я пеплом - просто телом,
со мной бы парни не ушли,
все полегли б, такое дело.
А так - горами налегке,
пригоршня пепла - груз не тяжек,
не помешает на тропе
поставить сколько-то растяжек,
способных «духов» задержать -
пусть помудохаются с ними.
...Ну, парни, в бога-душу-мать,
дойдите же хоть вы - живыми!

Стрекоза на Моздок

Я зажмурю глаза -
вот сейчас стрекоза
там, где синь-бирюза -
снова вспыхнет,
и прервется полёт,
и душа полыхнёт
жаркой болью военного лиха.

Стрекоза, стрекоза, бортовые огни
не включай ты хотя бы на взлёте.
Стрекоза, стрекоза - без брони сохрани
безответную в небе пехоту.
Стрекоза, стрекоза - без брони сохрани
безответную в небе пехоту.

Ты хоть этих парней
не оставь среди гор,
уноси их скорей -
даль клубится.
Уноси-выноси,
что захочешь, проси -
сам за них я готов расплатиться.

Стрекоза, стрекоза, бортовые огни
не включай ты хотя бы на взлёте.
Стрекоза, стрекоза - без брони сохрани
безответную в небе пехоту.
Стрекоза, стрекоза - без брони сохрани
безответную в небе пехоту.

Я зажмурю глаза
и опять распахну -
там, где синь-бирюза
след растает.
Облака - как бинты,
месяц воздух винты,
вертолет на Моздок улетает.

Стрекоза, стрекоза, бортовые огни
ты включай на подлёте к Моздоку.
Стрекоза, стрекоза, уноси, сохрани
на войне поредевшую роту.
Стрекоза, стрекоза, уноси, сохрани
на войне поредевшую роту.

Гос-по-ди!

А небо повело, повело -
и оно упало.
Было все вокруг белым-бело,
сразу черным стало.

Или это ночь пришла - к одному ко мне,
столько недоспавшему на моей войне...
Что-то плохо верится... И в груди
пузырится-пенится...
Гос-по-ди!

А небо залегло, залегло -
рядышком со мною.
То ли стонет от боли оно,
то ли ветер воет.

Или это ночь пришла - на двоих одна,
небо воевавшее, видно, нам хана...
И с судьбою сладу нет - впереди
мир кренится-падает...
Гос-по-ди!

И снова замело, замело -
белый снег да пули.
А мне и небу не повезло -
и мы не вернулись.

Или это ночь увела ненадолго нас
в отдаленный тыл, где войны не слышен глас...
Может, возвратимся к вам - из беды
или возродимся мы...
Гос-по-ди!

Прикрою

Все случится сегодня...
И будет, наверное, просто...
А пока я курю -
хоть минута, но все же моя, -
снегопад мне постелит
последнюю свежую простынь,
и придется сказать:
ну, спасибо - за смену белья...

Пусть постель - не из лучших...
Но я и не жажду комфорта...
Я к нему не привык...
А теперь и совсем не судьба...
Мне комфорта сейчас бы
такого, солдатского сорта -
поудачней позицию...
Будет точнее стрельба...

Как красив снегопад...
Заметает тропу под скалою...
Жаль, что я не художник -
обычный российский солдат...
Написал бы картину...
Но надо готовиться к бою...
Ну, прощайте, друзья...
И давай, выручай, автомат...

Нам, брат, обоим повезло...

Боль уходила сквозь бинты,
а ей на смену шел покой.
И он сказал: братишка, ты
какой-то нынче не такой.
Ты как-то странно молчалив,
а ведь язык - как помело...
Ты жив и я, как видишь, жив,
нам, брат, обоим повезло...
Когда грузили в вертолёт,
он прошептал, что давит жгут,
но рана - мелочь, зарастёт...
А врач сказал: не довезут...

Полковник Тушин (отрывки из письма)

...Письмо прочел. И понял вас...
Да, справедливы ваши речи.
Но вы пошлите хоть бы раз
разведку гибели навстречу -
в ловушку, прямо на засаду,
когда нельзя, но - надо, надо...

...Упрек мне ваш - не в бровь, а в глаз -
все ж не оставлю без ответа:
я сотни раз давал приказ
и каждый день плачу за это.
И не деньгой - пусты карманы,
а злыми спазмами в гортани,
обильной ранней сединой,
разводом с любящей женой
и тем, что пятый год подряд
я хороню своих солдат...

...Клонюсь повинной головой,
и матерей солдатских вой
мне душу рвет: «А сам - живой!»

Живой...
Простите...
Жив пока...
Полковник Тушин,
комполка...

Отвечу, если это - грех...

Мне говорят:
погибших позабудь
и не держи их памятью в плену,
они прошли чеченскую войну,
так дай же им пройти последний путь,
и не пытайся, друг их боевой,
израненный, но, видишь ли, живой,
заставой памяти своей сторожевой
стоять на этом - не твоём - пути,
друзьям скажи последнее "прости"
и души их на волю отпусти,
теперь ни ты, никто не волен
держат их здесь - в земной юдоли...
И вроде верно говорят...
Раз память - плен, забыть необходимо...
Но отчего так холодят
слова, как будто принял яд,
как будто жизнь проходит мимо?
Ну, нет - погибшие простят
тот плен, в который их ввергаю
тем, что не помнить - не могу.
Погибших я не забываю
и память свято берегу
о каждом. Обо всех...
Отвечу, если это - грех...

Души...

Облетая, золотится,
пух с высоких тополей.
Даль прозрачная искрится
и внушает: не жалея
ни о чем - о травмах, драмах,
неприкаянности дней...
Глянь: над церковью крестами
клин нежданный журавлей.
Как курлычут! Горло сушит
плач блуждающих теней...
Неотмоленные души
в оперенье журавлей...

Владимир Войт

http://artofwar.ru/w/wojt_w_p

Воспоминания врача батальона. Часть первая.

Посвящается живым и мертвым солдатам и офицерам 3 Десантно-штурмового батальона 56 Десантно-штурмовой бригады.

http://artofwar.ru/w/wojt_w_p/

Вступление.

Родился я в семье кадрового военного медика. Отец, Войт Петр Ефимович, окончил Куйбышевский военно-медицинский факультет, затем Военно-медицинскую академию и долгие годы работал врачом отоларингологом в военных госпиталях. Я также закончил Куйбышевский военно-медицинский факультет.

Готовил себя к деятельности врача, еще учась в школе. Для этого у меня были хорошие возможности.

В раннем детстве были неплохие технические навыки, я очень любил делать все своими руками. Это было время зарождения космонавтики, первых полетов человека в космос. Как и все я увлекался авиамоделированием, мастерил макеты

ракет. Отец советовал мне поступать в технический университет. Но в старших классах я заявил, что хочу быть врачом. Наблюдать оперативные вмешательства, которые им и другими врачами-хирургами выполнялись в операционные дни. Выбор был сделан, я поступил в Свердловский государственный медицинский институт, а когда мои родители вернулись из зарубежной командировки, перевелся поближе к месту жительства родителей (г. Полоцк) в Витебский государственный медицинский институт, где проучился всего один год: решил пойти по стопам отца, поступить на военно-медицинский факультет. Отец особо не был рад моей инициативе. Он говорил мне: «Зачем ты надеваешь на себя такое ярмо?». Но я настоял на своем и уехал учиться в Куйбышев.

Время учебы прошло быстро.

С благодарностью вспоминаю тех преподавателей, которые старались привить нам всевозможные мануальные, практические медицинские навыки. Это весьма пригодилось в будущей деятельности. Вообще, каждый врач обязательно должен хорошо и грамотно работать не только умом, но и руками. Врач не должен надеяться на медицинскую сестру, сам должен делать инъекции медикаментов, ставить очистительные клизмы и проводить другие сестринские манипуляции. Как показала дальнейшая моя практика - сестры рядом может и не быть.

Начало военной службы.

После окончания Куйбышевского военно-медицинского факультета, по распределению попал в Ленинградский военный округ. Служба на-

чалась для меня в должности врача 730 Военно-строительного отряда - г. Череповец, Вологодской области. За годы службы в этой должности было всякое, мне повезло, что командиром отряда был подполковник Миллек Роберт Андреевич. Он уважал и ценил своих медиков. Отряд был хозрасчетной организацией, зарабатывал деньги, нам неоднократно давали возможности покупать дополнительно медикаменты и медицинскую технику в медпункт. У меня был хороший помощник - прапорщик Андрианов Вячеслав Иванович. Он был немного старше меня и уже имел опыт работы.

При Военно-строительном управлении был госпиталь. Благодаря этому появилась возможность развивать себя. Я посещал этот госпиталь, городскую больницу, с целью наращивания и приумножения практического медицинского опыта.

Служба была нелегкой. Солдаты отряда работали на ряде производств, и их труд был связан с риском для здоровья. Нередки были и случаи травматизма, и заболеваемость была довольно высокой. Далеко не каждый солдат призывался на службу в военно-строительный отряд абсолютно здоровым, обычно наоборот... К сожалению отмечались случаи и гибели военнослужащих по разным обстоятельствам: поражение электротоком, травмы со смертельным исходом, случаи утопления, суициды. В военно-строительном отряде я впервые реально увидел смерть солдата в результате огнестрельного ранения, такого я даже не мог себе ранее представить: солдат был застрелен офицером патруля, находясь в самовольной отлучке. Огнестрельное оружие было применено не обоснованно.

Как я попал в Афганистан.

В 1981 году, осенью, меня вызвал командир отряда. По его виду я понял, что случилось нечто серьезное. Мы поехали в Военно-строительное управление, где, в кабинете начальника зачитали приказ Командующего Ленинградского военного

округа о служебной командировке в ДРА. Мне предстояло заменить врача батальона в/ч п.п. 44585 «т» Азисова Сергея. Замена была прямой. Номер воинской части мне ни о чем не говорил. В кабинете висела карта Мира, я посмотрел на нее и сказал, что это конечно далековато. Меня спросили, не хочу ли я отказаться, на что я ответил отрицательно: от приказов просто так не отказываются. Мне сказали, что я правильно все понял. Был еще отдел кадров непосредственно в штабе Ленинградского военного округа, где уже с нами - группой медиков, беседовал какой-то генерал. Опять никто не отказался. Нам, естественно, напомнили о врачебном долге и воинской присяге, а также как бы между строк об уголовной ответственности. Генерал приводил какие-то странные примеры из жизни, о случайностях говорил, говорил, что медик тоже может пострадать, но в меньшей степени. В итоге к нам приставили целого полковника, который настоятельно нас попросил прибыть в аэропорт в назначенное время без опозданий. Все пошли гулять последний раз по цивилизации. После этого вид у большинства в аэропорту был соответствующий. Нас отдельной тропой, минуя металлоискатели, провели в самолет...

Приземлились в аэропорту Ташкента, нас погрузили в автобус и отвезли к военному аэродрому на пересыльный пункт. Там, на пересылке я пробыл недолго, но наслушался страшилок про войну. Насмотрелся, как люди переживают, бутылки солдаты выносили по утрам мешками. С нами проводили недолгие занятия, рассказали, что реально контролируем не более трех - четырех процентов территории Афганистана. Именно на пересылке я узнал, это было в туалете, где служил доктор Азисов Сергей. Я присел, рядом сидел офицер сильно загорелый. Я спросил его, он мне ответил. Я понял, что попаду в десантно-штурмовую батальон.

Самое забавное, что и мой отец когда-то служил в воздушно-десантной дивизии в Фергане, в последу-

ющем эта дивизия была реформирована в эту десантно-штурмовую бригаду и переведена в Чирчик. Мой родитель в то время был врачом отдельного медицинского батальона, сам прыгал с парашютом. Можно понять мои первоначальные эмоции: я тут же представил, как прыгаю с парашютом на горы Афганистана с очками в кармане...

Затем был снова самолет. Мы летели над Афганистаном, видели на горных вершинах какие-то костры. Кто-то рассуждал вслух, что можно и не долететь до места назначения.

Посадка в Кабуле, выстрелы, взрывы мин. Глаза, как говорят - «на лоб полезли!» Правда, нам объяснили, что это местные десантники пристреливают высоты в районе аэродрома.

Первые дни в Афганистане.

Уже в Кабульском аэропорту мы увидели офицера, который собирался лететь в Союз. Было интересно порасспросить, как тут дела в Афганистане. Он, отвечая на наш вопрос, сунул руку в карман и вытащил уведомление о гибели солдата. Там была примерно такая фраза: «Ваш сын погиб в ДРА при защите южных рубежей нашей Родины и т.д.». Офицер сопровождал «груз 200». В итоге нас, несколько напуганных, отвели на пересыльный пункт. На пересылке я снова спросил у кадровика, правильно ли, что меня слепого направляют врачом десантно-штурмового батальона. Он меня успокоил, сказав, что здесь все такие, и на парашюте меня бросать никуда не будут.

Потом была посадка на очередной самолет и недолгий полет. С нами летел бронетранспортер, а мы сидели рядом. Приземлились в Кундузе. Что я хорошо запомнил, так это мелкую дисперсную пыль. Было такое ощущение, что иду по другой планете, такой местности я никогда не видел.

Направился к месту расположения бригады, навстречу мне шла колонна солдат с офицерами, среди них я увидел военного медика. Тот

спросил меня кто я, сказал, что меня очень ждут, а они все больны инфекционным гепатитом и сейчас уезжают на лечение в Союз. Я узнал, что Азисова Сергея в батальоне уже нет, он был ранен на боевой операции осколками при взрыве гранаты гранатомета. Ему повредило руки, а офицера, который сидел рядом, убило. Тут я понял, что попал в серьезный переплет судьбы.

Вот и бригада. Сразу обратил внимание на бурную подготовку всех к чему-то. Солдаты набивали патронами пулеметные ленты, чистили оружие. Методом расспросов нашел командира батальона.

Он сразу сказал мне, что здесь война, бригада, и батальон в том числе, несет потери.

Показал мне в сторону Кундуза и рассказал, как три солдата, пошедшие в лавку в город, были убиты и обезглавлены.

Показал сожженную гранатометом БМД.

Рассказал мне о санитарном инструкторе, которого застрелил снайпер.

Повторил мне сведения о моем предшественнике.

В конце своего повествования он спросил - привез ли я водку, на что я ответил положительно. Тогда комбат предупредил меня, что вечером будем мыться в бане и пить мою водку.

Пока мы шли в штаб, он поз-

накомил меня с моим санитарным инструктором - Фархатом Курбаниязовым. Я тут же ознакомился с содержимым его санитарной сумки и понял, что ее нужно срочно укомплектовывать. В сумке лежало несколько упаковок бинтов и укладка со шприцом, залитым какой-то непонятной жидкостью бурого цвета. Курбаниязов просветил меня, что это смесь корвалола и кордиамина, никаких осложнений после инъекции таким шприцом у него не наблюдалось. Он и отвел меня к расположению медицинской роты бригады.

Комбат напоследок предупредил, что на утро планируется марш с целью передислокации на новое место расположения, поэтому я должен принять участие в подготовке к маршу.

В медицинской роте я познакомился с начальником медицинской службы бригады и другими докторами. Увидел, что многие из них, как и я, носят очки, это меня несколько успокоило. Спросил, что мне следует делать в первую очередь. Посоветовали вооружиться, укомплектовать свою собственную медицинскую сумку для оказания помощи, в случае необходимости оказывать помощь так, как ее оказывает врач «Скорой медицинской помощи». Ребята были все интересные, веселые, многие из них были призваны из запаса. Хирург медицинской роты, Олег Макеев, учил меня, как выполнять операцию в полевых условиях:

— Бери «морфушу», коли в вену, пили ногу.

Я с тоской стал думать о том, что у меня маловато навыков по хирургии. Правда, учитывая то, что «война - это травматическая эпидемия», я взял с собой учебник по оперативной хирургии и топографической анатомии. Учиться пришлось непосредственно на практике. Кроме учебника я с перепугу взял с собой запасные линзы от очков, думая, что мне их придется вставлять в противогаз, к счастью в дальнейшем это не пригодилось. Химическое оружие по нашему батальону не применялось.

Вечером была баня. Фархат раскочегарил дезинфекционно-душевой прицеп, мы с комбатом успели намылиться, а затем только смахнуть пену, так как наш доблестный санитарный инструктор вдруг объявил, что кончилась вода. После этого он быстро убежал. И правильно сделал.

Затем мы пили мою водку в составе управления батальона. В момент распития зашел какой-то офицер, начал что-то говорить комбату, был, вероятно, тоже нетрезвый. Комбат, не спеша, надел перчатки, сделал движение, и офицер испарился из проема двери. В этот момент я подумал, что мало взял запасных очков.

На вечернем построении батальона прямо перед строем солдат получил по челюсти за то, что заснул на посту. Это было обычным делом. На следующий день батальон построился в походный порядок, и мы двинулись на юг, в Баракибарак...

Мой первый марш.

Комбат указал мне БМД, на которую я должен был сесть, мне определили место наводчика, это прямо в башне. Комбат дал мне новый утепленный шлемофон. По «ускоренной программе» научили, как держать связь, стрелять из пушки БМД, пользоваться башенным пулеметом. Для большей безопасности своих очков поверх шлемофона надел каску. Тро-

нулись. Мне придали дополнительно санитарного инструктора - Юру Смагина. Смагин сел справа от механика-водителя за курсовой пулемет. По началу движение по горным дорогам Афганистана было спокойным. Единственное, что не понравилось мне как врачу - это один из привалов. Колонна остановилась, и солдаты, покинув боевые машины, стали пить воду прямо из протекающего вдоль дороги ручья. Они явно рисковали своим здоровьем. Спали прямо в боевых машинах, питались сухими пайками. Банка тушенки гуляла по БМД, и прямо на ходу мы одной ложкой ели мясо.

На Саланге наша машина попала в довольно неприятную ситуацию. БМД вдруг заскользила по обледенелой дороге прямо в пропасть. Действовал я автоматически: быстро перебрался с башни на моторное отделение машины и приготовился прыгать. Комбат, который ехал впереди, увидев это, выскочил из своей боевой машины на дорогу, крикнул мне, чтобы я не спешил, и стал руководить нашим механиком-водителем. БМД удалось отвести от края пропасти, и мы продолжили движение.

Погибнуть можно не только от пули, но и в результате дорожно-

транспортного происшествия. В дальнейшем такие случаи гибели солдат и офицеров я часто наблюдал. Машины переворачивались, падали с мостов... Дороги в Афганистане довольно опасные, местность гористая. После выезда из тоннеля на перевале Саланг у многих, в том числе и у меня, сильно болела голова, сказывалось отравление окисью углерода. Вентиляция тоннеля была крайне плохой. Как я потом слышал, были случаи гибели людей. В том числе и массовой.

В районе города Баглан наша колонна была обстреляна из стрелкового оружия.

По радиации я услышал о раненом. Пуля содрала у него кожу с лобной части головы. Ранение было касательным. Ему очень повезло. Первую помощь оказали товарищи, я, правда, уже успел подъехать к месту событий и приготовился выбраться из машины. А вокруг стрельба. Дал команду Смагину на выход из БМД, на что Юра ответил, что он лучше прикроет меня огнем из пулемета, лицо у него было бледное.

В Баглане, я видел через триплекс, местные мужики показывали нам сжатые кулаки. Комбат запретил мне высовываться из машины, боялся, что я по дурости погибну.

В итоге я уступил место в башне сержанту, а сам устроился в десантном отделении. Конечно, сержант лучше стрельнет из пушки и пулемета, чем я, доктор.

Когда мы подъехали к Кабулу, ко мне обратилось сразу несколько солдат, уже совсем желтых, их надо было оставить в инфекционном отделении госпиталя, которое размещалось на окраине города. Дело было вечером, мне указали направление движения к инфекционному отделению, и я повел больных солдат. Автомат был только у меня. Местные жители шарахались от нас в темноте, а мы от них, но дошли благополучно.

Больных в инфекционном отделении госпиталя было очень много. Меня посадили завести на своих больных истории болезней, пока я их писал, стало еще темнее. Назад в колонну я шел один, это было полное безумие, но все обошлось...

Добрались мы до места новой дислокации батальона, в общем, нормально, без потерь. Душманы пощипали арьергард бригады, особенно артиллеристов и тылы.

Воспоминания врача батальона. Часть вторая.

Баракибарак. Провинция Логар.

Батальон разместился около города Баракибарак, на территории бывшей женской гимназии, все здания которой были построены из глинобитного кирпича с бетонными полами. Даже была бывшая мечеть, вокруг каменный забор с двумя большими проемами-воротами и двумя маленькими выходами за пределы расположения.

Мы сменили мотострелков. Первую ночь провели с ними совместно. Когда я зашел в будущее помещение медицинского пункта, на полу были расстелены матрасы, на которых лежало несколько офицеров-мотострелков. Один из офице-

ров почему-то у меня спросил: «За что меня отправили в Афганистан?». Я ответил: «Сам не знаю».

Уже поздно вечером им вдруг захотелось жареной картошки, позвали сержанта, дали ему задание. Сержант, конечно, по началу сильно сопротивлялся, но через некоторое время появился с огромной сковородой наполненной уже готовой картошкой. Я очень удивился, где он ее умудрился достать.

На следующий день мотострелки уехали. Я первым делом стал обустривать свой медицинский пункт, за стеной был размещен штаб, там же жили все офицеры управления батальона. Окна я заложил доверху кирпичами для защиты от осколков и пуль. Напротив медицин-

Санитаринструктор Юрий Смагин

ского пункта приказал Курбаниязову выкопать окоп для обороны медпункта, ну и с воспитательными целями. В окопе я успел сфотографироваться, но его вскорости пришлось закопать, так как кто-то туда сходил по большому делу.

Начались будни. Батальон обустроивался, делали столовую, бани, приводили в порядок помещения казарм. На сопке к югу организовали боевое охранение, посадив туда взвод солдат, поставив минометы и разместив гаубицу. С этой сопки хорошо просматривалась большая часть провинции Логар.

Некоторое время с нами была рота спецназа и постоянно группа ГРУ. У спецназовцев был фельдшер - прапорщик.

Недалеко от места дислокации нашего батальона, в кишлаке Суфла, находился батальон царандоя, тюрьма, группа Афганского КГБ - ХАД. Основная же часть бригады размещалась около Гардеза, там же была и наша медицинская рота.

Первые боевые операции, первые потери.

1 декабря 1981 года, батальон вышел на операцию, суть которой состояла в перехвате караванов с оружием. Мое место было в бронегруппе. Вышли ночью. По ходу движения мой санитарный транспортер отстал от основных сил батальона. Шли на высоких скоростях. Было довольно темно, вокруг горы и кишлаки. Я несколько растерялся, но потом сообразил, что надо двигаться по следам боевых машин. Таким образом, я догнал своих.

Потом мы расположились около какого-то заброшенного дома. Саперы поставили вокруг сигнальных мин, артиллеристы развернули две гаубицы, минометчики установили свои самовары. Две роты в полном боевом снаряжении выдвинулись по двум направлениям к местам выхода из ущелий. Началось томительное ожидание. Было довольно холодно, все сильно замерзло. Во дворе солдаты разожгли костер, для чего использовали покрывку грузо-

вого автомобиля. К утру услышали стрельбу на одном из направлений, по радиостанции передали, что мимо засады проскакал всадник. Целая рота из всех видов стрелкового оружия упорно стреляла по всаднику, но потом нам сообщили, что всадник ушел, и должен выйти прямо на нас.

Мы увидели вдали какого-то мужика верхом на белом осле. Он совершенно спокойно продолжал приближаться. С двух сторон к нему направились БМДшки, и всадник вместе с ослом был пленен.

Караваны ожидалось со стороны алмазных рудников, по этой причине всадника и осла довольно долго обыскивали в надежде найти алмазы. Алмазов конечно не нашли. Потом мы по очереди фотографировались верхом на этом осле, так как только у меня тогда в батальоне был фотоаппарат и всевозможные принадлежности.

Мужика же отдали царандоевцам. Они отвели его в сторону и расстреляли, так как у него при себе было оружие. Наши солдаты решили посмотреть на эффект попадания пули калибра 5,45 в живое тело. Один из них выстрелил в осла, пули попадали ему в заднюю часть и вылетали в самых необычных местах, траектория полета была явна не прямой.

Караван в итоге на нас не вышел, услышав стрельбу, ушел в сторону.

Прибыв обратно в батальон, я получил добро на командировку в бригаду, так как практически закончился перевязочный материал и медикаменты. Сел на вертолет и через двадцать минут полета прибыл в Гардез. К расположению медроты добрался благополучно, получил перевязочный материал и медикаменты. Возвращаться должен был на следующий день с колонной, но погода испортилась, и колонну решено было задержать. Моя командировка растянулась на три дня. В эти дни одна из рот нашего батальона попала в засаду, одна из боевых машин подорвалась на противотанковой mine. Погибло два солдата. Медицинскую

помощь оказывал им фельдшер роты специального назначения, но они получили ранения несовместимые с жизнью...

Я был вызван в штаб бригады и комбриг, сильно ругаясь, дал мне и начальнику медслужбы команду получать медикаменты по заявкам попутным транспортом и без моего личного присутствия. В итоге я отправился в батальон воздухом: прилетели вертолеты. На них же тела погибших солдат эвакуировали в Кабул.

Зимой особой войны не было, листва с деревьев опала, подойти к батальону и к дорогам душманы не могли. Один раз вечером двое из них по нахалке решили проехать мимо батальона на «Опеле», но их тормознули солдаты с неприятными для них последствиями.

В итоге мы фотографировались и возле «Опеля».

Весна 1982 года.

Пришла весна, деревья и кусты покрылись листвой, видимость резко снизилась. Пуштуны перегоняли стада овец через перевал, и как-то утром мы увидели их шатры в долине. Духи тоже пошли через перевалы. Начались активные боевые действия. Батальон охранял дорогу во время движения колон, обычно в дневное время, а ночью роты уходили в засады. Был ещё один вид боевых операций - проверка результатов бомбо-штурмовых ударов с прочесыванием местности.

Бомбо-штурмовой удар состоял обычно в следующем: прилетала пара вертолетов, на один из них сажали «наводчика», который указывал цель. Каждый бросал, как правило, две бомбы, затем роты выдвигались к месту бомбометания, если это было возможно. «Наводчиками» были местные жители. Их обычно тайно, вечером, переправляли к нам в расположение. Командир батальона почему-то всегда размещал их на ночь у меня в медпункте. Обычно я спрашивал у них, есть ли оружие (туфам, туфанча аст?), у

них, как правило, огнестрельного оружия не было, но как-то один достал из кармана шелковый шнур, о предназначении которого я сразу догадался. Моя кровать было прямо в медпункте, тут же спал санинструктор. Когда ночевали «наводчики» я, естественно, уходил в расположение рот в кубрики офицеров. Все знали, если я прихожу на ночевку, то ночью или наутро будет боевая операция.

Менялись солдаты, менялись офицеры. Кто-то убывал в Союз по плану, кто-то по болезни или ранению. За время моей службы сменилось четыре командира батальона и множество офицеров. Когда прибывали молодые офицеры без боевого опыта, это, как правило, сильно осложняло обстановку.

Как-то спланировали операцию под условным названием «Захват главаря». Предполагалось захватить командира одного из отрядов мятежников.

Горела керосиновая лампа, на карте зам. начальника штаба вырисовывал ход операции, я ждал указаний. На меня в итоге обратили внимание. Новый комбат Репко, упорно думая, куда меня определить, вдруг приказал мне выдвигаться в группе захвата. Про себя я решил, что мне пора писать завещание. Вернулся в медицинский пункт и начал готовиться к операции. Тут дверь открылась, появился опытный начальник штаба Барышников. Он, смеясь, сделал коррекцию в моей участи, определив мое место в бронегруппе батальона.

Ночью мы долго ехали, добрались до места без приключений. Роты зашли в кишлак искать «главаря» и его сообщников. Естественно в итоге никого не поймали, так как все, вероятно, попрятались в «кяризах» - подземных колодцах с ходами сообщений. Можно сказать, что вся территория Афганистана изрыта за многие века. В каждом доме колодец, от колодца к колодцу идут ходы сообщений, по которым свободно могут перемещаться люди. В некоторых колодцах даже нет воды.

Новый комбат решил сам пройтись по кишлаку, хотел даже позвать

меня за компанию, я вежливо отказался, он не настаивал. Опытные мужики смотрели на его дурную инициативу весьма скептически. Такие прогулки к добру обычно не приводили. Царандоевцы отловили в итоге всю семью «главаря» и забрали их в заложники. Их посадили на один из наших БТРов. И мы двинулись обратно в батальон. Тут и началось звуковое сопровождение.

Душманы повыскакивали из своих нор и открыли огонь из стрелкового оружия по нашей колонне, по БТРу, где сидели заложники, не стреляли. Я услышал удары пуль по броне и моей машины. Солдаты вели огонь из автоматов через амбразуры. Когда мы прибыли на место дислокации, то на моторной части впереди идущего танка я увидел множество мин, снятых саперами. Потерь в этот раз не было.

Но не всегда было так хорошо. На одной из операций батальон разделился на две части: роты и артиллеристы с бронегруппой. Операция началась ночью. Окружили с двух сторон один кишлак. Я находился вместе с комбатом. На засаду, организованную нами, вышло два душмана. Они были застрелены из автомата оснащенного прибором бесшумной стрельбы. Комбат велел мне осмотреть тела убитых. Одному пуля попала в голову, другому в сердце. После осмотра тела закопали.

А во время движения артиллеристов к месту разворачивания, «Урал», загруженный снарядами с прицепленной гаубицей, с расчетом, сидящим в кузове, с двумя офицерами и прапорщиком подорвался на фугасе. Как выяснилось потом, в живых остался только один солдат... «Урал» размазало по дороге, ствол гаубицы деформировало ударной волной. В этот момент мы с комбатом находились по другую сторону «зеленки». Он принял решение пройти напрямую, через «зеленку» к месту подрыва. Комбат, командир девятой роты, какой-то офицер, прикрепленный к нам из бригады, я и четверо солдат двинулись через кишлак. Только мы в него зашли, наш боец замечает бегущего мужика, по которому открыли огонь. В него не попали, но он, поскользнувшись на глинистом берегу речки, упал. Два солдата нагнали его и взяли в плен. Буквально метров через пятьдесят мы вышли на группу душманов, которые готовились к обороне: рыли окопы. Они ничего не успели сделать, и также были пленены. Из-за угла дома выскочило ещё два душмана и попытались нас обстрелять, но наш солдат сразу же положил одного насмерть, второго ранил в живот. Командир девятой роты добил его выстрелом в голову. Тут я впервые вблизи увидел эффект попадания пули калибра 5,45 в голову - после

таких ранений выжить невозможно. Потом снова появились душманы, они старались вести огонь из-за укрытия. Стреляли из автоматов, в том числе и из ППШ. Мы прыгнули в канаву вместе с пленными. Стало понятно, что идти вперед нельзя, мы углубились в кишлак всего на триста метров, а столько приключений получили себе на задницу. Было решено вернуться к бронегруппе. По нам уже не стреляли, видимо боялись попасть в своих. И тут вдруг появились женщины, по всей вероятности в наших руках были их мужики.

Больше никто никого в этот день не убивал.

Некоторые эпизоды войны.

В пределах прямой видимости от места дислокации батальона находился кишлак. Ранним утром мы засекли пару вертолетов и пару штурмовиков, атакующих наземные цели в нём. Огонь велся из пулеметов, НУРСов, производилось бомбометание. Вдруг по вертолетам и самолетам с земли открыли огонь зенитные установки. Это было как в кино, множество разрывов снарядов, черный дым на земле. Батальон был поднят по тревоге и устремился к кишлаку. Добрались туда быстро. Мой санитарный бронетранспортер оказался в числе первых, мне даже пришлось тормознуть Курбаниязова, так как боевые машины забуксовали в рисовом поле, а мы благополучно его миновали. Роты пошли на прочесывание кишлака, но в кишлаке

душманов не оказалось, не нашли даже ни одной стреляной гильзы. При нашем приближении все кто был в кишлаке, видимо, ушли под землю.

Поехали обратно, впереди на БМД ехал третий комбат, Шлёпкин, сменивший Репко, которого перевели в бригаду, особист батальона Мальцев и солдаты, я следом. Вдруг под БМД комбата раздался взрыв. Я увидел множество летящих камней, но успел убрать голову в бронетранспортер. Когда потом выбрался наружу, увидел лежащих на земле комбата и особиста. Их сбросило с брони, оба были ранены. Ранено и механика водителя БМД. Его особенно тяжело. Противотанковая мина обычно проламывает в днище машины огромные отверстия, вырывается кумулятивная струя, осколки летят внутрь машины, экипажи погибают, или, если «повезет», люди получают тяжелейшие ранения.

Быстро прилетел вертолет, раненых эвакуировали в Кабул. К месту подрыва подъехали другие боевые машины, появилась брага, которую привезли в большом термосе на моторном отделении одной из боевых машин. Выпили. Сняли стресс.

Так в последующем появился четвертый комбат, а Шлёпкину ампутировали ноги и комиссовали.

Это было перед моим отпуском. Меня на время сменил фельдшер-прапорщик, а я улетел в Гардез. Получил проездные документы, и мы, четыре отпускника, стали ждать вертолеты на Кабул. В местной лавке купили пару бутылок водки по 50 чеков и дружно их выпили. Прилетело два афганских вертолета, их обстреляли по пути, наделав дырок в корпусах. Нас по два человека распределили по машинам, надо отметить, что свое стрелковое оружие мы оставили в бригаде. В вертолеты с нами загрузились местные жители, вертолеты пошли на взлет. Вдруг дверь нашего вертолета открылась, и я увидел пару мужиков, которые уже на взлете вертолета решили подсесть. Одной рукой оба держались за борт, в другой руке у них были пачки денег. Афганский бортмеханик под-

скочил к двери и каблукон наступил на руки «зайцев», последние полетели вниз, вертолет продолжил взлет. Я с попутчиком стал осматриваться в салоне вертолета, рядом с нами сидели афганские мужики с подозрительными рожами. Мой попутчик вдруг достал гранату Ф-1 и демонстративно предъявил ее всем. Полет завершился благополучно.

В Кабуле переночевали на пересыльном пункте и на следующий день вылетели в Ташкент, из Ташкента в Москву, затем поездом до Череповца, где проживала моя жена и дочь.

Последняя операция до отпуска вогнала меня в состояние стресса. Никак не мог привыкнуть к мирной обстановке, к тому, что не стреляют и не рвутся мины. Отпуск пролетел быстро, я съездил в Полоцк к родителям.

И вот я снова в Ташкенте. Еду на такси в Тузель, а водитель узбек говорит мне, что нам в Афганистане делать нечего, да и вообще я зря оставил свою жену без присмотра...

Курбаниязов Фархат.

Мой санитарный инструктор. Впервые я его увидел в Кундузе, он сидел рядом с разорванной лагерной палаткой. Комбат представил его мне, как санинструктора батальона. Я попросил Курбаниязова показать свою санитарную сумку. В ней ничего практически не было, песок, немного бинтов, футляр со шприцем, замоченным в корволольно-кордиаминной смеси бурого цвета. Курбаниязов заявил, что осложнений после инъекций этим шприцом он не наблюдал. Кроме этого Фархат показал мне мешок, заполненный индивидуальными аптечками. В аптечках не было только промедола, пакет с промедолом комбат лично передал мне вечером в тот же день. Как мы мылись в бане, уже рассказывал, но надо отдать должное Курбаниязову, он все-таки попытался раскопечгарить сломанный ДДП. Первоначально у нас не было санитарного транспортера, ездили прямо на БМД и БТРД, что было конечно

очень опасно, так как народу на этих машинах было довольно много, а душманы стремились подорвать именно такие боевые машины, денежное вознаграждение за это было довольно высоким. Можно было погибнуть в большой компании, подорвавшись на фугасе. Уже в Бараках мы получили сразу два бронетранспортера - ГТМУ. Их пригнали из Союза. Я взял Курбаниязова, и мы пошли их изучать. Проходимость у них была довольно высокая, широченные гусеницы, больше чем у БМД, двигатель ГАЗ-66 с воздушно-водяным охлаждением, броня противоосколочная, вес 5 тонн. Ширина гусениц меня несколько смущала при движении по дороге. Я видел выбоины на асфальте, а в каждой выбоине могла быть мина. Попытка заставить Курбаниязова по очереди наезжать на эти места то правой, то левой половиной бронетранспортера. Все мне казалось, что свою сторону Курбаниязов бережет больше. В итоге сел сверху машины на поролоновую подушку в надежде смягчить удар по соответствующему месту при подрыве. Саперы всё успокаивали меня, что долбанет под вторым катком, а это значит ближе к двигателю. Двигатель был за моей спиной, между кабиной и отделением для раненых. Бронетранспортеры эти прозвали «таблетками». Подойдя к ним, я спросил Курбаниязова, водил ли он когда-нибудь? Он обещал мне, что быстро научится. Управление поворотами осуществлялось рычагами фрикционного типа: выжимаешь правой рычаг на себя, машина поворачивается вправо, левый - влево. Выжимаешь два рычага сразу, машина тормозит. Буквально через пару дней мы поехали учиться: ночью в колонне придвигания к месту боевых действий. Колонна двигалась довольно быстро по горной дороге. Нас стали обгонять другие машины, потом тылы колонны. При обгоне водовозка напугала Курбаниязова и он перетянул правый рычаг, машина резко пошла вправо. Надо было тянуть и левый для торможения, что он не сделал, а справа была пропасть. Горизонт в смотро-

вом стекле встал резко под углом, потом удар справа, и двигатель заглох. Бронетранспортер оперся на что-то гибкое. Я понял, что мы почти перевернулись. В десантном отделении издавал возмущенные звуки второй санитарный инструктор, Юра Смагин, его ударил по голове при перевороте ящик с бинтами. Я открыл верхний люк и, оттолкнувшись ногами от пола, вывалился на снег около машины, Курбаниязов последовал моему примеру. Мы висели на дереве на обочине дороги, оно нас и спасло от дальнейших неприятностей. Курбаниязов начал дергать за левую половину бронетранспортера, Смагин вылез через задние двери. Вокруг нас были дома кишлака, а вся колонна в двух - трех километрах урчала двигателями вдали. Я приказал занять круговую оборону, взял автомат и дал очередь вверх траксирующими патронами. Увидел, что после этого, колонна тормознулась, видимо стали нас искать. Потом впереди появилась БМД. Курбаниязов, Смагин и я толкнули броневик в сторону дороги, и он снова встал на две гусеницы.

В дальнейшем нас сопровождала БМД, чтобы мы больше не терялись. За Фархатом конечно надо было посматривать. Как-то я застал его за тем, что он лечил по блату солдата от поноса. Я заставил показать таблетки, которыми он это делал, ими оказался «Пантоцид» - средство для обеззараживания воды. Курбаниязов решил простерилизовать солдата крепким раствором хлорки изнутри.

В другой раз я застал его в странном душевно-физическом состоянии с сильно расширенными зрачками: обкуренным.

В целом он был простым и смелым парнем, никогда не подводил меня в ходе боевых операций. Много раненых и погибших перенесли мы вместе с ним. Ближе к его дембелю мы стали готовить ему замену. Выделили нам бойца, который якобы водил машину до армии. Солдат был трусоват, то снимет карбюратор с машины, то разберет коробку передач, якобы для изучения.

Мы приступили к обучению его практическому вождению прямо в ходе одной из операций. На обратном пути наша колонна была обстреляна. Я увидел, что открыли автоматный огонь по идущему за нами «Уралу» с прицепленной гаубицей. Раненые бойцы стали прыгать из машины на землю и прятаться за колесами «Урала». Я дал команду на разворот нашего бронетранспортера. Молодой водитель подвел машину к месту событий, мы загрузили раненых, и я начал оказывать им помощь. Ранило трех бойцов. Пули стали попадать по нашему бронетранспортеру, молодой водитель растерялся и утратил контроль над своими действиями. Я приказал Фархату сменить водителя. Курбаниязов покинул место учителя и за воротник бушлата выволок молодого из бронетранспортера. Пока он занимал место водителя, рядом с ним прошли две автоматные очереди. Курбаниязов мог и не дотянуть до дембеля... Подъехал танк, выстрелил из пушки, группа захвата пошла ловить душманов. Стрелков уничтожили. Бронетранспортер рванулся с места, пришли мы в себя уже в расположении батальона. Раненые сидели и лежали в «таблетке» с гранатами в руках, видимо никто не хотел сдаваться.

К сожалению, я не смог проводить Курбаниязова на дембель.

Настал день, когда я попросил его привезти мои вещи в кабульский госпиталь, провожал он меня, а не наоборот...

Вообще медикам нашей бригады не особо везло. После выхода из строя моего предшественника, Сергея Азисова, был откомандирован в наш батальон Валерий Левченко, который попал под обстрел, чудом уцелел, уплывая по речке с бойцами, как легендарный герой - Василий Иванович Чапаев.

Провизор бригады, Виктор Гниденко, подорвался на mine, лишился ноги. Одного санитарного инструктора нашего батальона застрелил снайпер, другой тоже подорвался - лишился обеих ног.

(Продолжение следует)

Сергей Скрипник

http://www.artofwar.net.ru/profiles/skripnik_sergei_v

Операция по спасению советников ЦК КПСС

Командир вертолетного полка полковник Синельников был по привычке хмур, но сейчас, как показалось Золотареву, еще чем-то весьма озабочен.

— Капитан, — сказал он. — Вам два с половиной часа на отдых, а потом полетите в сторону Торкхама и Хайберского прохода, повезете очень ценный груз.

Он немного помолчал.

— Не слышу традиционных возражений.

Только что вертолет капитана Александра Золотарева коснулся бетонки Джелалабадского аэродрома. По характеру Золотарев был весьма вспыльчив, непредсказуем, поэтому всякий раз, когда считал, что с ним несправедливо поступают, пытаются в чем-то ущемить, перечил начальству. Однажды он так отбрил хамоватого и злопамятного генерала Вострецова, с использованием, как принято говорить в интеллигентских кругах, ненормативной лексики, что чуть было не угодил под трибунал.

Спасли две Красные Звезды да любовь товарищей по полку, ценивших его как раз за неумный нрав и честность. Словом, отстояли.

Но теперь, вопреки устоявшейся традиции, Золотарев лишь тяжело вздохнул и тихо вымолвил:

Приказы не обсуждаются, товарищ полковник.

— Это не приказ, а просьба. Видишь этих двух важных гусakov? — Синельников кивком головы указал в сторону командного пункта аэродрома. — Если с их головы упадет хоть один волос, с нас потом скальп вместе с башкой снимут.

У серого двухэтажного здания в окружении нескольких офицеров стояли два штатских пузана. Один, нервно жестикулируя, что-то говорил всем остальным, а другой задумчиво рассматривал носки своих лакированных заморских туфель.

— Хороши пижоны, — подметил Золотарев. — Кто они, и что, потеряли

на афгано-пакистанской границе?

— Тот, говорливый, заместитель заведующего отделом агитации и пропаганды ЦК КПСС Сливенко. Второй - инструктор в его подчинении Кононов. При ближайшем поверхностном рассмотрении оба - законченные кретины, так что будь с ними поосторожнее. Не брякни чего лишнего, в привычном себе духе.

— Да у них самих язык бежит впереди ума, — вступил в разговор подполковник, стоящий все время рядом и до этого не проронивший ни слова.

— Кстати, вы знакомы? — спросил Синельников. — Это подполковник Кабанков из политотдела армии, сопровождающий «ценного груза», а это капитан Золотарев - наша гордость и горесть. Полетите вместе, думаю, подружитесь.

— Они хоть и идеологические работники, а такое метут, что ни один порядочный антисоветчик не выдержал бы и пяти минут, — продолжал Кабанков. — Этот, который чином поменьше, в Кабуле допился до видений. Сидел в парил-

ке, в бане, естественно, угощались, чем бог послал. Сливенко еще меру держал, а Кононов... Трех связисток пригласили, чтобы как-то скрасить их суровые партийные будни, так он стал приставать к банщику, прапорщику Бурееву. Всякий раз, когда тот подносил водку и разносо- лы, норовил влезть ему под простыню и ущипнуть за задницу.

— Может у него с ориентацией не того, — смеясь, спросил Синельников.

— Да, вроде, того. Называл его ласково Дашей, Дарьей Петровной и клялся в любви до гроба.

— Тяжелый случай, — продолжал Синельников. — У них там в ЦК КПСС, видимо, только и остались, что маразм да белая горячка.

Кабанков, который по долгу службы не терпел откровенных антипартийных высказываний, хотел ему было возразить:

— Напрасно вы так резко оцениваете ситуацию, Вадим Павлович. Партия сейчас обновляется, к руководству в ней привлекаются молодые, энергичные люди...

— Значит, осталась одна белая горячка, *delirium tremor*, — Синельников перебил Кабанкова и заржал ему прямо в лицо. Кому-кому, а ему это заболевание было известно не понаслышке. Пока прозябал в Союзе, видел, что делает с военными людьми «общение с чертями». Сам, как замкомандира части был вынужден выгнать нескольких перво-классных в прошлом летчиков из военной авиации.

— Так вы мне объясните, товарищ подполковник, — Золотарев попытался как-то сладить возникшую неловкую ситуацию, — что эти люди с высоким партийным положением потеряли в Хайбере.

— Говорят, что хотят встретиться с дехканами окрестных кишлаков, узнать их отношение к политике Советского Союза в Афганистане. В ЦК КПСС есть план подобных мероприятий, расписанный, как они утверждают, на несколько лет вперед. Вот пришла теперь, говорят, очередь провинции Нангархар.

— Сейчас, конечно, самое время летать к имамам и мулам, чтобы читать им коммунистические проповеди, — вновь сострил Синельников. — В Торкхаме только их сейчас и ждут. Да у нас на Хайбере каждый день стрельба, а у них, видите ли, планы партии — планы народа...

— Вообще, они, конечно, ведут себя странно, — признался Кабанков. — Ни с того, ни сего попросили, чтобы их

отвезли в кабульский аэропорт ночью, когда там паковали «груз 200». Меня попросили держаться поодаль, а сами лично сопроводили во чрево «черного тюльпана» два цинка. А потом долго о чем-то говорили с прапорщиком Змием, старшим похоронной команды...

— Знаю, знаю, — перебил его Синельников. — Очень скользкий, малоприятный тип. Видимо, фамилия и должность наложили отпечаток на характер человека.

— Ну, у нас в этом смысле, товарищ полковник, у всех троих фамилии тоже не самые звучные, — на сей раз шутил уже Золотарев, особо намекая на то, что на Руси золотарями называли ассенизаторов, а попросту говоря, говновозов.

— Зато должности, согласно штатному расписанию, заставляют нас всегда оставаться людьми, — поправил его Синельников.

Разговор происходил в движении.

— Внимание, входим в зону слышимости без слухового аппарата, — командовал полковник, и все трое замолкли.

— Игорь Сергеевич, — Синельников переменяя тон, шагнул навстречу Сливенко. — Как и просили, вылет ровно в двенадцать, через два с половиной часа. Вот ваш ас — капитан Золотарев Александр Георгиевич. Полетите с ним. Будет еще «вертушка» сопровождения капитана Калача. А пока можем немного расслабиться, но без злоупотреблений. Нам еще предстоит работать.

В словах Синельникова сквозила легкая ирония. Впрочем, недоступная для понимания многих ответственных партийных работников среднего звена.

— Добро, — важно согласился с ним Сливенко. — Легкий завтрак, так легкий завтрак, — и обратился к Кононову:

— Ты, инструктор, сегодня вообще ничего не пьешь.

— Пусть на командном пункте накроют легкий завтрак, — распорядился комполка. — А ты, Сашок, иди, отдыхай.

Стол, вопреки поданной команде, был обильным: бараньи ноги в томатном соусе, свиная отбивная — свинину как мясо грязного животного, дабы не оскорблять религиозные чувства мусульман, в часть привозили в закрытых металлических ящиках, которые здешние повара в шутку называли «цинковыми гробами для геройски погибшего в схватке с душманами поросенка Хрюши», множество

всякой другой снеди — экзотические фрукты, спелые овощи. Каждому подали еще и глазунью с ветчиной.

За сытной трапезой беседа текла неспешно.

— Отчего же вы к нам пожаловали, — поинтересовался Синельников у Сливенко, притворившись неосведомленным. — Хайберский проход не самое лучшее место для такого рода прогулок.

— Люблю, знаешь ли, Вадим Павлович, природу горных перевалов, просто млею перед ней, — Сливенко хотел казаться полковнику дружелюбным, не предающим значения словам, которые на самом деле его цепляли.

— Опасно здесь, Игорь Сергеевич, — продолжал Синельников, — караванные тропы. По ним «духи» везут все — оружие, наркотики, даже американских и английских военных инструкторов в обозах. Чуть ли не каждый день несем потери. Только с начала месяца в боевых операциях над Хайбером три «вертушки» потеряли. Манит красота перевалов, так и ехали бы на Саланг. Там тоже обстановочка не сахар, но все же поспокойнее будет, да и войск побольше.

— Саланг, полковник, он для салага, — изрек только что выдуманный каламбур Кононов. Невзирая на строгий запрет, он подсел поближе к бутылке «Польской», и с самого начала застолья налегал исключительно на нее.

— Ну, Михаил Дмитриевич, я же тебя просил воздержаться. Не в Москве ведь находишься на своей даче.

Кратко отчитав подчиненного, заместитель заведующего агитационно-пропагандистским отделом ЦК КПСС вновь обратил свои взоры к Синельникову.

— Я хочу, чтобы ты меня понял, полковник. Это не увеселительная прогулка, — в его голосе появились нервные нотки. — Высшее партийное руководство страны предает большое значение охране афгано-пакистанской границы, особенно на участке дороги Джелалабад-Пешавар. И само намеренно контролировать ситуацию.

— К тому же надо изучать настроения местных жителей, — подыграл Сливенко Кабанков.

— Вот-вот, — милостиво согласился с ним тот.

— Этого я уж никак не могу понять, — не унимался Синельников. — Там же местные жители ни читать, ни писать не умеют. Женщины в паранджах ходят. За малейшую провинность перед всевышним человеком камнями насмерть забра-

сывают. А вы им Маркс, Энгельс, Ленин, интернационализм.

— Не проводите жестокую антипартийную, оппортунистическую линию, Вадим Павлович, — Сливенко, кажется, слегка помягчел. — Да, и Маркс, и Энгельс, и Ленин, и весь идеологический арсенал нашей партии должен быть задействован в этом процессе. Людей надо тянуть из мрака средневековья к свету, если даже они не желают этого, упираться руками и ногами. Возможно, вы пока этого не знаете, но я человек весьма осведомленный, и скажу вам с большой долей уверенности: сюда мы пришли не навсегда, наступит время, когда должны будем уйти. Но у власти в Кабуле останется дружественный, так сказать, режим, братская КПСС партия - Народно-демократическая, во главе с товарищем Бабраком Кармалем, вооруженная сегодня идеями «научного социализма». Наша задача состоит в том, чтобы она со временем стала подлинной марксистско-ленинской. Для этого ей необходима поддержка широких слоев населения, в том числе в провинции Нангархар. В Советском Союзе ведь поддержка партии всенародна. Ты не можешь этого отрицать или даже оспаривать.

У Синельникова от прочитанной лекции аж челюсть свело. Он чувствовал всю фальшь в словах номенклатурщика и заскорузлого демагога, но возражать не стал.

«Как же, всенародна», — подумал он. — А что это он со мной на ты? Ведь я старше его лет этак на десять».

Вторая часть завтрака носила менее официозный характер. Участники застолья слегка расслабились, позволил себе немного выпить и Сливенко. Кононов находился на грани фола, казалось еще две-три рюмки водки, и его могучий организм обмякнет и соскользнет под стол. Кивком головы Сливенко подал знак Кабанкову, и тот переставил бутылку на другой конец стола. Пьяный инструктор под всеобщий смех начал травить анекдоты, один скабрее другого, в том числе про Ленина, про партию, и про Брежнева с Суловым. Создалось впечатление, что этот «ответственный партийный работник», состоял сплошь из одной похабщины. За резающимися подчиненным мрачно, исподлобья наблюдал Сливенко.

* * *

Ровно без десяти двенадцать Сливенко и Кононов, облаченные в новую

«афганку» без знаков различия, в сопровождении Кабанкова, стояли на летном поле джелалабадского аэродрома, где располагалась вертолетная эскадрилья спецназа. Инструктора слегка качало, и, судя по тому, как он корчил физиономию, тошнило. Так обычно алкоголики подавляют возникающий волнами рвотный рефлекс.

Капитан Золотарев отрапортовал о готовности к полету, и уже через десять минут вертолет, медленно набирая высоту, взял курс на Торкхам. Кононов, которого в воздухе начало еще больше мутить, развлекался тем, что приставал к пилотам.

— Хочешь, я из тебя генерала сделаю? — игриво, заплетаящимся языком, спрашивал он Золотарева.

Капитан надсадно молчал.

— Нет, правда, — не унимался тот. — Приезжай ко мне в Москву, вечером выпьем, сходим в гости к Дарье Петровне, у нее подружка есть красивая, а на утро прямиком к Андрею Антоновичу Гречко на прием.

— Что ты мелешь, гад? — зло преврал его Сливенко. — Какой Андрей Антонович Гречко? Он же пять лет как умер.

— Ну, тогда к маршалу Устинову, — поправился инструктор.

— Уймись ты. Вся страна с 1972 года борется с пьянством и алкоголизмом - этим страшным социальным злом, а ты на ответственной государственной службе надрался до паморок. Сядь лучше и смотри а иллюминатор.

— Не могу, — ответил Кононов. — Высота, голова закружится и меня вырвет.

После этих слов инструктора действительно стало тошнить.

— Товарищ Сливенко, — попросил Золотарев. — Скажите ему, пусть блюет за борт. В салоне нельзя. Примета плохая. А вы товарищ подполковник подержите его, чтобы не вывалился. Все-таки вниз падать семьсот метров.

Но было поздно. Кононов уже во всю фонтанировал. Уклоняясь от зловонных струй, Кабанков подвел его к люку, открыл его и выпустил блюющую голову наружу.

— Сучий потрох, — грязно, не по чину, выругался высокомерный и чопорный Сливенко. — Не будь у тебя папаша большим человеком в правительстве, я бы давно тебя раздавил как вонючего клопа. Вот с какими людьми приходится работать, Александр Георгиевич,

— обратился он к Золотареву. — Вас, кажется, так зовут? Давайте уж общаться, как на гражданке, мне так сподручнее. Я Игорь Сергеевич.

И немного помолчав, добавил:

— У меня к Вам будет маленькая просьба. В одном из горных кишлаков, где у нас будет короткая остановка, прошу Вас принять на борт литерный груз. Не государственный, в частном порядке.

— А что за груз, Игорь Сергеевич? — поинтересовался Золотарев.

— Всего несколько деревянных ящиков со старинными книгами и другими письменными источниками, датированными XIII-XIV веками.

— Мы сейчас и живем в XIV веке по исламскому календарю. Нынче на дворе 1357 год от воцарения пророка Магомета, — Золотарев засмеялся.

Кабанков к тому времени затянул голову Кононова внутрь, и бросил его на расстеленный брезент. Тот, бухнувшись на мешок, тут же звучно захрапел, заглушая шум лопасти.

— Нет, Александр Георгиевич, — не понимающий шутки Сливенко попытался выдать из себя улыбку, — речь, конечно же, идет о европейском летоисчислении. Недавно в тамошнем мазаре нашли древний тайник с бесценными манускриптами на фарси и староузбекском. Афганские товарищи извлекли их, и обратились в наше посольство в Кабуле с просьбой вывезти их временно в Москву. Пока война не кончится. Здесь, знаете ли, они в любой момент могут быть уничтожены. Народ тут малообразованный.

— Вы, как я слышал, едете этот народ агитировать в духе преданности идеям марксизма-ленинизма? — спросил Золотарев.

— Да бросьте вы, Александр Георгиевич, антипартийные шутки шутить, — парировал Сливенко. — Что же вы нас, совсем за идиотов держите. Кого агитировать? Этих дикарей в тюрбанах и пулеметных лентах? Нет, наша миссия с этим злосчастным пропойцей и сводится лишь к тому, чтобы вывезти найденные документы. Этот груз очень ждут в Ленинской библиотеке. Что касается Хайбера, то его и помимо нас есть кому контролировать.

— Но в Торкхаме мы все равно должны будем ненадолго сесть, — пояснил Золотарев. — Этого требует полетная инструкция.

— Конечно-конечно, — согласился Сливенко.

Минут десять летели молча. Потом капитан сказал:

— В воздухе ровно полчаса. Под нами проход. Снижаемся. Через три минуты сядем в Торкхаме, — и тут же вышел на связь с бортом сопровождения. — Осина (позывной капитана Калача - авт.), ты меня слышишь? Идем на снижение.

Сливенко прильнул к иллюминатору. Внизу виднелся хайберский перевал, соединяющий Афганистан и Пакистан на высоте 1030 метров над уровнем моря. Сливенко разглядел советский и пакистанский блокпосты на трассе Джелалабад-Пешавар. Несколько выше и в стороне черной лентой темнело ущелье, в котором змеей извивалась река Кабул, приток Инда. Оторвавшись от обзора, Сливенко внезапно спросил, перейдя совсем уж на доверительный тон.

— А ты откуда родом, Саша?

— Из Тирасполя. Есть такой город на Днестре, в Молдавии. Слышали, Игорь Сергеевич?

— А то как же. Я ведь с Украины, Винничщина, городок Олькополь. Это где-то рядом с вами.

Но тут раздался какой-то странный хлопок, и вертолет повело в сторону. Двигатель стал работать с перебоями.

— Что, капитан, нас сбили? — взвизгнул перепуганный Сливенко.

— Да, нет, вроде, техническая причина. Идем на вынужденную посадку.

При этом он пытался связаться с Калачом, но связи не было. От встряски проснулся хмельной инструктор. Он спросонья сидел на брезенте и бессмысленно лупал глазами, не понимая, что происходит.

* * *

Капитан Дмитрий Калач из кабины «крокодила» сопровождения с пятью десантниками на борту вздрогнул, когда увидел, что ведущий вдруг стал заваливаться на бок. Он тут же связался с командным пунктом аэродрома в Джелалабаде.

— Гвоздика! Гвоздика! Я Осина! Тополь падает! Тополь падает!

Сразу ответил полковник Синельников по ту сторону радиосеанса.

— Осина! Я Гвоздика! Проясните обстановку! Прием!

— Тополь падает! У него что-то с

несущим винтом.

— Подбит?

— Вроде нет!

— Снижайтесь вместе с ним к месту вынужденной посадки или падения. Как слышите меня?! Прием!

— Тополь сносит на сопредельную территорию, район Тора-Тигга!

Синельников снял фуражку и схватился за голову:

— Гвоздика! Гвоздика! Я Осина! Меня обстреливают с земли.

— Уходите из-под обстрела и срочно возвращайтесь на базу! Как слышите меня?! Прием! Выполняйте команду!

На командном пункте аэродрома собрались все офицеры.

— Все, п...ц, — мрачно изрек Синельников, — я хоть и лыс, и скальп мне вместе с вами не терять. Зато башку снимут первому. А потом уже всем вам с вашими пышными шевелюрами. Что же, будем ждать связи. Если не погибли, то обязательно выйдут в эфир. Слава Богу, с ними Золотарев.

Через два часа рухнувший на территории Пакистана борт дал о себе знать. Из завуалированного донесения Золотарева выяснилось, что вертолет совершил «жесткую» посадку, углубившись в территорию сопредельного государства примерно на 14 километров. С более точным местонахождением предстояло еще определиться.

Командование в Кабуле, оповещенное об инциденте, могущем иметь серьезные международные последствия, приказало бросить через границу две разведывательно-диверсионные группы, усиленные десантниками.

В 18 часов командир поисково-спасательной группы майор Сергей Слепцов (позывной «Стремительный»)

переступил порог кабинета полковника Синельникова. Менее двух суток назад он вернулся из отпуска из Союза.

— Ну, что, Стремительный, как говорится, с корабля на бал? — спросил Синельников, не желая выдавать волнения.

— Скорее из огня да в полымя, товарищ полковник, — спокойно ответил Слепцов.

— Я вот что тебе скажу, майор, — после некоторой паузы начал разговор Синельников. — Если вы - твои ребята и группа капитан Речкалова - погибнете и этих двух засранцев не вытащите, то мне в тот же день тоже идти на заклание. И не только мне.

— Не впервой, — невозмутимо ответил Слепцов, разглядывая свои ногти.

— Я не шучу. Из Москвы пришла срочная шифровка. Эти субчики здесь вовсе не для того, о чем нам впаривали мозги еще утром. Такая каша может завариться.

Полковник стал нервно прохаживаться по кабинету.

— Лучше бы они грохнулись, эти цековские, чтобы и говна от них не осталось.

— И Золотарь тоже? — переспросил Слепцов. — Вроде он любит всем объяснять, что его фамилия происходит от слова «говновоз». Зачем же вы отправили такого хорошего парня высокопоставленное дерьмо перевозить? Вот теперь все и барахтаемся в нем.

— Слишком все умные стали. И циничные. Золотареву, понятное дело, я бы такого никогда не пожелал. Я за него, стервеца, если пришлось бы выбирать, всех вас с потрохами отдал... А все вы мои дети, а я, ваш батя, вас на верную гибель посылаю, японя мать.

— Так что, батя, будем дальше стелать или все-таки дашь вводную?

— Вводная у меня одна. Чтобы их вызволили и сами живыми вернулись, а все остальное мелкие подробности.

Синельников пристально посмотрел на Слепцова.

— Эти идейные болтуны не создают впечатление Зои Космодемьянской или Юлиуса Фучика. Ведь если они пойдут через Пакистан в руки западных спецслужб, ответственные работнички, то такого там нагородят! Меня именно об этом предупредили. Если бы они ничего не знали, то грош была бы им цена. Я бы за них не то что жизни своих людей, а последнего подзаборного пьяницы не отдал.

— Заканчивайте с лирикой, товарищ полковник. Слушать вас тяжело, да и времени уже, кажется, нет.

— Итак, вертушка упала примерно в четырнадцать километрах от границы, вблизи населенного пункта Тора-Тигга.

— Значит, если бегать по горам, то будет все двадцать.

— Теперь не перебивай. Твоя группа будет заброшена в районе Хайбера, населенный пункт Горкози-Иззат. Речкалов со своими бойцами и десанниками отвлечет на себя пакистанцев через контрольные точки Бидара, Сада, Лал-Лура. В районе Камдакья Речкалов себя обозначит в огневом контакте с пакистанскими войсками. Путь до расчетной точки немного длиннее, но и полегче, чем у тебя. Пакистанцы наверняка уже ищут вертолет. Но у них поблизости нет сил, которыми бы они могли решить эту задачу оперативно. Главное их преимущество в том, что они находятся на своей территории. Карту получишь прямо перед вылетом. Все понял, Стремительный?

— Ask, — ответил Слепцов.

— Ну, тогда дуй к своим. У вас полчаса на сборы. Пойдете налегке, только оружие, боеприпасы на трое суток, паек, вода. Если вернетесь все живыми, лично закачу такой пир, что вам и не снилось, а если нет - значит, умрете за нашу афганскую Родину голодными.

— Как скажете, товарищ полковник.

— Форма одежды - своя. Хотели вас по быстрому переодеть в духов или пакистанских военных. А где бороды? Времени отращивать нет. И рожи у вас, как на подбор, всех рязанские.

— Ага, особенно у прапорщика Нигматуллина и младшего сержанта Дурдыева.

— Иди, Есенин, — Синельников потрепал Слепцова по небритой щеке, — Да, извини, в иной ситуации я, может

быть, предложил бы тебе взять только добровольцев, но сейчас не могу. Разве что этого своего бачу оставь, все-таки первое дело. Вместо него могу предложить тебе сержанта Ковалева.

— Моим ребятам, батя, ты этого даже не предлагай. И Говорову этому, москвичу, папенькиному сынку, тоже. Парень он своенравный и, судя по всему, не из робкого десятка.

...Через полчаса группа Слепцова, все пятнадцать человек, уже сидела в чреве пузатой вертушки. Винты уже работали на всю катушку. На бетонке остались только двое.

— Ну что, бача, я вижу, тоже летит? — спросил Синельников.

— Я же вам говорил, товарищ полковник, — усмехнулся Слепцов. — Я ему даже не предлагал остаться. У меня коллектив.

— Вот тебе карта с маршрутом. Золотарев передал свои приблизительные координаты. Я ему приказал заткнуться и впредь в эфир не выходить, чтобы не засекали. С вами тоже никакой связи. Действуйте самостоятельно, по обстоятельствам. Понемногу отдыхайте в пути исходя из обстановки, но запомни, у упавшего вертолета никаких привалов. Как только заберете людей, сразу уходите. Ну, как говорится, ни пуха, ни пера!

— К черту! — сказал Слепцов и собрался, было, уже запрыгнуть внутрь вертолета, но Синельников схватил его за руку.

— Да, если вам вдруг не суждено будет вернуться, то знай, что от благодарного Отечества вам ничего не светит в благодарность - ни орденов, ни иного признания, ни даже пенсий родным. Во избежание грандиозного международного скандала вас назовут дезертирами и бандитами, самовольно пересекшими границу. Ты уж извини за то, что я об этом тебе сказал только сейчас.

— Нет вопросов...

* * *

Вертолет, как раненый кит, лежал, скособочившись, в седловине между двумя высотками. Вдали на севере и востоке белели снежные пики Гиндукуша. Золотарев про себя возблагодарил бога, что они упали в низине, откуда в крайнем случае можно постараться выбраться самим. Он вылез наружу последним. Члены экипажа - старший лейтенант Гилевич и лейтенант Горюнов осматривали поврежденную машину. Кабанков озирался по сторонам, потирая ушиб-

ленный при посадке левый локоть. Сливленко хмуро сопел, уставившись в одну точку. Кононов сидел на земле. От шока он протрезвел, но, видимо, пока не совсем.

— Где мы? — спросил Кононов, увидев Золотарева.

— В очень нехорошем месте, — ответил тот.

— В каком смысле, капитан? — Сливленко больше не хотелось общаться с ним запанибрата. — Ну, я надеюсь, мы, по меньшей мере, находимся на своей территории? Нас сбили душманы?

— Даже в Афганистане, Игорь Сергеевич, мы часто не знаем, на чьей территории находимся, но тут вообще земля чужая. Насколько я понял - мы на территории Пакистана.

— Как Пакистана? — губы Кононова затряслись. — Почему Пакистана?

— Нас отнесло в сторону сопредельной страны. Сейчас проверим навигационные приборы и рацию. Если они целы, то нам несказанно повезло. Передадим координаты, и будем ждать, что решат в Джелалабаде.

— Да, какой Джелалабад?! — зарычал Сливленко. — Нас сюда послала Москва...

— Москва, — невозмутимо прервал его Золотарев, — посылая вас в провинцию Нангархар проверять местное население на соответствие высоким идеям марксизма-ленинизма.

— Вы, капитан, так, пожалуйста, не шутите! Тон заместителя заведующего отделом стал совсем уж официальным. - Не важно, зачем меня сюда послала Москва. Важно, чтобы она немедленно знала, где мы оказались и по чьей вине.

— Ну, это уже как рация. Володя! Гилевич! Проверь рацию и навигаторы. А нам товарищ подполковник, - обратился он к Кабанкову, — лучше бы отойти от вертолета подальше и укрыться, а то место тут продувное, просматривается со всех сторон. Но, чтобы он был в зоне видимости.

— Почему Пакистан! Я не хочу Пакистан! — не унимался Кононов.

— Да заткнись ты! — гаркнул на него Сливленко. — Без тебя, пьяного дурака, тошно.

Кононов нетвердо стал на ноги и, слегка покачиваясь, хотел тыкнуть своим животом в живот Сливленко.

— Что мне, товарищ замзав, прикажете делать в Пакистане? Мы так не договаривались.

— Вступишь здесь в компартию Пакистана! — грубо оборвал его Сливленко, увернувшись от столкновения

животами.

— Я не хочу ни в какую компартию Пакистана, Игорь Сергеевич. Она же находится в подполье.

— Да протрезвей ты, наконец, идиот. Сейчас не до твоих пьяных выходов.

Сливенко уже собирался было схватить Кононова за грудки, но вспыхнувшую было ссору прервал голос Гилевича:

— Командир, рация в порядке. А вот с навигатором придется поработать. Сбил, зараза.

Все немного успокоились, и только Кононов продолжал бессвязно, но уже не от хмеля, а скорее от страха, причитать:

— Какой Пакистан? Дарья Петровна, сука толстожопая!.. Ты там, а я здесь!.. И дались мне эти сокровища старого мазара...

Рацию сняли с борта вертолета и перенесли за огромный валун в метрах трестах от места крушения. Уже через полчаса Золотарев вышел в эфир и передал в Джелалабад сообщение о том, что все живы и здоровы. Потом властно говорил Сливенко, требовал немедленно передать сообщение в посольство в Кабуле.

Через часа два был еще один сеанс связи. Синельников сказал, что местонахождение борта установлено, и что помощь обязательно будет организована. Надо только ждать. После этого перестал причитать Кононов, затих и единственный из всех безмятежно заснул. Можно было подумать, что спит младенец, если бы не дикий запах перегара, который бесшумно выдыхала его гортань.

— Ты извини меня, Саша, — Сливенко вновь заговорил с Золотаревым вежливо, даже как-то по-отечески, хотя разница в возрасте между ними была не столь велика. — А это ничего, что мы так низко опустились. Не затруднит ли это поиск людям.

— Ваше счастье, — ответил ему капитан, — что мы приземлились не там, = и он картинно, взмахом руки, указал на снежные шапки Гиндукуша.

— Оттуда бы нас точно снимали космонавты. Или ангелы небесные.

— Это точно, — благосклонно согласился с ним Сливенко.

* * *

Марш-бросок по гостеприимной пакистанской земле длился уже более

сорока минут. От сильного напряжения каждая секунда пульсировала в ушах Слепцова, и он, взяв хороший разбег во главе группы, в мыслях пытался их считать. За это время вереница из шестнадцати человек, преодолев невысокий отлогий подъем - постоянно приходилось бежать в гору - достигла, наконец, его наивысшей точки и устремилась вниз по небольшой тропе, пролегающей километрах в двух к югу от Хайберского прохода.

Как-то сразу стало легче и веселее. Прямо за собой Слепцов поставил бежать бачу Говорова. Он чувствовал позади себе тяжелое дыхание преследователя. Чувствовалось, что молодой солдат уже устал, но старался держать ритм.

«Пробежали уже километров шесть, — подумал майор. — Еще через четыре ненадолго остановимся. Потом будем двигаться медленнее, дышать реже, и не разговаривать. Там уже возможны неприятельские заслоны и засады. Интересно, какие меры предпринимают сейчас пакистанцы. Ну и болтун этот Лейкин».

Он отчетливо слышал, как где-то в середине порядка ефрейтор Лейкин подкальвал младшего сержанта Дурдыева, туркмена, который очень плохо говорил по-русски. Примерно то же самое смог слышать ночью в горах и человек, находящийся за много километров отсюда. Конечно, голоса при этом он бы не различал, но общий гул был бы примерно таким же. Во всяком случае, зная о присутствии где-то в округе людей, он не смог бы определить на каком языке они разговаривают.

«Ладно, — решил Слепцов. — Пусть еще немного погуторят. Тренированному человеку так легче бегать по горам».

Желая подбодрить своего ближайшего преследователя, майор спросил его:

— Как ты в армию попал, боец? Вроде, сын влиятельных родителей.

Он впервые разговаривал с молодым солдатом по душам. В менее экстремальной обстановке все руки никак не доходили.

— Прямоиком из Института стран Азии и Африки, — ответил Говоров.

— Закончил?

— Нет, вытурили.

— За что?

— За хорошее поведение. Был тих и вежлив, но учиться не хотел.

— И что же, знатные предки не помогли?

— Сам не захотел. Папа наорал, а я из дома прямоиком в военкомат. И попросил, чтобы подальше услали. Надоело все это столичное паскудное житье-бытье.

— Так вот ты каков бача-мачо? Дыши реже, а то сдохнешь, — сказал Слепцов он подумал, что солдат найдется на последнем издыхании.

— А что, товарищ майор, изучал испанский язык, — неожиданно для себя в следующую секунду услышал позади взбодрившийся голос.

— А ты что, Говоров, еврей, чтобы задавать своему командиру вопросы таким манером?

— Я всегда говорил, что испанцы — страшные антисемиты еще с незапамятных времен.

— Разве Испания находится в Африке или Азии, что ты такой ее знаток?

— Ну, если учесть, что она на протяжении многих веков была владением Мавритании.

— Хорошо, — согласился Слепцов, поняв, что ему не выиграть у бывшего бурсака интеллектуальный спор даже в условиях марш-броска, — убедил, рядовой Говоров, привал. Десять километров пробежали за час двадцать, десять минут все лежат, никто ничего не говорит, отвыкает от излишней болтовни. Дальше идем молча.

Команду «Привал!» знаками передали по цепи, пока она не дошла до замыкающего Нигматуллина. Вокруг стояла необычайная тишина — странная и пугающая. Слепцову показалось даже, что он оглох. И нестерпимо захотелось спать. О том же самом в этот момент подумали и все остальные участники рейда.

«Нет, все-таки тишина - лучшее снотворное, — решил он для себя и тут же скомандовал в темноту. — Никому не спать, а то проснемся только под утро».

Вдруг сквозь предательскую дрему он расслышал лающие голоса. Разговаривали, по меньшей мере, три человека. Понятное дело, не по-русски.

— Как чувствовал, — прошептал лежащему рядом Говорову Слепцов. — Всем молчать и слушать. Интересно знать, кто они - афганцы или пакистанцы.

— Говорят на урду, — пояснил Говоров.

— А ты почему знаешь?

— Изучал в институте. Целых два месяца. Муть страшная, но, как выясняется, полезная.

— Урду изучал? — переспросил

Мемуары. Афганистан

Слепцов, собираясь с мыслями.

— Нет, хинди.

— Знаешь, Говоров, мне сейчас не до шуток.

— Урду - это, так сказать, «армейский» хинди, разбавленный арабскими и персидскими словечками. Иными словами, суржик, но является официальным языком Исламской Республики Пакистан. Да и в Индии кино на урду крутят.

— Не читай мне лекций. Лучше переведи, о чем они болтают.

— Не все понимаю, но это полицейский патруль. Говорят, что днем здесь упал русский военный самолет. Утром начнется крупномасштабный поиск всеми имеющимися средствами. Один из них обкурился, двое других его и воспитывают, — попутно с военными сведениями информировал Говоров.

— Какой самолет? — удивился Слепцов. — Ты точно переводишь?

— Точно.

— У них что, разведка плохо работает, или вертолет от самолета они не могут отличить?

— Товарищ майор, они не ждут нападения с нашей стороны. Говорят, что летчики, если будут пробиваться к своим, скорее всего, пройдут по этой тропе.

— Значит, они будут торчать здесь до утра, — рассудил Слепцов, — а с рассветом, возможно, к ним прибудет подкрепление. В обход идти некуда, ждать нельзя. Выходит, во имя усугубления международного конфликта придется этих кретинов снять в три ножа. Нигматуллин и Лейкин, за мной. Убирать тихо, чтобы они не то что пальнуть, и пикнуть, пукнуть бы не успели.

Тропа в этом месте была достаточно широкой. Патруль приехал на армейском джипе. Подползая к посту, Слепцов еще издали разглядел американский внедорожник «Виллис» времен второй мировой войны. Пакистанцы перестали ссориться и уже все втроем, видимо, в знак примирения курили анашу. Резкий запах в чистом горном воздухе чувствовался на достаточно большом расстоянии.

«Обкуранных легче будет снять», — подумал Слепцов. Выбрав одного из противников, как позже выяснилось, командира, он довольно легко справился с ним, всадив ему нож под левую лопатку и почувствовав, как острие прокалывает сердце жертвы. Лейкину тоже повезло - ему достался тот самый, кому читалась пламенная лекция на урду. Нигматуллин же сцепился со здоровенным верзилкой на голову выше его. Дерущиеся скатились с возвышенности под откос и долго там

возились. Пакистанец порывался орать, но цепкий татарин сжал его рот железной пятерней и пытался вывернуть его в левую сторону вместе с нижней челюстью. Он поначалу не понял, что тот пропорол ему живот стальным заточенным лезвием без ручки, которое держал у себя в рукаве. Боль была нестерпимой, но он продолжал сдавливать рот навалившему на него сверху пакистанцу. Сбежавший сверху Слепцов полоснул пака ножом по горлу. Дело было сделано. Он отвалил в сторону тело, которое еще какое-то время судорожно дергалось.

— Галиаскар, — тихо позвал он Нигматуллина.

Из рваной раны бойца хлестала кровь. При свете полной луны в разрезе атели внутренности. Зрелище было жутким.

— Галиаскар, — повторил Слепцов.

Со всех сторон их обступили бойцы. На губах раненого пенились кровавые пузыри.

— Сережа, — сказал он. — Посмотри, какая красивая луна в горах. Круглолицая, как татарская красавица. А мы все куда-то бежим, торопимся и не замечаем этой красоты.

— Да к черту эту луну, Галиаскар. Пусть волки на нее плятятся. Как ты? Не вздумай умирать, слышишь, не вздумай. Где я еще себе найду такого замыкающего, которому мог бы доверить свой тыл, татарин хренов.

У Нигматуллина начиналась агония.

— Неужели отходит? — в страхе спросил Говоров.

— Нет, нет, — повторял Слепцов, — не отходит. Галиаскар, сейчас ребята понесут тебя домой. Галкин, Галушко, Смирнов и Лейкин. Несите его. Мы вас нагоним. А сейчас, прапорщик, извини, мы идем дальше. Но ты будешь жить, слышишь, Галиаскар? Обязательно будешь жить!

— Почему Лейкин? — обиженно спросил главный балагур в поисково-спасательной группе Слепцова.

— Потому что, ты нас сегодняшний день свою боевую задачу выполнил. Приказ командира не обсуждается. Донеси мне только, пожалуйста, Нигматуллина живым. Эй, посмотрите, если там что-нибудь подходящее в джипе.

— Есть, — радостно заметил ефрейтор Галкин, — кусок брезента.

— Перевяжите Галиаскара, укладывайте и быстро несите. Путь несколь-

ко часов в обоих направлениях будет свободен. Мы должны успеть. Вперед бегом марш!..

* * *

— Слушайте, мне холодно! — постоянно ныл окончательно протрезвевший не ко времени Кононов. — Давайте разведем костер!

— Может быть тебе еще фейерверк здесь устроить по случаю Дня всесоюзной пионерской организации, — выдал из себя Сливенко и зло зыркнул на своего подчиненного.

— Нет, ну, правда же, холодно.

— Действительно, дуба можно дать, — согласился с ним на сей раз замзав. — Мы здесь уже более двенадцати часов ждем, а помощи нет. Почему, Александр Георгиевич?

— Игорь Сергеевич, — стал успокаивать его Золотарев, — поверьте моему боевому опыту. Возможно, он не такой богатый, как у вас на партийной работе, но спасательные операции быстро не делаются. Хотя ребята, уверен, должны быть где-то на подходе. Только вы, пожалуйста, попросите товарища Кононова вести себя хотя бы по-мужски. А то он пакистанцам и душманам всю нашу диспозицию выдаст.

Было видно, что привыкший резать правду-матку Золотарев еле сдерживает себя...

...Прошло еще три часа.

— Люди возле вертолета, — Гилевич тронул за плечо провалившегося в дрему Золотарева.

— Кто такие? Духи или пакистанцы? — спросил тот, прогоняя остатки сна.

В тот же момент заработала радиостанция. «Морзянка» передала - «это свои!»

— Япона мать, — радостно выругался Золотарев, взглядевшись в темноту. — Так это же Серега Слепцов.

Сделав несколько шагов вперед, он повис на шее старого друга.

— Сашенька, — отстранил его Слепцов. — Не время сейчас обниматься. Быстро собирай всех, и без остановки идем обратно. А то тропу перекроют. Мы там немного наследили. А к утру теперь пакистанцы будут искать и вас, и нас.

— Позвольте, я никуда не пойду!

— возразил встрепенувшийся Кононов.
— Во-первых, дайте мне что-нибудь пожрать и выпить. У меня нет сил чтобы сейчас уйти. А во-вторых, почему в ваших вертолетах при вылете на боевые задания не предусмотрены хотя бы сухие пайки?

— Голуба, — Слепцов взял Кононова за лачкан афганки. — Я тебя сейчас лично отведу отужинать в «Метрополь».

— Послушайте, — с негодованием прервал его Сливенко. — Кто вы такой, и почему в таком непозволительном тоне разговариваете с ответственным работником ЦК КПСС?

— Майор Слепцов, командир лучшей поисково-спасательной группы, — поспешил отрекомендовать его услужливый подполковник Кабанков.

— Послушай, родимый, — обратился Слепцов к замзаву. — Не время сейчас лясы точить. Нам идти обратно двадцать два с половиной километра. Я посчитал. Полная экскурсия по всем залам Зимнего Дворца в Ленинграде. Там у меня человек раненый в живот. Мой друг, шел спасать твою задницу и напоролся на нож. Мы с тобой потом поговорим. В более мирной обстановке. А сейчас, как говорит дружище Нигматуллин, повернулись на Запад и «алга» в том направлении, откуда пришли.

Золотарев передал по радиации последнее сообщение. «Стремительный» прорвался, все идут домой. Спасательная операция входит в завершающую стадию. После этого передатчик уничтожили, как и все оставшиеся на борту приборы. С собой взяли два «черных ящика» с МИ-8. Один из них Слепцов поручил нести Кононову на пару с Дурдыевым, в издевку сказав инструктору, что отряд, тем более оказавшийся в экс-

тремальной ситуации - это единый сплоченный коллектив, и все в нем должны работать.

Через два с половиной часа быстрого хода, насколько это позволял делать постоянно ноющий Кононов, они подошли к месту ночной схватки. Все было так, как оставили. Джип сиротливо стоял под скалой, а неподалеку валялись три трупа пакистанцев. Увидев кровь, впечатлительный Кононов вновь начал блевать.

Группу Лейкина нагнали только в двух километрах от границы. Там их ждала вертушка.

Светало.

Галиаскар Нигматуллин умер через полчаса после того, как группа пошла в сторону Афганистана. Назад его несли на куске брезента.

Весь оставшийся путь до своих прошли в полной тишине. Примолк даже Кононов, которого прежде Слепцов трижды грозился пристрелить при попытке к бегству.

— Ну что, кажется, настало время мирной обстановки, — чопорно сказал Сливенко Слепцову, — чтобы мы с вами наконец поговорили по душам. Я очень недоволен вашим поведением и вынужден буду сообщить куда следует, Стремительный. Такой у вас, кажется, позывной.

— Я для вас, товарищ Сливенко, не Стремительный, — ответил майор. — Я для вас майор. Вы до конца жизни должны в церковь ходить и ставить свечку за мое здоровье и за упокой души обрезанного мусульманина Нигматуллина.

На том и расстались.

Группа Александра Речкалова, оттянувшая на себя большие силы пакистанских войск в ущелье реки Кабул, назад не вернулась. О ее судьбе до сих пор так ничего и не известно.

Полковник Сидельников сдержал слово и через несколько дней устроил обильное застолье с водкой и закуской. Пили все. Пил и рядовой Говоров, получивший в горах Гиндукуша боевое приращение. Только праздника не получилось. Это были поминки по Нигматуллину и группе Речкалова.

Сидельников, сидя рядом со Слепцовым, сказал ему:

— Нигматуллина, конечно, пред-

ставлю к ордену, Золотарева тоже, твои ребята получат награды. За Речкалова и его парней буду биться. Люди головы свои положили, а мы их в предатели и дезертиры из-за каких-то цековских ублюдков!!! А ты уж не обессуди. С самого верха приказано тебя обойти. Накатала на тебя телегу эта «слива» из отдела пропаганды и агитации.

— А я вас, батя, ни о чем и не просил, — ответил Слепцов.

Сказал, как отрезал, и пересел к Говорову.

— А скажи мне бача-мачо, маршал Леонид Александрович Говоров не твой ли дед?

— Вроде нет, — ответил Говоров. — А не ваш ли дальний предок генерал Слепцов, который крошил воинов аллаха в капусту еще во время Кавказской войны?

— Извини, хотел показаться умным, но опять, кажется, проиграл интеллектуальное состязание представителю более молодого поколения...

Описанные события со Сливенко и Кононовым происходили 17-19 мая 1982 года.

Спустя сутки после своих злоключений, они оба побывали в кабульском аэропорте и присутствовали при погрузке «груза 200», лично сопроводив на борт «черного тюльпана» два цинковых гроба с телами погибших десантников Игоря Крамаренко из Омска и Александра Давыдова из Старой Ладogi, единственными найденными после боя из всей группы Речкалова.

В июле того же года в Центральной Библиотеке СССР имени В.И. Ленина ждали особо ценный груз из афганской провинции Нангархар - несколько ящиков с памятниками литературы на фарси и староузбекском, датированными 13-14 веками нашей эры. В предварительном письме сообщалось, что это дар афганского народа советскому.

Какие-то ящики были погружены на борт, но рукописей и книг, извлеченных из старинного мазара близ города Торкхам, московские архивариусы и библиотефины так и не дождались.

Уже тогда стали возникать подозрения, что в гробах «особого сопровождения» и ящиках перевозились партии наркотиков...

Игорь Негорюй

Дохлая лошадь

«Сдается мне джентльмены, что это была комедия».
(Из фильма «Человек с бульвара Капуцинов»)

Вторую неделю сидим на блоке около Чертового моста. Это почти четыре тысячи метров высоты, пустынная дорога и ледник, падающий в огромную черную пропасть. На кой черт мы здесь стоим, и сами не знаем. Несколько раз в неделю проходят только местные караваны из лошадей, ослов и верблюдов. Проверяем поклажу и отпускаем. Караванщики относятся к этому терпеливо и только смотрят, покачивая головами, как бойцы роются в седельных сумках и мешках. Иногда местные дают нам кишмиш и сушеные дыни с лепешками, а мы в ответ одариваем их чем-нибудь из нашей аптечки.

Абсолютно пустынное и тихое место с дорогой, ведущей в соседний Узбекистан. Раньше здесь проходил один из маршрутов Великого Шелкового пути, поэтому отпечаток древности лежит буквально на всем: на огромных, сточенных ледником, валунах, на развалинах какого-то древнего строения неподалеку от нашего блока, на следах, оставленных поколениями людей, когда-то шест-

вующих по этой дороге. Даже самым воздухом, кажется, вдыхаем мысли-воспоминания о прошлом.

Полторы недели назад местный житель показал нам достопримечательность на леднике. Дед долго вел нас по верхней кромке к тому месту, где в глубокой трещине виднелось голубоватое окно в старом разломе льда.

Как оказалось, нам страшно повезло, потому что погода была хорошая. Мы очень долго всматривались в прозрачный лед, ни черта не видя в его толще. Дед стоял рядом и ободряюще тыкал сухими, узловатыми, цвета копченого мяса пальцами в глубь льда и что-то говорил на своей тарбаршине. Вдруг, в какой-то момент, луч высоко стоящего над горами солнца упал под нужным углом...

Когда-то давно страшная лавина неожиданно застала и похоронила караван. Потом вода и время сделали лед прозрачным. Благодаря лучу, из толщи льда на нас глянули перекрученные ужасной смертью

тела людей и животных.

Как в невесомости, в прозрачном льду висели перемешанные тела. Направленные к нам лица людей с открытыми глазами и застывшими в немом крике провалами ртов. Солнце заиграло яркими красками на позолоте одежд, оружие, конской сбруе. Потом его лучи задрожали, и выхваченное ими видение исчезло, оставив нас стоящими перед мутным окном, ведущим в темную толщу бывшей ледниковой трещины.

Через день вдруг пошел очень сильный снег. Странно было его видеть летом. Снег завалил дорогу, блокпост, совсем отрезав нас от внешнего мира. Если бы не рация, оживавшая каждый час на столе около сплющенной гильзы, служившей нам светильником, из-за наступившего безмолвия можно было решить, что в мире, кроме нас, никого нет.

Снег падал несколько дней, потом закончился так же неожиданно, как и начался. Вместе с быстро таявшим снегом у нас закончились продукты, и возникла первая проблема. Второй проблемой явилась пуля, ударившая в мешок с песком и камнями на бруствере пулеметной точки. Через полчаса следующая пуля прошла навывлет руку бойца, взявшегося за плащ-палатку застилающую вход в сортир.

— У нас проблема, — сообщил я Сереже Бесчастных по рации. — Гад-снайперюга каждое утро в десять начинает обстрел поста. Судя по рикошету, где-то с отметки 4100-4200. На снегу его не видно потому, что заходит со стороны солнца. Разбил оптику нашему снайперу. Серый, и жрать у нас - йок!

— Татарин! Потерпите несколько дней! У нас тоже проблема с погодой! У вас там наверху солнечно, а мы под облаками. Как у вас с бензином для движка?

— Экономим. Только на питание рации и подзарядку батарей используем! Топливо для печки у нас еще есть. Снег пока высоко, но - тает. Засранца того отгадить бы нам.

— Ладно, Татарин! Держитесь! С поста лучше не выходите. Будут местные - на пост заводите и там

шмонайте. Главное оружие не пропустить. Всё, СК! (термин «Связь кончаю»).

И потянулся день, за ним другой, потом следующий. По началу перетирали между бульжниками прямоугольники прессованного пшленно-горохового концентрата и пекли из грубой муки лепешки. К исходу четвертого дня смотреть на него не могли уже все.

— Все, Татарин, больше не могу! — Толик подскочил над дымящейся тарелкой. — Я сейчас или дежурного растерзаю или снайпера этого голыми руками порву!

— Сядь, Толян, — усмехнулся я.

— Потерпи! Горох — полезная и здоровая пища, — заявил Витька.

— Ага, только он - единственное вещество, переходящее из твердого состояния в газообразное. Миную жидкое, — засмеялся Виталик.

— Ну, командир, давай хоть поохотимся что ли? Мы в бинокль коз видели, — не унимался Толик.

— Про снайпера забыл?

— А мы заодно ему засаду устроим!

— Ты сначала найди, откуда он по нам пули кладет.

От тарелки оторвался самый молчаливый, татарин Фетхулиев:

— Метров двести ниже по дороге лошадь мертвая лежит. Давай мясо вырубим и сварим.

Все переглянулись и слотнули слюну.

— Это не та, которую видели перед заступлением на пост? — спросил я вспоминая тот день.

...На подходе к блоку почувствовали тошнотворно-сладковатый запах мертвечины. Поднявшись чуть выше, увидели огромный труп, с раздувшимися на жаре боками. Когда проходили мимо, туча огромных зеленовато-синих мух с жужжаньем лениво оторвалась от туши, потревоженная нашим появлением. В тот же день, сидя в комнатке блока, я позволил себе пошутить в сторону собирающегося сержанта вздэвзника:

— Развел мух! Смотри, унесут сейчас в гнездо и съедят...

— Она, Татарин! Она самая!

Я передернул плечами, вспомнив огромный, поблекший лошадиный глаз, со здоровенной трупной мухой на нем.

— Да, сержант, давай мяса нарубим, — алчно блестя глазами, поднялся Толик.

— Чёрти что... А ну, отравимся? Там яду трупного уже немеряно, — растерянно произнес я.

— Да ладно, Татарин! Выварим и дело с концом...

— Ну и черт с вами! В конце концов, как говорил наш инструктор, научу жрать то, отчего козел сблеванет. Заодно и проверим, от чего именно у козла рвота бывает!

Рано утром, только-только засерело небо, два бойца отправились к туше. Мы в блоке, приникнув к оружию и биноклю, напряженно всматривались в белеющий напротив склон, готовые прикрыть друзей и, надеясь в душе, что снайпер не занял свою позицию. Но гад уже засел и первым же выстрелом снял Фетхулиева. Толик упал в снег рядом и затих. Снайпер начал методично посылать пулю за пулей по пустому месту, надеясь, видимо, зацепить ребят сквозь глубокий снег.

— Огонь, огонь! Быстро, мля! — орал я на ребят, несмотря на то, что они, лихорадочно меняя магазины, долбили в противоположный склон. Чуть не плача, Виталик кричал:

— Ну, где он, сука?! Выстрелов не видно совсем!

Перестрелка прекратилась. Молчал снайпер, молчали мы и ребята в ста метрах от нас.

— Эй! — закричали мы с поста, — Живой есть кто?

Ответом нам был выстрел со склона. И снова не в нас, а туда, в снег, где лежали ребята. Все посмотрели на меня. Я - зло на них.

— Горох вам надоел, — прошипел сквозь стиснутые зубы и, ругая в душе себя. — Сейчас нажремся до отвала.

— Ладно, Татарин! — Сашка Федотов положил руку мне на плечо. — Делать то что? Вытаскивать ребят надо.

— Что, что, — с раздражением

пробурчал я, обдумывая положение. — Траншею в снегу копать будем.

Четыре часа мы продолжились в снегу. Сменяя друг друга, мокрые от пота и тлеющих брызг, рубили слежавшийся снег лопатками и оттащивали его на плащ-палатках ползком за пост. Наконец услышали вполголоса шутиливое:

— Стой, кто идет!

Ввалились в утоптанную снежную дыру и обняли совершенно здоровых, но замерзших мужиков.

— Ну, что тут у вас?

Фетхулиев виновато посмотрел на меня:

— Вот.

Я увидел его бедро, аккуратно замотанное окровавленными обрывками Толикова тельника. Приготовив бинты, быстро размотали и увидели аккуратное отверстие выше колена.

— Твою мать! — только и смог сказать я.

— Но по сравнению с тем, что мы считали его убитым, это - мелочи, — добавил Федотов.

Осторожно положили раненого на живот. С другой стороны бедра было такое же отверстие, чуть-чуть сочившееся кровью.

— Ладно, бинтуем и быстро домой.

В помещении блока промыли и перевязали сквозную рану, сделали укол антибиотика и, на всякий случай, закатали противостолбнячный. Уложили, укрыли одеялом и сели к столу.

— Так, мужики, — ехидно спросил я. — Конины вы уже не хотите?

И посмотрел на Толика.

Тот улыбнулся:

— Ну, теперь все просто! Копаем траншею до лошади и берем мясо!

— Да, Толян, — усмехнулся я. — Энтузиазм - двигатель прогресса. Ну, что, погнали копать!

К вечеру траншея была готова. Из нижней части конской туши нарубили куски темнокрасного мороженого мяса. Еще через полчаса мясо лежало в котелке, под которым с ревом рвалось бешеное пламя бензиновых горелок. Вокруг, роняя слюны, пританцовывали двое дежурных.

Из-под крышки показался парок, и через какое-то время все смущённо нюхали воздух.

Через полчаса вонь стала просто нестерпимой. Она окутала все помещение, и мне показалась, что стали слезиться глаза. Остальные, прикашливая и придерживая рукой прыгающие кадыки, стали пробираться поближе к амбразурам и двери.

— Вашу мать! Куда? — заорал я. — Берите котелки, плащ-палатку, примусы и за здание.

Все кинулись вон.

— Воду меняйте постоянно, уроды! — со стоном крикнул бойцам вдогонку. — В могилу меня сведете, уроды!

Примусы шумели за стеной, в помещении царил устойчивый запах вареной мертвечины и наш взрывоподобный хохот.

Мясо пришлось варить всю ночь. Под утро, сказав, что я хочу умереть, если мясо жрать нельзя, снял пробу. Пустой живот отозвался довольным урчанием. Чуть позже бодрствующая смена, зажав носы пальцами и макая куски разваренного мяса в соль, усиленно двигала челюстями.

Снова потянулись день за днем. Спим, дежури у пулемета на выносе, до боли в глазах всматриваясь в пустое белое пространство, окружающее пост. За последующие две недели мы пробили под тушей изрядную сквозную дыру, и мне пришла в голову мысль:

— Значит так, мужики! Завтра утречком разбиваемся на пары и по два часа с биноклем в лошадь сидеть. Солнце от нас. В туше бинокль не заблукнет. Пошупаем противоположный склон. Вдруг гад засветку даст?

— Татарин! Нам его снять нечем. Он же оптику разбил! Из автоматов его не достанем. Из пулемета тоже.

Я посмотрел через амбразуру на пулеметный вынос:

— А если из него? — и показал пальцем на установленный на станке крупнокалиберный ДШК, хищно выставивший ствол с набалдашником

в сторону гор.

— Клаасснооо, — растягивая гласные, произнес Мишка, — Но попасть - не попадем. Так, попугаем и только.

— Все, — хлопнул я по столу, — Хотя бы увидим эту суку! Потом думать будем, что с ним делать.

За ночь пулемет перетащили под тушу. На блоке на дощечки натянули несколько армейских рукавиц и приготовили из спальников и тех же дощечек вполне приличное чучело. Утром первая пара заняла место, а оставшиеся на блоке занялись провозированием снайпера.

Целый день из-за оград, здания, брустверов появлялись краешки касок, варежки, приподнималось по пояс чучело в бронежилете. Снайпер стрелял. Скупое, расчетливое и более-менее точно. Наконец, из траншеи выполз запыхавшийся Толик.

— Все, сержант, абзац, — прохрипел он, привалившись к каменной стенке ограждения блока. — Туша сверху оттаяла. Вонница! Сукровица тухлая прямо за шиворот течет...

Я пихнул его в бок:

— Ты кончай мне про свои ощущения от картины мироздания расписывать. Дело говори.

Он улыбнулся:

— Есть, Татарин! В пещере он сидит! Чуть выше нас. Расстояние по дальномеру метров восемьсот.

Я схватил его за грудки, притянул к себе и расцеловал в обе воючие щеки. Потом по-пластунски скользнул в траншею. Залез под тушу, закрутил носом:

— Как вы тут живете!

Мишка передал мне бинокль:

— Видишь раздвоенную вершинку?

— Вижу, — почему-то прошептал я.

На ноги мне влез Толик, просунув голову и плечи под тушу:

— Вот, прямо вниз иди, дырку увидишь. В ней он и сидит.

— Толянч, ползи обратно и попроси на блоке пошевелиться!

Толик шустро сдал назад, мигом перевернулся и исчез. Через какое-то время мы услышали выстрел.

— Драгунка, — уверенно проговорил Мишка, — Выстрел хлесткий. Ну, что, командир, увидел?

В черном зеве пещеры, почти сливаясь с ярким белым снегом не приметно мелькнула вспышка. Донесся звук выстрела.

— Угу, — сквозь зубы, враз взмокнув, отозвался я. Поднял бинокль выше и увидел нависающий под вершиной длинный снежный карниз. В памяти вдруг всплыло зрелище похороненного лавиной каравана.

— Мишка! Давай быстро за пулемет!

— Куда стрелять—то? — поведя стволом в направлении цели, спросил Мишка. — Я отсюда пещеру как точку вижу.

— Молчи, — так же сквозь зубы протянул я. — Видишь, выше пещеры снеговой карниз нависает?

— Ну!

— Давай длинной очередью по всей длине карниза.

Загрохотало в закрытом пространстве так сильно, что мы сразу оглохли. Ушам стало больно. Кислый пороховой запах забил нос и глотку, защищал глаза. Стали чихать и кашлять, вытирать кулаками слезы.

— Вот, мля! — догадался я по движению Мишкиных губ.

В тот же миг до нас донесся грохот лавины. Я припал к окулярам бинокля. По противоположному склону клубилась снежная пыль, вспыхивая на солнце. Через снеговой туман весело перекинулась разноцветная радуга.

— Радуга — это к счастью! — глубокомысленно проорал мне в оглохшие уши Мишка.

— Нуууу, — проорал я в ответ. — А покойник?

— Тоже к счастью, — рассмеялся он.

— Это не факт, что покойник имел место, — прокричал я. — Надо проверять.

Когда пыль осела, мы стали лихорадочно обшаривать склон, пользуясь биноклем поочередно. Но устье пещеры исчезло под многотонной массой снега, и, как мы ни

старались, так больше ничего и не увидели на чистом, как только что выпавшем, снегу.

— Да достали мы его, — лениво цедил Толик через час, лежа рядом со мной на узких нарах и ковыряясь щепкой в зубах. — Проклятая конина! Мало того, что протухшая, так она еще и жуеться плохо.

На столе ожила рация голосом лейтенанта Бесчастных:

— Ласточка, ласточка, здесь Гнездо, прием!

— Гнездо, я — Ласточка! — заорал я в микрофон, зажав тангенсу.

— Татарин! Кончай орать. Слышимость прекрасная. Как дела? — спокойно спросил Сергей.

— Нормально! Но у нас один сотый. Легкий!

— Что со снайпером?

— Под лавину попал. Знаешь, Серый, в горах надо быть осторожнее!

— Ладушки! Значит так, завтра с утра прилетит вертушка с вашими сменщиками, тоже мотострелки. Побыстрому передашь им пост и назад. Нас выводят. Все. СК!

На следующее утро был разбужен криком дневального:

— Летит!

Мы с Толиком вышли и уселись у входа, наблюдая, как снизу, медленно и как бы неохотно к нам приближается вертолет, надсадно молотя винтами разреженный воздух. Завис метрах в ста от нас, и из него в глубокий снег стали выпрыгивать бойцы, передавая друг другу рюкзаки и ящики. Один из новоприбывших молодой высокий лейтенант с автоматом за спиной, пригибаясь от несущихся с винта струй, подбежал к нам.

— Старший лейтенант Иванецкий, — воинственно поправляя ремень автомата, представился он. — Кто тут старший?

Я оглядел его с ног до головы. Новенький комплект песчаного цвета эксперименталки, щегольские ботинки с высокими берцами, весь хрустящий и чистый.

— Пойдемте, товарищ старший лейтенант, я покажу вам ваше хозяйство.

Отбросив прикрывающую вход плащ-палатку, он вошел, пригнувшись, в помещение и растерянно стал принюхиваться:

— Вы что тут, лошадь дохлую держали?

Мы с Толиком переглянулись и не смогли сдержать улыбку:

— Именно лошадь. И именно дохлую! Только не держали, а - ели! С продовольствием было плохо, вот и пришлось.

— Да где вы ее тут откопали?

Толик хитро прищурился:

— А она скоро совсем отгает, и вы почувствуете где. Только не выбрасывайте, вдруг пригодится!

...Вертолет нехотя вырвал из снега шасси и, стангажировав носом, ревя турбинами, сделал разворот над постом, пошел вниз, .

В последний раз в иллюминаторе мелькнули выложенные из булыжника стены, пулеметная точка и глубокая снежная траншея, оканчивающаяся, как запятой, вздернутой из снега лошадиной ногой с огромным черным копытом.

Из кабины пилотов вышел летчик, неожиданно повел носом и, перекрикивая рев двигателей, проорал мне:

— Чем от вас воняет?

Я взглянул на Толика, сидевшего рядом, упершегося лбом в стекло иллюминатора. Скулы его были

плотно сжаты, но губы подрагивали от еле сдерживаемого смеха. Потом склонился ко мне и не менее громко, чем летун, проорал прямо в ухо:

— Надо же, а мы и не замечали!

На вертолетной площадке нас ждал комроты. Бойцы построились, сложив у ног снаряжение и автоматы. Он быстрым шагом подошел к нам и открыл рот, чтобы что-то сказать, как, вдруг принюхавшись, неожиданно спросил:

— Вы что, дохлятину там жрали, что ли?

Ответом ему был взрыв гомерического хохота. Я в изнеможении присел на рюкзак, уткнув лицо в колленки.

Серезка растерянно спросил:

— Где вы ее откопали?

У нас уже началась истерика.

Я прикрыл слезящиеся от смеха глаза ладонью и, в перерывах между приступами, выдавил из себя:

— Откопа... Откопали!

Серый посмотрел на хохочущих бойцов, улыбнулся и покачал головой:

— Ну, черти вы, черти!

Александр Разживин

http://artofwar.ru/r/razzhiwin_a_e/

О ЧЁМ ТОЛЧИТ МЯСНОЙ БОР (Что произошло под Мясным бором. Взгляд через годы.)

Приближается шестидесятый День Победы над фашизмом. В Европе уже прошли мероприятия, посвященные шестидесятилетию высадки англо-американского десанта в Нормандии, собравшие весь мировой политический бомонд - глав государств победителей и побеждённых. Подвиги павших воинов в Европе оценены по заслугам. Особенно, наглядно об этом свидетельствует отношение к погибшим - аккуратные захоронения - ровные линии белых крестов, аккуратно подстриженная газонная трава, подчёркнутые скорбь и почтение к тем, кто тут захоронен.

Высадка союзного десанта в Нормандии считается одной из самых кровопролитных операций этих государств в годы Второй мировой. В ходе неё погибли около 6 тысяч американских и 4.300 британских солдат. Вечная им память. Правда, принесённая ими жертва даже отдалённо не сопоставима с теми поте-

рями, которые понесла наша страна, хотя бы только во время одной из битв той войны - за Ленинград. Или даже только в одной из операций этой битвы - Любанской наступательной операции. Общая же цена нашей победы составила 27 миллионов 600 тысяч человек, подавляющее большинство из которых было гражданское население. Немцы потеряли около 10 миллионов солдат и офицеров, 75 процентов из которых - на Восточном фронте в России.

О ЧЁМ НЕ ПИШУТ В УЧЕБНИКАХ ИЛИ НЕИЗВЕСТНАЯ ВОЙНА

Мясной Бор - так, словно по чьей-то злой иронии, был назван небольшой населенный пункт в Новгородской области, которому судьба уготовила страшную роль - стать кровавой мясорубкой, перемоловшей в 1942

году в ходе Любанской операции многие десятки тысяч жизней и судеб советских солдат 2-й ударной армии Волховского фронта. Этот эпизод, своего рода изнанка истории Великой Отечественной войны у нас не любят вспоминать. Долгое время для многих война представлялась только в виде киноэпопеи «Освобождение» или «Дачной прогулки сержанта Цибули». Многие знают и помнят «Брестскую крепость», ставшую символом стойкости советских бойцов и командиров. Для многих ещё непустыми звуками являются Сталинград и «блокада». В преддверии великого праздника, чаще вспоминают десять стратегических сталинских ударов сорок четвёртого и победный салют сорок пятого. А как шли к этой победе, как учились воевать все от последнего бойца до Верховного главнокомандующего Сталина. Сколько ошибок совершили, пока не научились бить врага.

Сколько людей при этом полегло? Что потерпели, пока осилили эту науку. До сих пор генофонд нации не можем восстановить после этих «любой ценой». И уж совсем издевательски звучат ворошиловские слова о войне «малой кровью на чужой территории». Была другая война.

В России много мест, щедро политых солдатской кровью, которые мы почитаем и на праздники проводим митинги возле мемориальных комплексов. Но Мясной Бор не такое место. Здесь из-за просчётов военно-политического руководства попали в ловушку - были окружены и уничтожены многие тысячи воинов второй ударной армии. Они храбро сражались и гибли, но были незаслуженно забыты и вдобавок оклеветаны. Поражение всегда сирота, тем более катастрофа такого масштаба. То, что произошло в новгородских болотах, современные историки называют предательством своих солдат верховным командованием, потерявшим интерес к этой операции и практически отказавшимся от попыток спасти окружённую армию, прекратившим доставку в «котёл» продовольствия и медикаментов. Только предательством можно назвать преступное безразличие главных виновников этого провала, каковыми сейчас некоторые считают командование фронта, представителей Ставки Ворошилова, Маленкова, Мехлиса и самого Верховного главнокомандующего Сталина. Конечно легко мнить себя стратегом, видя бой со стороны, однако многие сходятся в том, что армию можно было спасти в марте 1942 года, выведя людей и технику по зимнику к «бутылочному горлу», т.е. к Мясному Бору. Сама поспешность начала операции и крайняя медлительность при принятии мер к спасению наталкивают на мысль о том, что армия была принесена в жертву, чтобы хоть чуточку ослабить давление немцев на Ленинград. Изучая военно-историческую литературу, сложно натолкнуться на свидетельства, объективно проливающие свет на те события. Советской военной науке достоверные сведения об операции были не нужны. Считается, что часть архивных материалов была просто уничтожена и, как говорится, «концы в воду». Другая часть по-прежнему недоступна даже историкам. Про трагедию в Мясном Бору стали говорить открыто лишь последние 10-15 лет, но и то, что говорилось и писалось, на мой взгляд, не в полной мере отразило всего трагизма происшедшего. Видимо, правда то, что трагедией является смерть одного конкретного человека, гибель же десятков, сотен тысяч и миллионов - лишь статистика. Несколько лет назад, увидев на любительских фотографиях, сделанных поисковиками в Мясном Бору, громадные кучи солдатских костей и ознакомившись с воспоминаниями чудом уцелевших в тех боях солдат и офицеров, лично я по-инному стал ощущать трагизм, величие подвига и величайшее терпение и жертвенность наших воинов, нашего простого народа.

Война продолжается, ибо не захоронен ещё последний погибший на ней солдат.

Леса и болота Новгородской области - гиблые места сами по себе. А когда в бо-

лотах, на опушках леса, на просёлках белеет множество человеческих костей, то и вовсе становятся жуткими. Хочется воскликнуть: «О поле-поле, кто тебя усеял мёртвыми костями?». Усеяны эти места в основном костями советских солдат и офицеров Второй ударной армии Волховского фронта. Поисковики говорят, что есть здесь останки и немцев и испанцев... Но в подавляющем большинстве это наши. Члены поисковой экспедиции «Долина», занимающиеся здесь поиском и перезахоронением останков, отмечают, что «сама обстановка гиблого болота, напичканного трупами создаёт в этих местах простую обстановку. Многие поисковики неоднократно обращали внимание на то, что в местах массового нахождения убитых не селятся и не появляются птицы, а лес в Мясном Бору страшный и мистический, словно неупокоенные души погибших продолжают свою войну». А ещё говорят, что это одно из немногих мест в России, где можно ощутить хрономиражи.

«Аиф»овец Сергей Осипов, побывавший там, писал: «Место довольно топкое, поэтому скелеты сохранились лучше. Говорят, что на болотах, особенно торфяных, иногда находят практически неразложившиеся трупы в неистлевшем обмундировании и с исправным оружием. В войну здесь было поле, которое только недавно начало покрываться молодым лесом. Слой почвы - в два пальца, а под ним... Метрах в 200 от федеральной трассы Москва-Санкт-Петербург лежит скелет. Трёхлинейная винтовка с примкнутым штыком, пара лимонок, несколько десятков патронов. Сквозь прореху в кирзовом сапоге можно увидеть кости пальцев ног.

По положению тел, по воронкам от мин и снарядов можно восстановить картину боя. Летом 42-го здесь на пригорке засел со своим «машиненгевером» немецкий пулемётчик и выкосил не меньше полувзвода советской пехоты, наступавшей от шоссе. Все они остались лежать здесь в тех позах, в которых их застигла смерть. А вот их убийца рядом с ржавым пулемётом МГ лежит в россыпи изъеденных коррозией гильз. Сквозь его скелет проросла тощая осина...»

Несколько десятилетий после войны всё, некогда происходящее здесь, было окружено стеной молчания. Мёртвые, как известно, безмолвствуют, а живые всё это время боялись даже признаться, что воевали во Второй ударной под Мясным Бором. И вообще, всё, что здесь произошло - произошло не в эту войну, а в какую-то другую о которой не говорится в учебниках истории, о которой молчат Мясной Бор, Харьков, Вязьма и Крым, ставшие в 1942 году местами трагедий и катастроф из-за просчётов Ставки, т.е. Сталина при планировании всей зимней кампании сорок второго года: нереальности сроков, небеспеченности людьми, распыления стратегических резервов... Из-за этих просчётов немцы смогли прорваться к Сталинграду и на Кавказ. Но всё это происходило в каком-то другом измерении и к войне и к победе в ней не имеющие отношения, а потому и выброшенные из официальной военной хроники. Поэтому работы по поиску и захоронению начались энтузиастами своими средствами, без особого афиши-

рования лишь в конце 80-х годов. В 1988 году поисковиками были перезахоронены 3,5 тысячи человек, в 1989 году - 3,4 тысячи. Всего до мая 1995 года было вынесено и захоронено около 18 тысяч человек. Во время ежегодных поисковых работ захоранивались по 600-800 останков. Работа поисковиками ведётся постоянно, появляются новые братские могилы, возвращаются солдатские имена. Но это лишь самая малая часть тех, кто продолжает лежать в здешних лесах и болотах.

ПРЕДЫСТОРИЯ ОПЕРАЦИИ

Заняв 8 сентября Шлиссельбург, противник установил сухопутную блокаду Ленинграда. Обладая более чем полоторным превосходством в танках и авиации и небольшим превосходством в численности личного состава, немцы силами 11 дивизий (в т.ч. 2 танковые и 1 моторизованная) совершали настойчивые попытки наступления на город, которые частично увенчались успехом - был занят ряд пригородов и осуществлён выход к финскому заливу в районе Урицка (Лигово). Лишь титаническими усилиями и ценой немалых жертв (потери составили 116 тысяч человек, 65 из которых - безвозвратные) враг был остановлен и перешёл к обороне. Над городом нависла угроза голода и гибели в условиях полной блокады и окружения. Поздней осенью 1941 года по приказу Ставки осуществлялись безуспешные попытки прорыва блокады. Снабжение города и войск были возможны лишь по льду Ладожского озера. Однако этого было совсем недостаточно. Город задыхался в железных блокадных тисках. 16 октября противник начал наступление в направлении Тихвина с целью прорыва к реке Свирь для соединения с финскими войсками восточнее северо-восточнее Онежского озера и станции Войбокало для выхода на южное побережье Ладоги. В случае успеха немцев Ленинград был бы полностью окружён и отрезан от страны. Части немецкого «Вермахта» заняли Тихвин 8 ноября ценой больших потерь. Однако, через месяц, 9 декабря 1941 года после упорных боев нашим войскам удалось освободить этот город, что позволило организовать перевозку продовольствия и грузов на восточный берег Ладожского озера наиболее коротким путем. Контрнаступление под Тихвином сорвало планы фашистов замкнуть второе блокадное кольцо и полностью изолировать город. В разгар контрнаступления в целях объединения войск Красной Армии, действовавших восточнее реки Волхов, был образован Волховский фронт под командованием генерала Кирилла Афанасьевича Мерецкова. Для развития успеха тихвинского контрнаступления Верховное Главнокомандование приняло решение осуществить в январе 1942 года еще одну операцию по прорыву вражеской блокады силами Ленинградского, Волховского и частью Северо-Западного фронтов при содействии Балтийского флота.

Это решение было принято Ставкой под впечатлением победы под Москвой. Как свидетельствуют историки, воспрявший духом Сталин, поставил задачу в течение 1942 года разгромить и изгнать врага со всей террито-

рии СССР. Он торопил военное руководство с развёртыванием новых наступательных операций. Одной из них должна была стать операция по деблокаде Ленинграда. По плану операция имела целью прорвать оборону противника по реке Волхов, выйти в район города Любань, повернуть на запад и совместно с Ленинградским и правым флангом Северо-Западного фронта окружить войска немецкой группы армий «Север» и уничтожить их. Сама по себе задача прорыва блокады и освобождения от неё города была неоспоримой. Однако то, как она готовилась, уже заранее обрекало её на провал и большие человеческие жертвы. О нереальности сроков подготовки операции, об абсолютно неподготовленном и неорганизованном тыловом обеспечении вновь образованного фронта, об отсутствии коммуникаций для подвоза боеприпасов и продовольствия, почти полного отсутствия средств ПВО и связи, складов, авиационной и артиллерийской поддержки и многом другом Верховный не желал слышать. Вместо решения перечисленных проблем, Сталин в виде помощи прислал на Волховский фронт своих приближённых - Ворошилова, Маленкова, Мехлиса. С их именами связан ряд провалов первого этапа войны и на других фронтах. А о полководческих способностях нужно говорить отдельно.*

Единого мощного удара не получилось потому, что из четырёх армий, входящих в состав Волховского фронта, две (4-я и 52-я) имели большой некомплект, а ещё две (59-я и 2-я ударная) находились ещё в эшелонах и только двигались к фронту. 54-я армия, которая по замыслу должна была взаимодействовать с Волховским фронтом, подчинялась Ленинградскому фронту, несмотря на то, что была в значительном отрыве от него и, как считают военные историки, было бы логичнее, если бы она вошла в состав именно Волховского фронта, что облегчило бы организацию взаимодействия её с другими армиями и упростило бы управление. Однако этого не произошло из-за амбиций командующего Ленфронтом генерала Хозина. Армия стала предметом всяческих интриг между руководством двух фронтов, что пошло далеко не на пользу делу. Сама же армия состояла в основном из блокадников, вывезенных по льду Ладоги из Ленинграда и испытывавшая нехватку в продовольствии, зимней одежде, фураже, транспорте, автоматическом оружии... Была измотана оборонительными боями. Ставка не организовала взаимодействия фронтов.

Зима стояла на редкость суровая, а в сочетании с влажным климатом, как вспоминают ветераны, одежда сначала быстро сырела, потом застывала и превращалась в негнущийся футляр, будто из камня. Наступать предстояло в сильно заснеженной лесисто-болотистой местности, при отсутствии дорог.

Первой из блокадного кольца перешла в наступление в направлении Тосно 55-я армия Ленинградского фронта. Но вскоре стало ясно, что шатающихся от недоедания солдат бессмысленно гнать на убой на немецкие дзоты.

В первых числах января с востока по направлению к Любани начала наступать 54-я армия. Как уже отмечалось, она в боль-

шинстве своём была укомплектована из блокадников. Этой армии боеприпасов хватило на несколько дней боёв. Уже к 17 января израсходовав боезапас, армия остановилась. К Любани она смогла выйти только через три месяца - в марте, преодолев с боями около 20 километров и потеряв почти весь свой личный состав. «Штабеля трупов у железной дороги выглядели как заснеженные холмы», вспоминают участники тех событий.

7 января, в назначенный день в наступление перешёл Волховский фронт, начав таким образом «одну из самых трагических операций войны» - Любанскую, продолжавшуюся до 30 апреля. (С мая и до середины июля осуществлялись запоздалые попытки прорыва из окружения остатков обречённой армии. Последние из немногочисленных оставшихся в живых и не попавших в плен окруженцев выходили на других участках фронта вплоть до самой осени 1942 г.).

В наступление перешли недоукомплектованные, не обеспеченные материальными средствами 4-я и 52-я армии, так и не дождавшиеся прибытия эшелонов других армий. Плохо подготовленное наступление захлебнулось через три дня ещё и потому, что не была разведана линия обороны немцев, и их невыявленная артиллерия нанесла серьёзный урон наступающим, «превратив их в кровавую кашу». Немецкая же оборона была глубоко эшелонирована, и подготовлена в инженерном отношении, оснащена фугасными минами полями. Разгромить предстояло пехотные и моторизованные корпуса, танковые дивизии 16-й и 18-й армий, имевшие свежие резервы, поддерживаемые авиацией и артиллерией.

Из-за неудачного начала, операция была остановлена и отложена на несколько дней. Общая численность войск, принявших участие в этом наступлении составила 325700 человек. (С 7 января по 30 апреля, т.е. в ходе наступления потери этой группировки составили: убитыми - 95064 чел. и 213303 раненых,

больных и обмороженных).

Прибывшие в пешем порядке на фронт сибирские дивизии были полностью укомплектованы людьми, но не имели твёрдых навыков в боевой подготовке - в тактических приёмах и в обращении с оружием. В лыжных батальонах не все умели стоять на лыжах, некоторые впервые оказались в лесу и из боязни потеряться путали боевые порядки. Призванные из запаса офицеры старой армии удивлялись слабой работе командиров и штабов. Полное отсутствие механизированной тяги компенсировалось солдатским горбом.

Утром 13 января силы Волховского фронта вновь перешли в наступление при поддержке миномётов, трёх артполков и лёгких танков. К этому времени в 59-й армии, считавшейся самой сильной, несмотря на то, что половина её соединений, ранее участвовавших в боях, была ослаблена, были развёрнуты пять дивизий, а ещё три находились в пути. В четвёртой армии в дивизиях насчитывалось по 3,5-4 тысячи человек. Дивизии 52-й армии имели большой некомплект в личном составе, нехватку в артиллерии, миномётах и автоматическом оружии. Во 2-й ударной в исходном положении к началу наступления находилось немногим более половины соединений - одна стрелковая дивизия и семь стрелковых бригад. Всё вместе равнялось по численности стрелковому корпусу. В частях не хватало миномётов, боеприпасов, обычного стрелкового оружия, оптических приборов, средств связи, передков для орудий и т.д. На каждую пушку имелось по 25% от положенного боекомплекта. Танков в тот момент не имелось, как и в 52-й армии совсем.

В резерве фронта были две очень ослабленные кавалерийские дивизии и четыре лыжных батальона. Второго эшелона фронт не имел. Отсутствовал автотранспорт, снабжение осуществлялось неудовлетворительно. В небе безраздельно господствовала вражеская авиация. Действия фронтов и даже армий на одном фронте были согласованы плохо, а

то и вообще не согласованы во времени.

Тем не менее, наступление всё равно началось, и главная роль в нём отводилась 2-й ударной армии под командованием генерала Н.К. Клыкова.

После двухдневных кровопролитных боёв, 15 января, командующие 2УА и 52-й армией были вынуждены ввести в бой вторые эшелоны армий, а 17 января 2 УА сумела прорвать первый оборонительный рубеж немцев. В образовавшуюся брешь был брошен недавно сформированный 13-й кавалерийский корпус. Войска продвинулись в глубину на 10-15 км и начали расширять плацдарм....

НАСТУПЛЕНИЕ НАЧИНАЕТСЯ

Одна из дивизий, которой предстояло участвовать на острие боевых действий 2 УА и которую, в числе других с нетерпением ждали на Волховском фронте, была в сжатые сроки сформирована в Красноярском Крае на станции Заозёрная и эшелонами отправлена на запад. Бойцы не знали куда именно их везут. «Может на Карельский?» - гадали они.

Дивизию выгрузили в Череповце и пешим порядком погнали в сторону Белозерска. Не ведая, что им предстоит, молодёжь шутила, глядя на безрадостные картины вологодчины, что, мол, если бы сказали выбирать - идти на фронт или остаться жить здесь, то ни за что бы ни остались. Такой скудной по сравнению с сибирской им показалась природа российского севера. Зима уже полноправно начала вступать в свои права, а сибирская дивизия всё продолжала свой путь. Вскоре им приказали от Белозерска через Кириллов отправиться в Вологду, а оттуда в товарняках под Тихвин на разезд Большой Двор. Позднее стало известно, что в случае успеха под Тихвином немцы планировали удары во Вологодском и Ярославском направлениях.

За Тихвин шли тяжелые бои, но, несмотря на это, дивизию оставили в резерве, передавая по очереди в 54-ю, 59-ю и, наконец, во 2-ю ударную армии. Сибиряки двигались в направлении станции Будогощь во втором эшелоне наступающих войск. Приходилось постоянно перемещаться то вправо, то влево от основного направления - шли туда, где противник оказывал особенно сильное сопротивление. Отдыхали и спали только в лесах. Немцы, отступая, уничтожали все. Были сожжены дотла многие деревни. Деревья и те были все изранены. Из-за отсутствия кормов лошади обессиливали, падали. Их приходилось оставлять. К юго-западу от Тихвина на пути попадалось много немецких трупов. Некоторые из них висели на деревьях, заброшенные туда взрывами снарядов. Подводы, груженные имуществом и продовольствием, двигались по дороге, по набитой колее. «Один из повозочных выехал из колеи, - вспоминал бывший командир штабного взвода роты связи 1267-го стрелкового полка лейтенант Иван Никонов, - всего на несколько сантиметров, и сразу же раздался взрыв - сработала мина. После взрыва не смогли найти ни самого бойца, ни его винтовки. Не оказалось на месте и передней части повозки, а половина лошади, ее передняя часть, какое то время еще про-

должна была стоять на ногах, трясясь в конвульсиях».

382-я стрелковая дивизия, которой командовал полковник Г.П. Саккуров, выдвигалась в направлении Грузино, где получила свое боевое крещение, встретив сильное сопротивление противника и понесла первые серьезные боевые потери.

Стрелковый полк, в составе роты связи которого находился взвод лейтенанта Никонова, двигался вдоль правого берега реки Волхов в направлении Дубцы - Гряды и далее. Немцы закрепились на левом берегу Волхова, создав мощную систему обороны. Предстояло форсировать реку в районе Селищенских казарм.

СПАССКАЯ ПОЛИСТЬ

Январь 1942 года, как уже говорилось, выдался на редкость холодным. Морозы доходили до сорока градусов. Подразделения 1267-го стрелкового полка сосредоточились в вершинах оврагов вдоль берега Волхова для броска на другой берег. Подвезли в бочках водку. Бойцы пили ее прямо из ковша, а к утру, когда поступила команда двинуться в наступление, на земле так и остались лежать несколько тел очоженевших с похмелья бойцов.

Первая же атака сибиряков увенчалась успехом. Немцы открыли огонь, но удерживали позиции недолго, дрогнули и побежали. Оказалось, что у них на берегу были оборудованы лишь ячейки из снега. Воодушевленные первым успехом подразделения двинулись дальше, к Спасской Полисти, по пути захватывая пленных. Спасская Полисть - железнодорожная станция на линии Новгород - Волхов - Тихвин - Ленинград, а также тракт шоссейных дорог. Дома и надворные постройки стояли ровной улицей, около них огороды. Возле огородов - речка Полисть. Возле нее, у шоссе, водокачка, дальше - поля и сенокосные угодья. Вся местность видна как на ладони. Здесь на линии железной и шоссейной дорог противник закрепился основательно. В самой

Спасской Полисти с немецкой дотошностью каждый дом был переоборудован в ДОТ. В избах на пол были положены прокладки из бревен. Их засыпали землей из подпольной ямы, делая, таким образом, несколько рядов. Из подпольных окошек делали амбразуры. Такие сооружения не пробивались ни ружейно-пулеметным, ни минометным, ни даже артиллерийским огнем.

Метрах в двухстах от переднего края противника Никонов с бойцами разгребли снег и поставили палатку для командира полка. Впереди боевых порядков пехоты вырыли ямку для НП, провели туда телефон. Полк готовился к наступлению...

После чахлой и малоэффективной артподготовки началась атака.

Шли врассыпную по открытой местности. Связисты двигались вместе с пехотой. Противник открыл огонь из всех видов оружия. Автоматные и пулеметные очереди заглушали минометным и артиллерийским огнем. Немецкие самолеты летали на малых высотах, их летчики нашли себе забаву, как в тире, расстреливать наших бойцов из пулеметов. И - бомбили. Все взлетало вверх, завлакивало снежной пылью и землей. Не было видно ничего. Падали мертвые, раненые и живые. Вместо того чтобы прятаться в воронках от снарядов, некоторые необученные бойцы в растерянности метались по полю и погибали. Бойцы ползли вперед и стреляли. Заканчивались патроны. Многие залегли в воронках. После такого огня командирам трудно было понять, сколько людей осталось в живых. Пришлось лежать до ночи, а потом ползти и проверять, кто жив, а кто убит или замерз. Понеся большие потери, полк прекратил наступление. Оставшиеся в живых под покровом темноты отошли далеко за исходные позиции, к кухням. Во время наступления бойцы пищи не получали, кухни не подходили близко к переднему краю. Если немцы их замечали, то сразу же уничтожали артослем.

Буквально на следующий день состав полка пополнился маршевыми ротами и бата-

льонами - только что прибывшими на фронт необстрелянными бойцами. Всем выдали по 1 - 2 обоймы патронов (10-20 шт.) - и снова в атаку. Патроны быстро кончились, и их приходилось брать у убитых и раненых в ходе боя. С первых же дней Никонов понял, что нужно держаться ближе к немцам. Стоит лишь чуть отойти дальше, как их артиллерийский и минометный огонь уничтожает все живое, а по местности, расположенной в опасной близости к своим позициям, они не стреляли.

В очередной атаке лейтенант немного не угадал - не нашел поблизости подходящей воронки и упал в снег. Когда начал нагребать перед собой сугроб, немец заметил его и начал стрелять. Две пули, пробив снег, попали в шапку, но не пробили ее, а только застряли. Пришлось подгрести еще. Ситуация сложилась неприятная - патронов нет, немец держит под прицелом, не давая высунуться, а не то, что отползти. Так Иван Дмитриевич и пролежал до темноты. Чуть не замерз. Лишь ночью удалось выскользнуть из этой западни.

После очередной неудачной попытки наступления людей в полку осталось совсем мало. Пришлось отойти на исходные позиции. А утром немцы сами пошли в наступление. Стоящий у командирской палатки боец закричал: «Немцы!». Все сонные повыскакивали из-под плащ-палаток, когда немцы были

уже метрах в тридцати и открыли огонь. Наступающие залегли. В этот момент подбежал ротный и приказал Никонову взять бойцов и бежать на правый фланг, где немцы наступали особенно активно. Иван Дмитриевич взял с собой пятерых и побегал, по пути потеряв двоих - одного из бойцов убило, другого ранило в живот.

«Немцы уже обошли нас с фланга, - вспоминал Иван Дмитриевич. - Я стал отстреливаться, подбежал с ручным пулеметом младший лейтенант Григорьев и начал стрелять в самую гущу фашистов. Часть немцев была уничтожена, а другие отвернули в сторону и ушли в глубь обороны полка».

Прибравший связной передал приказ Григорьеву явиться с пулеметом к командиру полка. Никонов остался один - без приказа не решаясь оставить позицию. Он залег в воронке, впереди которой росли небольшие кусты, когда увидел, что с немецкой стороны через редкий лесочек прямо на него идут человек 10-12 фрицев. Подпустив их метров на 50, он начал стрелять. Часть немцев залегла, а остальные так и остались стоять, не понимая, откуда по ним ведется огонь. Воронки из-за кустиков видно не было, тогда, как сами немцы были как на ладони. В результате Никонову удалось уничтожить всю группу. Еще два раза немцы пытались пройти в этом мес-

те, и оба раза лейтенант их расстреливал со своей невидимой позиции. Никонов насчитал потом 23 убитых фашиста.

Ночью движение прекратилось, и Иван Дмитриевич отправился искать своих. В том месте, где была их палатка, он увидел убитыми бойцов своего взвода Селезнева, Симоненко, Швырева, Авдюкова и других. Присел рядом с погибшими товарищами, попрощался и снова пошел на поиски живых. Из соседнего леса ударила очередь. Пуля продирая шинель, но самого его не задела. Автоматы тогда были в основном только у немцев, поэтому туда он не пошел. Услышал, как вдалеке ударила «катушка». По звуку Никонов понял, что снаряды будут падать где-то рядом. Только успел залечь в ложбинку, как они начали рваться недалеко от него. По кому велся огонь было не понятно, потому что, кроме него, никого в этом месте не было. Снаряды легли с недолетом. Ударил второй залп БМ-13. Снаряды разорвались еще глубже в нашем тылу...

Никонову удалось найти своих в лесу, почти в двух километрах от Спасской Полисти. Там находилась небольшая группа уцелевших бойцов и командиров - человек десять, среди них был и командир полка. Лейтенант доложил ему обо всем, что произошло, об уничтоженных им немцах и о том, что сейчас противника на оставленных позициях нет. Командир не поверил, послал с Никоновым вместе помощника начальника штаба проверить еще раз, а ещё одного бойца отправил считать убитых Иваном Дмитриевичем немцев. Информация о том, что немцев на позициях нет, подтвердилась, а вернувшийся боец, побоявшись подойти близко, издал насчитал лишь около десятка трупов. Ивана Дмитриевича сочли хвастуном.

Немцы контратаковали по двум направлениям. Им удалось продвинуться на 1,5 - 2 километра в наш тыл и обойти оборонявшихся. Потому решили в лесу не ночевать, а вернуться на оставленные утром позиции. Придя на них, первым делом собрали в одно место всех своих раненых, а в другое - большую часть убитых. Недосчитались командира роты Останина, политрука Зырянова и многих других. Командовать ротой назначили командира взвода коммуниста лейтенанта Маликова...

Утраченное положение удалось восстановить, после чего бои за Спасскую Полисть продолжали всё по той же схеме. В обескровленный полк дали пополнение. В эшелоне из Средней Азии привезли казахов и узбеков. Большинство из них были пожилыми верующими людьми. Они были почти совсем не обучены и тяжело переносили мороз. Когда кого-то из них убивали, а это случалось часто, остальные собирались вокруг него и что-то по-своему бормотали. Немцы это замечали и накрывали собравшихся минометным огнем. Если же кто-то из них получал ранение, его несли в санчасть целой толпой. Передний край в этот момент пустел.

Затем на смену им пришли три молодежных батальона. Ребятам было не более двадцати лет. Пришли строем, все в новеньких белых маскхалатах. Им не дали даже передохнуть - повели в атаку. Через полтора часа никого из них уже не осталось. Попол-

Ручные гранаты. Ими так никто и не воспользовался

нение прибывало и сразу отправлялось в бой. Но немец из пулемётов их как косой косил. Полегли все. Перед немецкими позициями всё было изрыто снарядами и устлано кучами трупов, которых убрать было не возможно. Убитые и раненые падали сверху. Раненые тянулись, ползли, но вскоре умирали от ран или замерзали. Живые прятались от огня противника в воронках или за кучами оочевевших на морозе трупов.

Наконец началось масштабное наступление одновременно силами нескольких полков. 1267-й стрелковый полк наступал на левом фланге вдоль шоссе, идущего от Селищенских казарм. Ценой огромных потерь была занята водокачка и отбит один из домов на улице. Бойцы забрались в подпольную яму (погреб), а комполка майор Красуляк, комиссар Ковзун, лейтенант Никонов и с ним телефонист боец Поспеловский разместились в траншее возле дома. Справа от их позиции из укрепленных домов немцы вели сильный пулеметный огонь, буквально не давая поднять головы. Майор Красуляк приказал соединить его с начальником артиллерии полка Давбером. Разговор был примерно таким:

— Видишь, от тебя правее водокачки, дома? — спросил комполка.

— Вижу, — ответил начальник артиллерии.

— Дай по ним огонька, — приказал Красуляк.

Но артиллеристы Давбера нанесли удар не по немцам, а по КНП командира полка. Всех, кто там находился, едва не перебило осколками. Пришлось лежать на дне траншеи, пока длился этот артналет. Немцы, воодушевленные такой помощью, тоже открыли огонь. Выбивать их из укреплений было нечем, кроме винтовок, а ими этого сделать было невозможно.

Когда стемнело, командир полка поручил Никонову следить за обороной, а сам решил отдохнуть. Однако немцы не смирились с захватом дома и открыли по нему огонь

зажигательными пулями. Дом загорелся, бойцы, человек семь, выскочили из подвала и побежали. Комполка попытался их остановить криком и даже выстрелил несколько раз из пистолета в их сторону. Двое бойцов поконулись, но кто-то философски заметил, что перестрелять можно хоть всех - не поможет.

Командир полка принял решение отойти с комиссаром и поручил Никонову и Поспеловскому прикрывать отход. Они отстреливались. Дом разгорелся вовсю, и рядом находиться стало уже невозможно. И уйти нельзя - от огня стало светло, как днем. Было принято решение уходить короткими перебежками возле самых домов-дотов. Поспеловского он так и инструктировал: «Амбразуру проскочишь и ложись. Они не успеют в тебя попасть». Так и стали перебегать возле самых амбразур. Только перебегут - немцы в вдогонку открывают огонь. Да поздно. «Эх, гранаты бы. Все точки бы подавили», — с тоской подумал Иван Дмитриевич, но гранат у них не было вообще. Так они и прошли с Поспеловским весь путь и вернулись на свои исходные позиции. В отрытой накануне наступления землянке нашли командира полка. Здесь же был и представитель штаба армии Кравченко (Иван Дмитриевич запомнил его фамилию), который выяснял, сколько осталось людей в полках. В 1267-м их осталось больше всего - 7 человек, а у других - по 5 - 6. Всего на переднем крае осталось 35 человек.

Кравченко приказал Красуляку возглавить эту группу и снова атаковать. После этой атаки не уцелел почти никто, но Никонову опять повезло остаться в живых.

На следующий день привезли пополнение. И снова в бой. Теперь наступали с правой стороны от шоссе, опять заняли водокачку, но силы вновь иссякли. «Почему? — недоумевали некоторые бойцы. — Когда мы идём в наступление, на нас обрушивается весь огонь противника: автоматный, пулемётный, миномётный, артиллерийский и авиация расстреливает из пулемётов и бомбит на малых высо-

тах. От такого огня уже в начале атаки почти ни кого не остаётся. Наши же артиллеристы и минометчики, если и ведут огонь из глубины с закрытых огневых позиций. И только тогда, когда пехота продвинется вперёд и закрепится на новом рубеже, они меняют позиции. Такой огонь был не только малоэффективен из-за невозможности быстрого осуществления им манёвра, но, нередко и вреден из-за того, что наносился по своим позициям и из-за плохой связи проходило немало времени, прежде чем ошибка исправлялась».

Командиры полков Красуляк и Дормидонтов выдвинулись на исходные позиции, перешли через мост, стали подниматься на берег, и тут немец дал очередь из пулемета, убив Дормидонтова и ранив в руку Красуляка.

РАЗВЕДКА БОЕМ

Находясь на НП, Никонов один раз, увидел близко высокое начальство в сопровождении большой свиты. Старший начальник был очень похож на товарища Ворошилова, каким его изображали на портретах, только старше. Начальство долго что-то обсуждало между собой, потом Ворошилов показал рукой на кучи трупов и сказал: «Вот видите, местность здесь открытая, вражеские позиции хорошо укреплены...». И правда, вся местность была у немцев как на ладони и сплошь устлана трупами. Их никто не убирал и не рассматривал. Каждая такая попытка заканчивалась новыми потерями. Вот и истлевали они здесь, считаясь без вести пропавшими. Начальство ушло и наступать в этом месте больше не стали.

А утром на рассвете начался рейд полка левее Спасской Полисти. Два батальона пошли в наступление. Шли как всегда врассыпную. Противник открыл с правого фланга сильный огонь. Потерь опять было много. С большим трудом удалось пересечь шоссе и железную дорогу. Зашли в лес, чтобы сделать небольшой привал. Только стали располагаться, как прозвучал выстрел. Кто стрелял, выяснить не удалось, но почти сразу посыпались снаряды. Появились убитые и раненые. Была предпринята попытка отправить раненых в санчасть, но немцы сразу же отрезали пути отхода, поэтому пришлось вырыть яму и спрятать туда раненых, чтобы не замерзли. Оставив небольшую охрану, двинулись дальше. И опять прозвучал выстрел. Кто-то заметил, что трансирующей пулей выстрелили с растущей рядом большой ели. Приглядевшись, заметили на ней снайпера и открыли по нему огонь. Даже мёртвый, немец не упал вниз. Он был привязан к ветке. По команде начали поспешно отходить, пока не посыпались снаряды. А рваться они стали там, где только что находились бойцы. Пройдя по лесу и повернув к станции, колонна наткнулась на оборону противника. В ходе завязавшегося боя, полк опять понес серьёзные потери и израсходовал большую часть оставшихся боеприпасов, выданных на этот рейд всего по две обоймы на брата. Выбить противника со станции не удалось, и пришлось опять отходить. Противник начал преследование. В лесу от него удалось оторваться. Отряд вышел на большую поляну. Никонов шел

впереди вместе с командиром полка и помощником начальника штаба по разведке. И снова по ним был открыт автоматный и пулеметный огонь из засады. А с рядом стоящей ели открыл огонь снайпер, но тут же повис на ветвях дерева, срезанный пулей одного из стрелков. Оглядевшись, бойцы стали вести огонь по немецким «кукушкам», прятавшимся и на других деревьях. И опять немецкая артиллерия начала методично уничтожать остатки рейдового отряда прицельным огнем, отрезая ему пути отхода. У противника была хорошо продуманная система огня - всё пристреляно и простреливаемо. По пятам шли немецкие группы преследования. Приходилось долго петлять по лесу, как зайцам, отрываясь от преследователей.

На третьи сутки обессиленные без еды и отдыха люди стали засыпать на ходу. Пришлось поручать более сильным бойцам стлавать обратно на тропу заснувших на ходу и сбившихся с дороги солдат. Продуктов не было, боеприпасы вышли, обессиленные люди падали и замерзали. Через четверо суток все остановились. Развели костры, возле которых бойцы сразу же стали засыпать. Загоралась одежда, люди обгорали и было приказано костры потушить, обессиленных людей от них оттащить.

На пятые сутки бойцы поголовно падали на снег и многие замерзали. Надежды выжить было мало, и некоторые считали, что это легкая смерть - лечь и не встать, будто уснул навсегда. Ночью на шестые сутки упал и Никонов. Мысленно простился с жизнью и приготовился встретить смерть. Но случилось чудо, будто кому-то было неуютно, чтобы этот, прошедший уже столько опасностей, человек так вот погиб. Из пяти посланных ранее на разведку бойцов двое вернулись живыми. Пожилой боец Зырянов из взвода Никонова поделился со своим командиром добытым где-то сухарем. Кусочек сухаря весом в 4 грамма спас лейтенанту жизнь. Никонов встал и смог идти дальше. Немцы обложили отряд с двух сторон. Пришлось собрать последние патроны для группы прикрытия и уходить. Была холодная ночь. Остаткам полка удалось перейти железную дорогу недалеко

от станции. Немцы тоже замерзали, они развели огромный костер и стояли вокруг него, грелись. Из-за яркого огня они не увидели, как метрах в 70 от них без единого выстрела прошли вырвавшиеся теперь уже из окружения бойцы рейдового отряда.

В тылу первым делом побрели за кашей. Каши наварено было на весь списочный состав, а живыми вернулись немногие. Поэтому, по воспоминаниям Ивана Дмитриевича, ели без меры, сколько влезет, по 2 котелка и больше. А боец Гончарук, железнодорожник из Канска, которого называли “тихоповоротным” из-за его больших габаритов и неторопливости движений, съел целое ведро. Все удивлялись, куда же в него столько влезло и думали, что просто так это ему не пройдет. Но у Гончарука все прошло нормально, без всяких желудочных расстройств. Мечтали о супе, которого, как вспоминал Иван Дмитриевич, не ели с лета 1941 года.

И опять в полку почти не осталось личного состава. 1267 СП отправили на формирование, пополнив тремя маршевыми батальонами. Людью пополнились и другие подразделения. Засиживаться не дали. Опять двинулись в направлении Спасской Полисти.

Взводу Никонова наполовину с минометным подразделением выделили одну подводу. Бойцы, памятуя о голоде, помимо имущества загрузили на неё куски мяса, нарубленные вдоль дороги, от упавших лошадей. Подошедший командир роты хотел, было их отругать, но передумал, понимая, что люди снова идут на смерть и голод. Средств связи в полку было мало - радио-станция, несколько телефонных аппаратов и катушек с кабелем. Даже то, что имелось, было уничтожено при обстрелах под Спасской Полистью. К тому же кабель использовали вместо лучин. Он хорошо горел, хоть и коптил сильно. Но, несмотря ни на что, связь в бою на имевшихся линиях была бесперебойной.

МЯСНОЙ БОР

Вопреки ожиданиям, после реформирования полк был направлен не на старые позиции к Спасской Полисти, а левее, к

Мясному Бору, где на четырехкилометровом участке был осуществлён прорыв вражеской обороны. В этот прорыв и устремились соединения и части ударной армии навстречу своей гибели.

Войска продвинулись в глубину на 10-15 км и начали расширять плацдарм....

Перейдя железную и шоссеиную дороги, первый батальон 1267 СП сумел прорвать оборону немцев в районе Керести, и полк двинулся сначала к Финеву лугу, потом дальше (Под Спасской Полистью и в Мясном Бору воевала не вся 382-я стрелковая дивизия, а два ее полка - 1267-й и 1265-й. 1269 СП оставался возле железнодорожного моста через Волхов под Чудово. Даже часть тыла 1267 СП, в том числе транспортная рота и некоторые другие подразделения, не смогли пройти за Мясной Бор). Противник оказывал сопротивление в основном возле населенных пунктов. Серьезных оборонительных укреплений на этом участке у немцев не было. Поэтому они с боями отходили в глубь обороны, словно засасывая за собой наступающих, но у основания прорыва держали оборону мёртвой хваткой. Наши войска продвигались вперед. За пехотой по глубокому снегу двигалась артиллерия. Из-за узости коридора двигаться приходилось будто в «длинной кишке». То есть, с флангов на расстоянии около 500 метров находились немцы, а впереди в 10-15 км передовые части нашей пехоты. Положительным было то, что бойцам стали, наконец, выдавать сухой паек. Однако в феврале снабжение прекратилось. Выдавали, в лучшем случае, по сухарю на брата в сутки, а то и вообще ничего. По началу можно было найти брошенных обессиленных лошадей и употребить (часто без соли, что вызывало желудочные расстройства) их мясо в пищу. Но вскоре и эта возможность пропала. Начался страшный голод. Продвинувшись уже достаточно далеко вперед, повернули право к железной дороге. Эта местность была хорошо укреплена немцами, оказывавшими здесь ожесточенное сопротивление. Из-за недостатка огневых средств и невыгодности позиций 382 стрелковый полк опять начал нести серьёзные потери. Лейтенант Никонов со своими бойцами продвигался в передовых подразделениях наступающей пехоты, обеспечивая командира полка связью с комбатами. В самих стрелковых батальонах связи уже не было. На соединение к наступающим продвигались части 54-й армии. Уже хорошо была слышна не только канонада, но и ружейно-пулеметная стрельба наступающих частей Ленинградского фронта. Надеялись на скорую встречу...

В промежутке между боями лейтенант Никонов послал одного из бойцов в тыл полка за новым телефонным аппаратом взамен разбитого пулей. Но тот словно пропал. Лишь во второй половине дня Никонову позвонил представитель заградотряда. Он спрашивал, есть ли в роте боец Гончарук и где он сейчас находится? Оказалось, что Гончарука задержали в тылу полка, приняв за шпиона, за то, что он ходил по нашим тылам в немецкой шинели. Незадолго до этого Гончарук спалил свою, заснув у костра, и снял шинель с трупа здорового немца, так как сам тоже был

внушительных габаритов, а советской шинели таких размеров не нашлось. Через некоторое время Гончарук вернулся, но еще долго обижено ворчал, что, мол, вот тыловые крысы, сидят там, немцев не видят, так своих хватают. Не верят, что свой. На это Никонов заметил, что не стоит обижаться, могли бы ведь просто взять да расстрелять на всякий случай. А они вот дозвонились и выяснили.

Обмундированием нашим бойцам служили ватный костюм, шинель, валенки и шапка-ушанка с ватным верхом. Такая одежда загоралась как порох, а тушилась трудно, тлела. Когда на переходах, измотанным от голода, холода и недосыпания людям, наконец, удавалось погреться у костра, многие мгновенно засыпали и загорались. Потом, что греха таить, снимали одежду с еще не оконечивших убитых. Думать-то надо было о живых. Правда, иногда случалось и такое, что валенки стаскивали с раненых, но ещё живых бойцов. А если талых трупов не было, то некоторые отрубали или отламывали валенки с ног и потом снимали их у костра. С такими поступали по разному. Даже убивали. Самосуд был не редкостью.

Вскоре при переходе к станции Глубочка погиб командир роты Маликов, с которым Иван Дмитриевич прибыл на фронт после окончания курсов. Его убил снайпер. Командовать ротой, да и всей связью полка, которой уже почти не осталось, назначили его самого.

К ночи подошли почти вплотную к железной дороге. Любань находилась впереди, правее километрах в шестнадцать. Ночь была очень морозная. Командир полка с комиссаром, чтобы не замёрзнуть, выкопали себе маленькую ячейку и поместились в ней. Никонов почувствовал, что если они тоже не начнут копать яму, то к утру превратятся в ледышки. Поэтому, без лишних уговоров, сам первым взялся за работу. Копал штыком, другого инструмента не было. Остальные сидели и смотрели. Потом подошел пожилой боец Пономарев, стал помогать. Подошли и другие. Остался сидеть один боец Воронов, молодой, крепкий парень, только что окончивший какой-то московский институт. Сидит, мерзнет, сопли текут и превращаются в сосульки. Никонов позвал его: «Помогай, будешь работать - согрешься, потом под палаткой будет теплее». Но тот не стал работать и к утру замерз.

Немец занял хорошо оборудованную позицию по насыпи железной дороги Москва - Ленинград до разъезда Еглино, имея все виды вооружения и достаточное количество боеприпасов. Утром полк без артподготовки был поднят в атаку, которая не имела успеха...

За время январско-февральских боёв, мяснотворский плацдарм превратился в котёл около 200 километров по внутреннему кольцу и узкой горловиной - 3-4 км у Мясного Бора. По берегу Волхова участок прорыва составлял примерно 25 км. По линии сопротивления противоборствующих сторон постоянно велись активные действия местного значения - наступления, отходы. Командование немецкой армии прилагало все уси-

лия, чтобы не дать нашим войскам возможности расширить участок прорыва у Мясного Бора потому, что, как вспоминал после войны один из немецких участников битвы полковник Хольман: «исход боя решался не в глубине территории у острия наступательных клиньев противника, врезавшихся далеко в наши тылы, какими бы угрожающими они не выглядели на карте, а на месте прорыва Волхова и у шоссе Новгород-Чудово, то есть у населённых пунктов Мясной Бор, Мостки и Спасская Полисть. Это ясно признавало командование группы армии «Север». Поэтому немецкая сторона с огромным трудом выдержала натиск наших дивизий, пытавшихся расширить участок прорыва. Для этого им пришлось вводить чрезвычайные меры - поставить в строй всех: маршевые роты, тыловые подразделения. Немцы признаются, что их положение порой становилось просто критическим и замысел русских по деблокаде Ленинграда при определённых условиях мог осуществиться».

...Остро чувствовалась нехватка вооружения, боеприпасов и продовольствия. Полк в очередной раз понес большие потери и вынужден был перейти к обороне. Командование отошло километра на 1,5 - 2 в глубину, оборудовав там командный пункт, а связистов Никонова оставили в обороне в качестве пехоты, которой после атаки уцелело мало. Яму свою связисты расширили, сделав из нее подобие землянки. Насыпали земляной бруствер со стороны противника. Сверху ямы положили палки толщиной 5 - 7 сантиметров, накрыв их плащ-палаткой и засыпав землей. Оставили только небольшое отверстие - лаз. Землянка была ниже железнодорожной насыпи, поэтому ее не было видно со стороны противника. Пехоты на этом участке не было. Никонову дали ручной пулемет, и он организовал дежурство на огневых точках. В землянку вмещалась смена - человек девять, тесно прижавшись друг к другу. Внутри было даже жарко. Пулеметчик дежурил, находясь в отверстии, сверху накрытый палаткой. Левее, сзади, находилась позиция минометчиков.

Бойцы испытывали большую нужду в пище и боеприпасах. Пищу давали раз в один-два дня по несколько граммов сухарей на человека. Люди быстро обессилили. Ели все, что попадется. В тылу стояла одна лошадь. Ее съели вместе с костями и кожей. Потом съели сбрюю. Кости измельчали и ели. В роте лейтенанта Никонова осталось менее десяти человек, когда ему в пополнение дали еще 7 человек, по 5 патронов на каждого и приказали утром контратаковать противника. Целью этой атаки являлось, как понял Иван Дмитриевич, проведение разведки боем или показать врагу, что мы еще живы и сильны. Рано утром поднялись в атаку, открыли огонь по немцам. Немцы ответили автоматным, пулеметным и

минометным огнем. Всех прижали к земле. Убило пожилого опытного бойца Крупского. Рядом с Никоновым залег молодой солдат из пополнения - Александр Сергеевич Пушкин. Ему было всего двадцать лет от роду и внешне походил он очень на своего знаменитого тезку. Пушкин пополз к убитому бойцу, чтобы проверить, не осталось ли у того патронов и чего-нибудь поесть. Не дополз. Получил в голову разрывную нулю. Она попала в лоб и вышла через затылок, но солдат еще дышал. Его волоком оттащили обратно за насыпь и даже доставили в санчасть. У этого парня оказалось крепкое сердце, оно работало несколько часов. Потом он умер, не придя в сознание.

В этой короткой безрезультатной и безнадёжной атаке Никонов потерял людей и израсходовал почти все патроны. Штыков было мало. Поэтому сели опять в оборону. Иногда подкарауливали и убивали из винтовок потерявших осторожность немцев, после чего сразу же открывался сильный ответный огонь. Пополнение поступало крайне редко (после того, как 2 УА прошла Мясной Бор, немцы закрыли место прорыва). Против наших на этом участке действовали, как вспоминал Иван Дмитриевич, части войск СС. У нас оборона строилась еще по старому уставу - узловая, а не фронтовая. Немцы это вскоре развели и пошли в наступление с фланга. Они выбили наших минометчиков и заняли их позицию. Для группы Никонова сложилось трудное положение. Дорожка от КП к его землянке шла как раз через занятую немцами позицию минометчиков, а вдоль переднего края, через отверстие землянки, поскольку дежурить на точки уходили именно оттуда. Однажды в одну из ночей, когда смена, набившаяся в

землянку, спала, дежурный, сидевший под плащ-палаткой, задремал и согнулся. Плащ-палатка полностью накрыла отверстие. В это время два немца шли со своих позиций по дорожке на отбитые у миномётчиков позиции. Первый прошел, перешагнул, а второй ногой угодил в отверстие, прямо на спящего дежурного наступил. Непонятно было, почему же немец не бросил гранату или не дал очередь из автомата? Наверное, сам не понял, что произошло. После этого случая к дежурству стали относиться более ответственно. Вскоре, после короткой перестрелки, Никонову с бойцами удалось прогнать немцев с позиции минометчиков. На позиции они нашли катушки с телефонным кабелем и норы, выкопанные в земле с оставленным отверстием-лазом. В них фрицы отогревались.

От голода люди стали пухнуть. Особенно тяжело его переносили вновь прибывшие бойцы из пополнения. «Старички» научили их есть все органическое, что попадало в руки. Один из бойцов нашёл замёрзший, вырезанный у давно уже съеденной лошади, задний проход и съел его. После этого бойцы стали есть всё, что случайно находили. Немцы, зная, в каком положении находятся наши бойцы, вывешивали на проволоку буханки хлеба и кричали: «Рус, переходи, хлеб есть». То же самое немцы транслировали по громкоговорителям. Но никто из бойцов-сибиряков на эту провокацию не поддался, хотя, как вспоминали выжившие ветераны других частей, были случаи переходов, в частности украинцев из западных областей и других. Но это происходило далеко не в массовом порядке.

К середине февраля наступление уже прекратилось, войска выдохлись. Попытки расширить плацдарм закончились. Во многих дивизиях был заменён командно-политический состав. Но это ни к чему не привело. У немцев тоже не хватало сил наступать. Велась пассивная позиционная война до тех пор, пока немцы не перебросили и не ввели в бой новые дивизии, которые непрерывно атаковали, пытались закупорить горловину у Мясного Бора. 19 марта им это удалось. Сосредоточив на флангах 2-й УА свежие соединения, немцы отрезали армию от остальных сил Волховского фронта.

«Примерно в середине марта 1942 года прибыл в 382-ю стрелковую дивизию представитель Ставки Главного Командования,

- вспоминал Иван Дмитриевич (фамилию его он не запомнил). - Собрал на командном пункте несколько оставшихся в живых офицеров. Сообщил обстановку на фронте и в стране. Рассказал, что обстановка на других фронтах тоже тяжелая. Поэтому необходимо стоять здесь насмерть. Потом спросил, кто желает умереть коммунистом? В плен Никонов живым сдаваться не собирался, считал его изменой. Всю войну носил один патрон для себя. Сам вступил в комсомол в январе 1931 года. Отец в германскую войну за боевые подвиги заслужил полного Георгия (4 креста - один золотой и три серебряных). После - Красная Армия. Красный командир. Стыдно и не простительно было бы его порочить. Никонов написал заявление в партию и был принят».

27 марта наши войска прорвали отсечной фронт немцев. В бой были брошены все резервы. Утром 24 марта по немецким позициям огневые удары наносили несколько артполков и дивизионов реактивной артиллерии («Катюш»). На штурм немецких позиций шли стрелковые соединения. Артиллерия выкатывалась на прямую наводку. «Борьба за горловину шла не на жизнь, а на смерть, - вспоминал командир 376-й стрелковой дивизии генерал Г. Писарев. Болота, вода, холод, непрерывные налёты пикирующих бомбардировщиков и шквалы пулемётного и артиллерийского огня по скучившейся, как на пятачке, ничем не прикрытой с воздуха группировке; всюду масса не захороненных трупов, своих и противников». Бои длились почти 10 дней. Прорыв был осуществлён ценой больших потерь. По отвоёванному коридору была протянута узкоколейка, которая конечно была не способна обеспечить потребности многотысячной группировки. Из-за узости коридора две нитки узкоколейки буквально прошивались пулемётно-артиллерийским огнём. Тем не менее, по ней удалось вывезти около 8 тысяч раненых.

После того, как в последних числах марта - первых числах апреля нашим войскам удалось на несколько дней осуществить прорыв в Мясном Бору, в роту пришло пополнение, в том числе офицеры: лейтенанты Тхостов, Гольнский и политрук Коротеев. Никонов и его подчиненные приступили к выполнению своих прямых обязанностей - обеспечению командования связью. Если раньше она была от КП до землянки, то теперь полученным кабелем провели связь до пехоты - до КНП командиров батальонов. На некоторое время улучшилось питание, стали давать небольшую пайку сухарей. Это продолжалось не долго. Немецкая авиация уничтожила эту «дорогу жизни» или «чёртов мост» - кто как её называл. А вместе с её ликвидацией в котле без вести пропавшими остались тысячи раненых и медперсонал. К этому времени в полках оставалось не более чем по полусотне солдат и офицеров. Да и каких - бесценных от голода и болезней,

почти безоружных. Командованию фронта было абсолютно понятно, что именно сейчас, пока ещё возможно, нужно спасти остатки армии. Для решения этого вопроса, от которого зависели жизни оставшихся людей, командующий фронтом генерал Мерецков вылетел в Москву. Он доложил Верховному о том, что 2 УА более не боеспособна, что она «...совершенно выдохлась и в имеющемся составе не может ни наступать, ни обороняться...», что «катастрофа неминуема, если ничего не предпринять». Ответ Сталина был следующим: «За судьбу армии можете не беспокоиться». А вскоре, 21 апреля Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение расформировать Волховский фронт. Его войска стали составлять Волховскую группу Ленинградского фронта. Командующим фронтом и этой группой был назначен генерал-лейтенант М.С. Хозин, командующим Ленинградской группой войск фронта - генерал-лейтенант артиллерии Л.А. Говоров. Такое решение Ставки ещё более усугубило без того тяжёлое положение гибнущей армии.

...В это же время пришёл приказ из вышестоящего штаба отчитаться за вверенную технику и вооружение. В штабе полка был составлен акт, в котором все потери списывались на бомбёжку. Никонову и одному из его бойцов было предложено его подписать. Свои подписи командир полка майор Красуляк и начштаба капитан Стерлин почему-то не поставили. Боец подписал, а Никонов отрез отказался. Начштаба очень разозлился, выхватил пистолет, закричал, что застрелит. Вмешался комиссар Ковзун. Подошёл командир полка, посмотрел в упор и спросил: «Никонов, почему ты остался жив?». «Сам удивляюсь, — ответил Никонов. — Рядом убивало товарищей, самого контузило под Спасской Полистью». Одно преимущество у Никонова всё же было. До войны он работал на севере в Берёзово в 50-55 градусные морозы. Ездил на оленях в дальние командировки, ночевал в тундре на снегу. Потому легче акклиматизировался и переносил мороз... Утром Никонова в сопровождении двух автоматчиков направили в штаб дивизии, где с ним беседовал начальник политотдела Емельянов. Емельянов Никонову понравился он рассказал ему, почему отказался подписывать акты. Сказал, что хочет умереть честно. Ведь после подписания акта может быть проверка, а в акте всё свалено на бомбёжку, даже те вещи, которые фронта не видели. На списанных погибших придут сообщения, что они живы. Выявится враньё. Подписавших отдадут под суд трибунала и расстреляют. Зачем такой позор? Никонов сказал, что предлагал в акте написать всё как есть, т.е., что часть техники передали другим частям, часть оставили и закопали из-за отсутствия транспорта. Никонова отослали из землянки, но он слышал, как внутри обсуждают его поступок. Одни его поддерживали, другие были не согласны. Никонова отправили обратно в полк. В полку создали другую комиссию, в которую вошёл начальник санчасти Сидоркин, Никонов и другие. Составили акт в другом стиле. Исключили из списков двести с небольшим убитых, прошедших через санчасть. Списали

технику и людской состав полка в количестве двенадцати тысяч пятисот человек без вести пропавших....

23 апреля Волховский фронт был упрям, а через неделю наступление закончилось официально и началась вынужденная оборона на рубеже Кривино - Ручьи - Червинская Лука - Красная горка - Еглино - оз. Чёрное. Сюда немцы подтянули свежие 6 дивизий и одну бригаду из Европы.

Командование армией принял генерал-лейтенант А.А. Власов. Он прибыл на Волховский фронт незадолго до этого на должность заместителя командующего фронтом. Но в связи с тяжёлой болезнью командарма Клыкова и расформированием фронта был назначен Ставкой командовать 2 УА. Власова считали специалистом по выходу из окружения. Благодаря его короткому командованию армией с апреля по июль, когда он сдался в плен, всех кто воевал под его началом стали незаслуженно называть «власовцами». От этого позорного клейма армия не очистилась полностью и по сей день, несмотря на то, что совершенно этого не заслуживает. Не будем проследивать историю деградации и предательства этого человека, так как речь идёт не о нём, а о подвиге тысяч бойцов. Но на Волховский фронт Власов приехал как герой. Он отличился в боях под Москвой. Выходил с боями из окружения. В 1941 г. был награждён орденом Ленина, в январе 1942 г. стал генерал-лейтенантом. Был у Сталина кандидатом на командование фронтом. Поэтому его назначение выглядело вполне логичным. Вопрос заключается в том, что к моменту принятия Власовым 2УА - она уже практически утратила управление и боеспособность, о чём Мерецков и докладывал Сталину. Её судьба была предрешена и без Власова, хотя кольцо и замкнулось через неделю после того, как он принял армию. Власов был, конечно, сволочно, но не главным виновником трагедии. Он подвернулся Сталину в виде «стрелочника», на которого списали промахи всех. Не он - так другой бы стал «жозлом отпущения». Его же предательство - это совсем другая история, не связанная с судьбой этой армии. Тем более что и в плен он сдался тогда, когда с армией было покончено, 12 июля.

Весна полностью вступила в свои права. Стало тепло, но все еще продолжали носить теплую зимнюю одежду. Появились вши. Они расплодились моментально в несметных количествах. У пришедшего зимой пополнения были тулупы - белые и черные, они вмиг стали одного цвета - серого от оккупировавших их миллиардов вшей и гнид. Люди не мылись кто полгода, кто больше. Спать стало просто невозможно. Бойцы стали сбрасывать с себя одежду и надевать, кто что мог.

Вновь поступил приказ сменить позиции. Новым участком оказались позиции отошедшего в тыл Гусевского тринадцатого кавалерийского корпуса под станцией Глубочкой. Вся 2-я ударная армия занимала по фронту уже не больше 150 километров. В окружении людей заметно поубавилось. От позиций полка до позиций ближайших соседей по прямой было чуть больше четырёх километров. Для связи к ним периодически отправляли свя-

Бутылки с коктейлем Молотова

зистов. В полку осталось несколько десятков человек. Пополнение поступало понемногу из расформированных тыловых частей, находящихся здесь же в котле.

Командование стремилось показывать, что армия еще сильна, поэтому периодически проводились наступательные бои, несмотря на отсутствие артиллерии и на то, что патроны выдавались поштучно. Оставленное гусевцами единственное орудие было без снарядов и потому совершенно бесполезное. А ещё кавалеристы оставили двух лошадей, которые не могли идти. Их сразу же съели. Потом собрали потроха, ноги, кожу, кости и все это тоже съели. Сухарей иногда выдавали по несколько граммов, которые делились поровну очень скрупулезно.

Новая позиция находилась в болоте. У пехотинцев лопаток не было, да и яму в болоте не выкопашь - вода. Из мха, прошлогодних листьев и сучьев делали брустверы и лежали. Если немец замечал место, то сразу же брал на мушку. Высунешься - умрешь. Еды опять не стало. Даже зелени никакой вокруг. Ели то, что рукой вокруг окопа можно было достать. Появились случаи самоуничтожения. Это были не те самострелы, что имели место зимой, когда некоторые из бойцов преднамеренно наносили себе ранения, чтобы покинуть «котёл». Тогда уличённых в членовредительстве просто расстреливали без всяких проволочек. Теперь в полку несколько бойцов и два командира убили себя сами. Комиссар Ковзун собрал всех, кто смог прийти. Говорил, что это ЧП, что это недопустимо, что нужно провести работу с людьми. Все молчали. Только Никонов задал вопрос, который остался без ответа: «Если с голода обессилил и не можешь даже повернуться, то что делать? Не сдаваться же немцам?».

Стали пустеть боевые точки и треугольники. Личный состав убывал, подкрепления не было. Никонов попеременно с командиром взвода из его роты лейтенантом Голыньским брали по два бойца, ходили вдоль позиций

с ручным пулеметом и стреляли короткими очередями понемногу из разных мест, создавая видимость обороны и какой-то активности. На самом деле оборона была пуста. На сто метров приходилось уже менее одного солдата. Немцы это скоро тоже поняли. Они получили большое пополнение, и перешли в наступление. Ударили в правый фланг обороны полка. На том участке находился только один боец Гончарук. Он успел передать по телефону: «Немцы! Отстреливаюсь!». В трубку была слышна стрельба. Потом Гончарук крикнул в трубку: «Погибаю!», и все. Никонова вызвал комполка Красуляк и поставил задачу собрать своих бойцов, забрать из санчасти всех, кто может ходить, и выдвигаться на край болота, где принял свой последний бой Гончарук. Он сообщил, что туда уже ушла дивизионная разведка и действовать нужно вместе с ней. Никонов взял с собой недавно прибывшего лейтенанта Киселя, своих бойцов Шишкина, Тарасова и четверых больших и раненых бойцов из санчасти без оружия и патронов.

Передний край был занят немцами, и оружие взять было нелегко. Это был далеко не первый случай, когда бойцы шли в атаку без оружия, вместе со всеми останавливая натиск врагов, лишь собственной грудью защищая Родину. Выдвигаясь в указанном направлении по лежням через болото, увидели идущего навстречу бойца Петрякова, которого вместе с Самариным Никонов отправлял на помощь Гончаруку. Петряков стал уговаривать, чтобы не ходили туда. Там много немцев и они хорошо вооружены. Он доложил о том, что Самарина схватили, а сам Петряков сумел вырваться, правда, без оружия.

Группа вышла в то место, где должна была быть дивизионная разведка, но ее там не оказалось. У Никонова была телефонная трубка «ТАТ», он подсоединился к линии и доложил обо всем командиру полка. Затем начал рассредоточивать бойцов. Безоружных бойцов посадил под ель, что с них толку. Сам нашел кем-то брошенный автомат - большую

редкость по тем временам. В диске были еще патроны. Вскоре появилась группа немцев. Они шли небольшой колонной, несли на себе пулемет, миномет, коробки с боеприпасами. Не доходя до позиции Никонова метров 15, повернули влево. Никонов вскинул автомат и выпустил все патроны, что в нем были. Несколько фрицев упали. После этого бойцы побежали прятаться в болоте между кочек. Через болото прошла другая группа немцев, но к счастью мимо. Никонов начал собирать своих людей, но не досчитался лейтенанта Киселя. Никто его не видел. Недалеко от этого места в кустарнике услышали русскую речь. Там оказалось 17 отошедших с линии обороны бойцов-пехотинцев из их полка во главе с лейтенантом. У пехотинцев были патроны, которыми они поделились с группой Никонова. Вместе пришли на старые позиции. Немцы здесь уже понастроили шалашей, приготовились к ночлегу, но пустились в бегство, после короткой атаки подразделения Никонова. Недалеко от шалашей бойцы обнаружили одежду Самарина, брошенную в кучку. Но самого Анатолия нашли поодаль. Он лежал на спине голый. Все тело и лицо были выжжены шомполами. Фашисты развлекались тем, что накаленные шомпола плашмя вжигали в тело Самарина так, что кожа у бойца была обуглена. Потом, чтобы добить, выстрелили в спину. Пуля прошла его насквозь и вышла через живот. Вокруг раны был кровавый кружок миллиметра в два. Самое страшное заключалось в том, что он был жив. Еле шевеля губами, Самарин сообщил, что немцев много и среди них есть и русские. Самарина считали хорошим солдатом. Сибиряк. До войны был золотоискателем, председателем артели. Никонов любил брать его с собой на всякие вылазки. Едва живого бойца понесли к своим на руках.

Недалеко от Самарина нашли и Гончарука. Он лежал в том месте, где принял свой последний бой. Вокруг него лежали семь немецких трупов - столько было у него патронов. Василия Ивановича Гончарука узнать было нельзя. Фашисты размозжили ему лицо. Его узнали по мощному туловищу и одежде.

Постояли, помолчали над героически погибшим другом. Именно в этот момент, как вспоминал Иван Дмитриевич, он и его бойцы по-настоящему осознали истинную, нечеловеческую сущность фашизма. Ни один зверь, наверное, не допустил бы того, что сделали фашисты. Это очень больно поразило всех и породило жгучую ненависть к врагу.

В ходе этого рейда Никонов и его бойцы не ели, не пили и не спали. Подойдя напиться к ручью и увидев в нём лягушачью икру, бойцы вмиг её съели. Потом поймали лягушку. Решено было сварить из неё суп. Правда в этом супе плавала одна капелька жира. Суп разделили на пятерых...

На следующий день вызвал Никонова командир полка майор Красуляк и приказал собрать всех людей, которые находятся поблизости. На переднем крае было приказано оставить все как есть и связь в том числе. Выкопали возле высокой ели большую яму и сложили туда все штабные документы, рацию, ПТР и другую технику. Все закопали. Появился лейтенант Кисель. Он плутал где-то в болоте, спал под валежиной. Приказано было выдвигаться к штабу дивизии. Штаб дивизии был атакован немцами. Никонову во главе группы из десяти человек, в которую вошли лейтенант Гольнский и старшина Григорьев, бойцы Шишкин, Поспеловский, Тарасов и ещё несколько человек, поставили задачу занять оборону перед фронтом наступающего противника. Было приказано: «Стоять насмерть, ни шагу назад, огонь до подхода немцев на близкое расстояние не открывать».

Две другие группы должны были ударить с флангов справа и слева. Немцы уже были в сорока метрах от позиции Никонова, когда первая группа, зашедшая явно далеко ват, промахнулась своим флангом мимо их цепи. Немцы это заметили и развернулись по фронту в их сторону. По радию вызвали свою артиллерию и накрыли огнем всю нашу группу. В это время вторая группа ударила немцам в тыл, так как они развернулись. Немцы отошли на позиции первой группы, и в этот момент немецкая артиллерия ударила по немцам, а наша - по нашим. И сообщить своим

артиллеристам не было возможности об этом - не было связи. Бой прекратился, остатки наступающих немцев отошли назад.

Была середина мая, когда Ставка приняла запоздалое теперь уже решение о выводе Второй ударной из окружения. Время было безнадежно упущено. Спасать армию: людей и вооружение нужно было раньше - в феврале-марте, когда стало очевидно, что наступательная операция провалилась. Не следовало ждать, когда всё раскиснет, а немцы подтянут к горловине «бутылки» свежие дивизии «СС». Тем не менее, армия получила приказ начать отход, а при необходимости уничтожить тяжёлое вооружение и технику.

Командир полка, приказал Никонову вернуться со своей группой на передний край полка, собрать всех, кто там остался, и возвращаться назад. На передовой нашли менее 20 человек. Собрали их всех. Зашли в санчасть, а Самарин еще живой. Решили нести с собой, хотя сил почти не осталось. Никонов спросил бойцов: «Как, ребята, понесем Самарина?».

— Понесем!, — отозвались все.

Фельдшер Запольский отвел Никонова в сторону и сказал, что Самарина нести бесполезно, потому что у него прострелены кишки и идет воспаление. Все равно скоро умрет. На это Никонов возразил: «Бросить его, значит, морально убить товарищество». Понесли, несмотря на заключение фельдшера. Пронесли его болотами 15 километров до штаба дивизии. Самарину стало значительно хуже, руки и ноги стали уже осыпаться. Вскоре он умер. Там, где находился штаб, никого уже не было. Встретили бойца, оставленного сообщить, что немцы уже далеко обошли нас, что обстановка ещё более осложнилась.

Опять отправились болотами, обходными путями. Со всех сторон немцы. Воды и пищи нет. Голод стал нестерпимым.

Вышли на гриву, где в жиге снарядной воронки Никонов увидел трёх жирных дождевых червей. «Вот счастье!» — подумал он. Всё прокатилось в горле, даже не жуя. Остальные ели всё, что попадалось на глаза, лишь бы что-то было в желудке.

6 июня немцы опять перекрыли горловину. В окружении по официальной версии остались семь стрелковых дивизий и 6 стрелковых бригад общей численностью 18-20 тыс. человек (по другим данным - 14 дивизий и 5 стрелковых бригад). 7 июня Сталин сместил командующего Ленфронтом генерала Хозина, отвечающего за вывод армии из окружения. Вновь образовывался Волховский фронт, командующим которого опять был назначен генерал Мерцков.

...Догнали группу своих. Узнали, что основные силы отошли дальше после очередного боя с преследователями. Остатки полка догнали уже за Радофинниково возле железной дороги. Здесь впервые, почти за неделю поели и отдохнули. Командир с комиссаром решили организовать из подразделения Никонова группу прикрытия. Так Иван Дмитриевич со своими людьми и прикрывали всю дорогу отход основных сил. Сначала сдерживали немцев, потом догоняли. Бывало, что немцы обходили с флангов далеко вперед. Приходилось прорываться из окружения.

В одной из деревень произошла встреча и бой наших с немцами. Жители разбежались кто куда. Проходя через деревню, Никонов увидел среди убитых мальчика лет трех - четырех. У мальчика было такое невинное лицо, с застывшей маской ужаса, от чего Никонов впервые за все время заплакал... Думал: «Ну, причем здесь он!».

Все эти годы, когда замалчивалась правда о трагедии 2 УА, не принято было говорить и о судьбах мирного населения, находящегося здесь же в котле. Их судьба была столь же трагичной. Сначала их жгли и убивали отступающие немцы. Их бомбили. Потом поступил приказ жителям уходить вместе с отступающей армией. Их дома сжигались уже своими энквэдэшниками, чтобы не достались врагу. Сколько их погибло, в период всеобщего отступления, наверно не считал ни кто, никого это просто не интересовало. Те из жителей, что не смогли вырваться из котла и не погибли сразу, возвращались к своим и пепелищам и погостам, не имея средств к существованию.

...Прошли Финёв луг. Там были брошены зимние запасы - огромные скруды из валежника и одежды. Так все и пропало.

Полку дали участок обороны возле бывшей узкоколейки, в болоте, близко к бывшему проходу. Заняли позицию. Патронов почти нет. Оружие - один ручной пулемет да винтовки без штыков. Некоторые их выбросили за ненадобностью. Гранат не было и в помине. А как они были нужны, особенно в Спасской Полисти. Бойцов в полку осталось совсем ничего.

Впереди настоящая, хорошо подготовленная немецкая оборона. О наступлении в этом месте не могло быть и речи. Только перебьют всех без толку.

Никонов с ПНШ полка Диконовым пошел на рекогносцировку. Не успел сделать и несколько шагов, как согнулся от страшной боли в животе. ПНШ сказал, что это сжатие желудка от голода и посоветовал проглотить что-нибудь. Рядом был только болотный багульник. Его-то Иван Дмитриевич и стал есть. Боль отпустила. Осмотрели местность и перевели остатки полка в новое место, правее и ближе к «железке». Комполка Красуляк отправил Никонова с бойцом Сафроновым в разведку. Оборону Никонов знал хорошо. К вечеру они подошли к стыку между пехотой и минометчиками противника. Тихо прошли и стали двигаться позади его боевых точек. Свои точки немцы делали основательно, не в пример нашим. Выкапывали немного грунта, делали перекрытия и засыпали землей. Оставались лишь амбразуры для ведения огня и выходы. Такие сооружения можно было поразить только минометно-артиллерийским огнем или, в крайнем случае, гранатами, если подобраться к ним близко. Всего этого у наших бойцов не было. Подойдя к одной из точек метров на пять, Иван Дмитриевич увидел телефонный кабель. Здесь проходила немецкая телефонная линия. Осмотрелись. Линия проходила буквой «Г» к землянке. Договорились действовать следующим образом. Сафронов оттягивает провод в сторону, а Никонов его обрезает и наматывает на катушку, уходя дальше в сторону. Так и сделали. Иван

Дмитриевич намотал уже полкатушки, когда из землянки высочил немец. Не найдя прохода, он побежал дальше по линии. Когда уже вернулись к своим, у немцев началась беспорядочная стрельба. Из трофейного провода проложили линию связи от КП на передний край.

19 июня нашим войскам удалось пробить узкий коридор у Мясного бора - всего 300-400 метров. По этому коридору сначала эвакуировали раненых, потом начали отвод того, что осталось от главных сил. Командир полка поручил Никонову принять прибывшее пополнение. Возле землянки стояли 10 офицеров - призванные из запаса лейтенанты, старшие лейтенанты и капитаны. Майор Красуляк приказал отвести их на передний край, только сначала переписать.

Как только Иван Дмитриевич начал переписывать фамилии - немец заактивничал на передовой, открыл стрельбу. Командир полка по телефону дал команду начальнику артиллерии Давберу, о существовании которого Никонов давно уже забыл и у которого, неизвестно откуда, появились снаряды, дать огоньку по переднему краю. «Немцы шевелятся, а у меня еще пополнение туда не подошло». Огонь открыли почти сразу же, и первый снаряд разорвался рядом со строем. Три человека были сразу убиты, остальные попадали кто куда. Необстрелянное, только призванное, пополнение не знало, как действовать. Некоторые бегали между взрывами, как зайцы. Командир полка кричал в трубку Давберу: «Ты мне все пополнение перебил!». Второй раз на памяти Никонова Давбера просили помочь, и оба раза он бил по своим.

Опять получили приказ наступать. Местность была открытая, немцами пристрелянная, сами они в укреплениях, пулей не вышибешь. Сказано было двигаться так - три шага вперед, потом залечь и отползти в сторону, опять три шага вперед - и так дальше. Стали перебегать, а бойцу Сафронову, что бежал рядом с Никоновым, лечь помешала коряга. Он

сделал один лишний шаг и был убит.

Продвинулись лишь на десятки метров. Залегли почти вплотную к противнику. Это было хорошо, потому что в дальнейшем немецкая артиллерия и авиация почти не задевали передний край. Периодически подходило пополнение, группы бойцов без оружия. Винтовки искали на переднем крае. Немец подарил Шишкина Трофима Яковлевича, земляка-сибиряка из Тобольска, и ранил его. Пуля вошла спереди чуть ниже горловой ямки, а вышла сзади ниже легкого. Кровь даже не пошла. Хотя был приказ раненым с передовой не уходить, Никонов послал его своим ходом в санчасть, сказав, что хоть, может быть, он найдёт там чего поесть. На передовой еды не было давно. Куда можно было дотянуться, все листики с ноготь величиной были съедены.

У Ивана Дмитриевича стали появляться сильные боли в животе. После того как он заметил, больше двух недель не ходил по большой нужде. Отпросился с передовой в санчасть. Начальник санчасти Сидорин ничем помочь не смог и сделал укол морфия, отравил в санбат, находившийся в трехстах метрах дальше. Придя в санбат, Никонов увидел жуткую картину - несколько выкопанных широких ям, метров по 10 в длину, были доверху наполнены трупами. Кучи трупов лежали рядом. Показалось, что некоторые лежащие еще дышали. На пне сидел медик. И ни кого ходячего вокруг. Никонов начал объяснять медику, в чем дело, но тот лишь смотрел в одну точку и молчал. Тогда Иван Дмитриевич сказал, что понимает его состояние, но, может быть, он сам еще сможет выжить, если получит помощь. Медик лишь пробормотал: «В телеге». В телеге Никонов нашел бутылку касторки и выпил, сколько смог. Пошел в санчасть. Пока шел, два раза падал без сознания. В санчасти Сидоркин сделал ещё один укол морфия. Никонов пошел к лежащему рядом подбитому самолету У-2, возле которого лежал мёртвый лётчик. Нашел кусок шланга с краником и

Ещё один солдат без медальона

сплюснутую воронку. Набрал воды и отошел в сторону, к дереву...

Придя в сознание, Никонов увидел рядом какой-то твердый предмет, вышедший из его кишечника, похожий на кость, сантиметров 15 и зелёная жидкость. Этот день Иван Дмитриевич запомнил хорошо - было 22 июня 1942 года.

Найдя и съев несколько случайно уцелевших листьев, Никонов добрался до переднего края и упал. Силы его покинули. На следующий день он не мог встать. Лежал, не двигаясь, изредка произносил слова, еле шевеля языком. Бойцы, находившиеся рядом, умирали в своих ячейках. Никонов видел, как рядом встал боец Александров, начал ловить руками воздух, упал, опять приподнялся, снова упал и замер. Зрачков не стало видно - умер. Подошедший Загайнов, адъютант комполка, спросил:

— Что с тобой, Никонов?

— Всё..., конец, — еле прошептал он.

— Подожди часа полтора, я вернусь.

«Ушел, но вернулся даже раньше, — вспоминал Иван Дмитриевич. — Принес несколько кусков подсушенной кожи с шерстью и кость. Я спалил шерсть и съел кожу с таким аппетитом, какого у меня в жизни не было. Все пористые места кости стрыг, а оставшиеся твердые части съел, и уголь тоже съел. Так все делали. У голодного человека зубы становятся острыми, как у волка».

Утром 24 июня Никонов поднялся на ноги. Офицеры рассказали, что пропал Муса Залилов (Джалиль). Его знали многие. Никонов его встречал несколько раз в разных местах во время этого наступления. Один раз даже посмеялся над ним, когда под Глубочкой Муса пришел к ним на КП полка и попал под артобстрел. Будучи еще необстрелянным, Залилов (то, что он Джалиль, будущий герой Советского Союза и автор ещё не написанной «Моабитской тетради» Никонов узнал много позже), прячась от разрывов, стукнулся головой о перекрытие землянки. Лишь значительно позже стали просачиваться сведения о его

судьбе.

Нашлись очевидцы того, что Муса Джалиль был ранен осколками в районе узкоколейки. Его нашли и доставили в госпиталь несколько солдат из охраны госпиталя. 26 июня Джалиль вместе с другими ходячими ранеными был захвачен немцами. Всех лежащих раненых немцы убили. В Германии Муса Джалиль стал участником антифашистского подполья и погиб в берлинской тюрьме Плетцензе, оставив потомкам, чудом, уцелевшие и переданные узниками тюрьмы, страницы рукописи. Ему принадлежат строки:

Нет, врѣшь палач, не встану на колени,
Хоть брось в застенки, хоть продай в рабы!
Умру я стоя, не прося прощенья,
Хоть голову мне топором руби.

Вместе с Джалилем в котле находились поэт Всеволод Багрицкий, погибший зимой 1942 года и всемирно известный скульптор Вучетич, автор монументов в берлинском Трептовпарке и на Мамаевом кургане в Волгограде.

...В этот раз, пока Никонов лежал пластом, Муса приходил к ним на КП. Потом ушел, и никто его больше не видел.

Собрали оставшихся офицеров и сообщили, что Гитлер отдал приказ разбомбить остатки 2-й ударной армии с воздуха. И действительно начались бомбежки. Группы немецких самолетов летели одна за другой. Бомбили, расстреливали из пулеметов. Многие бомбы в болоте не взрывались, только ухали. Хорошо, что еще раньше близко подошли к переднему краю немцев. Находились от них всего метрах в пятидесяти. Прятались в воронках. Немецкие летчики, не желая задеть своих, не бомбили, и это спасало.

Решено было отходить. Никонову опять поручили прикрытие. Ему оставили всех лежащих, тех, кто не мог уже встать, и еще несколько человек ходячих. Приказали потом все имущество собрать и сжечь.

Никонов пошел на передний край, начал проверять людей. В ячейках лежало много уже умерших и тех, кто не мог двигаться. После ухода остатков полка на передовой остались кучи винтовок. Возле ручного пулемета были оставлены два бойца с двумя снаряженными дисками. Никонов зарядил оставшимися патронами диски своего автомата, распределил людей, каждому бойцу указал позицию. Все понимали, что придется погибать. «Немцы, видимо, получили приказ уничтожить нас, — вспоминал Иван Дмитриевич. — Сначала с немецких позиций стали доноситься громкие гортанные выкрики, затем они встали, почти в полный рост, открыли огонь и пошли в атаку. Мы дали залп. Они сразу затихли. Потом все повторилось с начала. Когда у них прошла охота наступать, мы дали очередь из пулемета и стали отходить. На КП сожгли все, что могли. Оставили себе только оружие».

Стали искать пути отхода. Никонов повел людей вдоль ручья к бывшей узкоколейке. Обессиленные бойцы еле передвигались, поэтому колонна растянулась. Боец Поспеловский сел и сказал, что идти не может. Никонов посмотрел ему в глаза - зрачков не видно.

Сказал, чтобы тот отдохнул, что-нибудь съел и догонял. Сам-то понял, что не жилец он уже. Догнали своих. Немцы, заметив группу, открыли сильный огонь из пулеметов и автоматов.

Комполка приказал организовать оборону. Он собрал для совещания оставшихся в живых офицеров: Никонова, комиссара и инженера полка. Все стояли очень близко друг к другу, буквально на одном квадратном метре. Никонов пояснял, что он здесь был в разведке, что они подошли к флангу немецкой обороны. В этот момент немецкая минометная мина попала прямо в грудь инженеру и разорвалась. Инженер умер мгновенно, командира ранило в ноги осколками. Комиссар полка Ковзун и лейтенант Никонов остались невредимы, без единой царапины. Майора Красуляка оставили на попечение начальника санчасти Сидоркина и адъютанта Загайнова, а Никонову комиссар поручил принять командование над остатками полка, как самому опытному из оставшихся командиров. Никонов заметил в двадцати метрах перед собой немецкие минометы. Здесь был фланг обороны противника. Сами минометчики убежали, увидев наших бойцов. Решение было одно - только вперед. Он сказал, что если они пробьются, то за ними пойдут все остальные.

...Военным советом армии было принято решение прорываться всеми оставшимися силами в ночь с 24 на 25 июня. Люди прекрасно понимали, что их ждёт во время прорыва и в случае, если он не удастся. Результат мог быть один - смерть. Но другого выхода не было. Немцы тоже всё прекрасно видели и понимали. С двух сторон 300-400 метрового коридора, протяжённостью несколько километров, прозванного «Долиной смерти», прорывающихся поджидали эсэсовцы - сытые, вооружённые до зубов и зарывшиеся в землю. Командование фронта не бросило в прорыв на помощь выходящим из окружения танки. И авиация не смогла оказать поддержки. Остатки армии устремились в узкий как загон для охоты на волков коридор, простреливаемый из всех видов оружия. Удивительно, что после такого огня кто-то уцелел. При попытке выхода через этот постоянно открывающийся - закрывающийся клапан был рассеян штаб армии, отдавший команду выходить полками, группами, кто как может. Многие работники штаба армии погибли во время прорыва. Некоторым удалось выбраться к своим, в том числе и к партизанам. Кто-то был взят в плен. Некоторые по примеру комиссара Зуева, застрелились, чтобы не попасть в плен. Командующий армией генерал Власов более двух недель скитался по лесам с небольшой группой сопровождавших. Эта группа постоянно уменьшалась. От неё откальвались мелкие группы, пытавшиеся выйти самостоятельно. 12 июля Власов, оставшийся вместе с сопровождавшей его поваром-медсестрой Вороновой вошли в деревню Пятница, заявили, что они беженцы и попросили еды. Им не поверили и полиция из «местного отряда самообороны» закрыли их в сарае. На следующее утро 13 июля 1942 года Власов и его спутница были переданы немцам. Из сохранившихся документов стало известно следующее.

... Из сарая вышел большевистский солдат, одетый в длинную блузу, в больших роговых очках и на ломаном немецком произнёс: «Не стрелять, я генерал Власов». Он передал немецкому обер-лейтенанту все свои документы. Предательство Власова** началось сразу. Он согласился работать на немцев, выдал известные ему сведения и стал предлагать свои услуги по созданию из советских пленных вооружённых формирований для борьбы против СССР. 15 июля в штабе немецкой группы армий «Север» в Сиверской Власов подтвердил данные немцев о том, что советские войска под Ленинградом еле удерживают линию фронта и для нового наступления сил нет. Очень возможно, что после этого часть немецких войск была переброшена под Сталинград.

...Остатки 382 стрелковой дивизии, и в том числе 1267 стрелкового полка командиром которого теперь уже стал лейтенант Никонов, около 22.00 24 июня двинулись вдоль узкоколейки к речке Полисть. Рванули вперед из последних сил, если так можно выразиться. Немцы открыли огонь из всех видов оружия: прямой наводкой была артиллерия, сыпались бомбы, косил кинжальный огонь пулемётов. Всё превратилось в кровавую кашу, «долину смерти», «мясной бор». Наши ударили по немцам с другой, внешней, стороны Мясного Бора из всех имеющихся калибров, сообразив, что, если немцы ведут огонь, значит, начался прорыв из кольца. Этот участок немцами был хорошо пристрелян. Здесь из окружения уже пытались прорываться не раз. Огонь был страшным. Все летело вверх: трупы, земля, пыль. Все было в дыму, ничего не видеть. Люди падали и спереди, и сзади. Их добивали вражеские автоматчики. Приходилось перешагивать и через старые, разложившиеся трупы, мертвых лошадей и людей. Такого огня Иван Дмитриевич больше не видел никогда, хотя прошел всю войну. Разве что у Спасской Полисти было что-то подобное. Земля, болотная жижа и всё остальное было красным от крови. Вокруг сплошное людское месиво.

Прошли так километра три. Дошли до огромной воронки, в которую могла бы поместиться изба. Глубина не менее трех метров. Спустились в нее передохнуть и осмотреться. Набралось человек пятнадцать. Бойцы тут же начали меняться - мясо, срезанное с убитой немецкой лошади, на махорку... Немцы услышали разговор и начали из пушки стрелять по воронке прямой наводкой. Один снаряд попал в край воронки, ранив осколками несколько человек. Воронка осыпалась. Пришлось вылезать из нее и идти дальше (бежать никто не мог). Рядом с Никоновым двигались несколько человек. Оружие продолжало стрелять. Под огнём, уже не обращая внимания ни на что, дошли до речки Полисти. Когда стали входить в воду, от пулемётной очереди упал шедший рядом лейтенант Александров и еще несколько человек. Входя в воду, Никонов почувствовал сильную боль. В него попала пуля, но крови видно не было. «Воздухом прошла, ничего не задела», — подумал он.

Река была неглубокая, ноги доставали до дна. На выходе из воды попался какой-то младший лейтенант. Он сообщил Никонову, что влево идти нельзя: «Наши туда пошли, их в плен взяли».

Ползком двинулись правее. Увидели подбитый танк, а на нем нагло стоящего немца.

— Рус, сюда! — кричал фриц. У младшего лейтенанта была винтовка.

— Патроны есть? — спросил Никонов.

— Есть, — ответил тот.

— Стреляй!

Выстрелил, немец свалился. Поползли дальше. Земля была вся перекопана и перевернута не один раз. Ни травинки. И вдруг тишина. Нейтральная полоса... Никонов не дополз до своих лишь пять последних метров. Его вытащили. Когда открыл глаза - дали сухарик. Съел. Потом встал кое-как. Подошел его боец Ткачук. Присели вместе на бугорке. Очухались. Ткачук отломил кусочек своего сухаря и протянул командиру. Иван Дмитриевич думал, что из их полка вышли всего трое, но увидел, что с разных сторон движется довольно много народа. Среди идущих, он увидел и комиссара Ковзуна.

Было 25 июня 1942 года. Оказалось, что прорыв совершила их группа, а за ними вышла часть других подразделений - всего, по мнению Никонова, человек 150 - 200. Из 1267-го стрелкового полка из окружения вырвались не более 20 человек. В этот же день немцы участок прорыва закрыли. Последняя группа вышла на этом участке 28 июня. Прорвавшимся из окружения бойцам и командирам давали сухари, сахар, консервы, чекушку вина на каждого...

Никонов сделал глоток вина и съел пару ложек каши. В животе появилась страшная боль. Его согнуло пополам, он потерял сознание. Однополчане нашли подводку и повезли его в санбат. Очнулся Иван Дмитриевич на хлебном поле. Открыл глаза - небо ясное, солнце

светит и греет. Хорошо. Едва смог повернуться на бок. Увидел в лесочке каких-то людей. Спросил: «Это немцы?».

— Нет, наши. А тебе в санбат нужно, — сказал один из бойцов.

— Поехали к нашим, — уже прошептал Иван Дмитриевич...

Потом везли в машине в баню. Душевые были размещены в палатках. Едва вода попала на тело Ивана Дмитриевича, как всего его захлестнула ужасная нестерпимая боль. И не его одного. Так никто и не помылся, лишь переоделись в свежее бельё. Окруженцев разместили недалеко от этого места в лесу. Стали хорошо кормить. Повар варил такой суп, что сверху в кастрюле плавало сантиметров пять жира. Каждому давали чекушку вина на день и чекушку чего-то чёрного настоянного на спирту на два дня. Привезли множество посылок с продуктами и всякой тряпнёй, ешь, сколько хочешь. И это было, словно издевательством каким-то, есть не мог никто. Некоторые умирали, так и не сумев восстановиться, жили на одном усилении воли, пока была цель выйти к своим.

Никонов сильно опух, всё тело тряслось как студень. Утром вставал и ничего не видел, пока палочки в веки не вставлял.

Два раза врачи отправляли его в санбат, но он упорно отказывался. Потом об этом сильно пожалел, потому что дистрофия сильно отразилась на дальнейшей его жизни.

В один из дней увидел Никонов знакомого майора-артиллериста из штаба дивизии. Спросил его о судьбе начальника политотдела Емельянова. Артиллерист рассказал, что когда немцы окружили штаб дивизии и стали брать в плен, всех кто в нём был - комиссар Емельянов застрелился, не желая сдаваться врагу...

За время боёв Никонов был свидетелем многих подвигов и героических поступков

Мемориальное немецкое кладбище в Корпово

наших бойцов и командиров, но, к сожалению, не видел (и не слышал) чтобы кого-то за это наградили.

Через месяц его и других бойцов из разных частей 2УА отправили на переформирование на правый берег реки Волхов недалеко от Званки.

Так закончилась для лейтенанта Ивана Дмитриевича Никонова, командира роты связи 1267-го стрелкового полка, его битва за Мясной Бор.

ИТОГ

29 июля в официальной сводке Совинформбюро сообщалось: «Закончились ожесточённые боевые действия оставшихся в окружении частей 2-й УА и 59-й А». Однако мелкие группы бойцов и командиров просачивались из окружения до середины июля. Потом немцы зачистили территорию котла. Но и позже, вплоть до самой осени мелкие группы окруженцев выходили под Старой Руссой и в других местах. Некоторые из тех, кто выходил позже, ставшего известным предательства Власова считали «предателями власовцами» и встречали криками «по предателям огонь».

Данные о потерях в Любанской операции противоречивы. Некоторые считают только тех, кто погиб или был взят в плен при выходе из окружения. Отсюда и берутся 6 тысяч убитых и 8 тысяч пленных, о которых упоминает в своих воспоминаниях К.А. Мерецков. Совинформбюро от 30 июня 1942 года сообщило, что убитыми значатся 10 тысяч человек и ещё 10 тысяч - пропавшими без вести (а ведь только в 1267 СП, по свидетельству Н.Д. Никонова, с января по конец апреля было списано 12,5 тыс. человек без вести пропавших).

По немецким данным, только в плен взято более 33 тысяч человек (по данным НКВД - 27139 чел., но включены не все), убито более 130 тысяч человек, захвачено 650 орудий, 3000 пулемётов и миномётов и т. д.

Есть и другие цифры. Из них следует, что из окружения смогли прорваться от 6 до 16 тыс. человек. Только при прорыве погибли и пропали без вести от 14 до 20 тысяч человек, не считая гражданского населения. Общая численность безвозвратных потерь (убитых) составляет примерно 150 тысяч человек (разные современные источники указывают 146.546 чел. (без учёта раненых, умерших в котле), 156 тыс. чел. и 158 тыс. чел.). Причём эти цифры обосновываются вполне логично. Говорится, что потери безвозвратные и санитарные составили более 300 тыс. человек - почти 2/3 которых, санитарные потери.

В прессе приводились данные Новгородского военного комиссариата, по которым значится, что в Новгородской области было убито более 800 000 человек, 510 000 из которых - захоронено. Из этих 510 тысяч установлены имена немногим более 200 000 человек. Остальные лежат в лесах, болотах, во рвах бывшей Ленинградской области (территории современных Новгородской и Псковской областей входили раньше в состав Ленинградской) уже более шестидесяти лет. Можно посчитать, когда для России закончится эта война, если захоронением её защитников будут заниматься только энтузиасты-поисковики, а чиновники будут ломать головы как бы ещё у живых ветеранов отнять льготы. А то они обьелись под Мясным бором.

Есть ещё цифры, от которых становится не по себе. Помимо вырвавшихся из окружения и убитых были ещё две категории - раненые и пленные. Захваченных пленных немцы сортировали на месте - кто мог ходить, угоняли в Германию, больных и раненых - добивали и закапывали во рвах. Так, что их нужно отнести к убитым. Раненых же добивали все. Немцы, когда захватывали госпитали, сортировали, как уже говорилось выше, а наши тоже это делали по-своему. Так в книге Б.И. Гаврилова «Долина смерти» приводятся факты, того, что раненых красноармейцев, оказавшихся в окружении, когда возможность эвакуации исчезла, уничтожали свои

же особисты. Взрывали машины с ранеными и расстреливали их из пулемётов. В это легко поверить если вспомнить заградотряды и то, как следователь НКВД после избиения на допросе генерала Мерецкова мочился ему на голову.

Многие раненые умерли голодной смертью в многочисленных землянках и блиндажах на территории «котла». Некоторые из них были обнаружены немцами и замучены (кроме немцев после разгрома армии сюда были переброшены батальоны «СС» в составе которых были бельгийцы, голландцы, поляки, известные своим усердием в этих делах латыши и другой интернациональный сброд выполнявший здесь карательно-полицейские функции.

Может быть ещё и поэтому не говорили о Любанской операции? И об этом тоже молчит Мясной бор?

Сейчас можно с лёгкостью судить, что было правильно, а что нет***. Были оправданы понесенные жертвы или нет. Истинные виновники известны, но крайних, среди них нет. Главное все-таки заключалось в том, что простые русские люди в очередной раз смогли сделать все от них зависящее и даже намного больше, грудью защитив Родину в час тяжелого испытания. Они не были сломлены, и уже вскоре Красная Армия громила недавно еще непобедимого врага на всех фронтах. Что же касается этой операции, то в Военном энциклопедическом словаре о ней сказано так: «Любанская операция не получила полного завершения вследствие возросшего сопротивления противника. Однако в ходе ее Советские войска захватили инициативу и заставили противника вести оборонительные бои. В результате оказались скованными не только главные силы 18-й армии, но и всей группы армий «Север». Несмотря на сложные условия, советские войска в Любанской операции сорвали планы нового наступления противника на Ленинград».

По прошествии 60 лет стало, конечно, ясно, что на результатах Любанской операции негативно сказались отсутствие боеприпасов, несогласованность действий фронтов, малоэффективное использование родов войск и довольно слабая подготовленность вновь сформированных соединений и частей, личный состав которых на начальном этапе войны проявлял порой больше мужества и патриотизма, чем умения воевать.

Любанская операция была не первой и не последней попыткой прорыва блокады. Были и другие: Усть - Ижорская, Красноборская, Мгинская, первая и вторая Синявинские... Но эта операция была особой.

P.S. Осенью 1942 г., когда армия была сформирована заново из бывших окруженцев и вновь прибывшего пополнения, 2 УА под командованием генерала Клыкова принимала участие в прорыве блокады в районе Мги и Гайтолова. Армия в составе 16-ти стрелковых дивизий снова попала в «котёл», как и в районе Мясного бора и к 2 октября была уничтожена немцами. Всё повторилось почти с той же точностью, только в меньших размерах. Немцами были уничтожены 7 стрелковых ди-

Значки, найденные у убитых красноармейцев

визий, 4 танковые бригады, захвачено в плен 12 тыс. пленных, большое количество техники и вооружения.

Примечания

*О работе товарища Ворошилова
Постановление ЦК ВКП(б) (1942 год)

Война с Финляндией в 1939-1940 годах вскрыла большое неблагополучие и отсталость в руководстве народным комиссариатом обороны. В ходе этой войны выяснилась неподготовленность народного комиссариата обороны к обеспечению успешного развития военных операций. В Красной Армии отсутствовали минометы и автоматы, не было правильного учета самолетов и танков, не оказалось нужной зимней одежды для войск, войска не имели продовольственных концентратов. Вскрылась большая запущенность в работе таких важных управлений народного комиссариата обороны, как ГАУ (Главное артиллерийское управление), Управление боевой подготовки, Управление военно-воздушных сил, низкий уровень организации дела в военных учебных заведениях и др. Все это отразилось на затяжке войны и привело к излишним жертвам.

Товарищ Ворошилов, будучи в то время народным комиссаром обороны, вынужден был признать на Пленуме ЦК ВКП(б) в конце марта 1940 года обнаружившуюся несостоятельность своего руководства

Учтя положение дел в народном комиссариате обороны и видя, что товарищу Ворошилову трудно охватить такие большие вопросы, как народный комиссариат обороны, ЦК ВКП(б) счел необходимым освободить товарища Ворошилова от поста наркома обороны

2. В начале войны с Германией товарищ Ворошилов был назначен главнокомандующим Северо-Западного направления, имеющего своей главной задачей защиту Ленинграда. Как выяснилось потом, товарищ Ворошилов не справился с порученным делом и не сумел организовать оборону Ленинграда. Ввиду всего этого Государственный Комитет Оборона отозвал товарища Ворошилова из Ленинграда и дал ему работу по новым воинским формированиям в тылу

3. Ввиду просьбы товарища Ворошилова он был командирован в феврале месяце (1942 год) на Волховский фронт в качестве представителя Ставки для помощи командованию фронта и пробыл там около месяца. Однако пребывание товарища Ворошилова на Волховском фронте не дало желаемых результатов.

Желая еще раз дать возможность товарищу Ворошилову использовать свой опыт на фронтовой работе, ЦК ВКП(б) предложил товарищу Ворошилову взять на себя непосредственное командование Волховским фронтом. Но товарищ Ворошилов отнесся к этому предложению отрицательно и не захотел взять на себя ответственность за Волховский фронт, несмотря на то, что этот фронт имеет сейчас решающее значение для обороны Ленингра-

да, сославшись на то, что Волховский фронт является трудным фронтом и он не хочет провалиться на этом деле.

ЦК признал, что товарищ Ворошилов не оправдал себя на порученной ему работе на фронте, и направил его на тыловую военную работу

(По кн. Жухрай В. Сталин: правда и ложь. С. 225-226)

** А.А. Власов (1900-1946)

Родился в Нижегородской губернии в с. Ломакино. В марте 1919 г. вступил в Красную Гвардию. В 1920 г. стал красным командиром. В 1930 г. вступил в ВКП(б). С ноября 1938 г. по ноябрь 1939 г. - начальник штаба при советской комиссии военных советников в Китае. В конце 1939 г. назначен командиром 99-й стрелковой дивизии. В июне 1940 г. - генерал-майор. Летом 1941 г. награжден орденом Ленина. 20-я армия под его командованием успешно вела оборонительные бои под Москвой зимой 1941 г. В январе 1942 г. - генерал-лейтенант. Заместитель командующего Волховским фронтом. После расформирования фронта с 20 апреля 1942 г. назначен командующим 2 УА. В июле 1942 г. был пленен и согласился сотрудничать с немцами в борьбе против СССР. В мае 1945 г. попал в американский плен и был выдан Советскому Союзу. Приговорен к смертной казни и казнен 1.08.1946 г. в Москве.

***Артиллерия, имевшаяся во фронте и армиях в недостаточных количествах, не обеспечивала подавления даже слабо подготовленной обороны противника во многом ещё и из-за катастрофического недостатка в боеприпасах. Как вспоминал Маршал Г. К. Жуков, в то время даже в наступлении норма расхода снарядов составляла 1-2 на орудие в сутки. В период описываемой операции эта нехватка была наибольшей. Поэтому, часто, публикуемые сведения не отражают реальности, когда речь идёт о количестве артиллерии, участвовавшей в операции. Как указывают военные историки, орудия многих калибров (особенно больших) по этой причине находились в войсках мёртвым грузом, не используя вообще (калибры более 50% использовавшихся орудий были до 76 мм). Планируя наступательные операции в то время, командование ясно отдавало себе отчёт в том, что, система огня противника подавляться не будет. Войска посылались заведомо на смерть, не надеясь, что они смогут добиться надлежащего успеха.

Так же не выполнялось основное требование советского оперативного искусства о создании трёхкратного количественного превосходства на направлении главных ударов, не говоря уже о качественном. Этого не достигалось даже путём сужения полос наступления армий.

В результате, ударной мощи нашей армии хватало лишь на прорыв тактической зоны обороны противника и выхода в оперативную глубину. Нарращивание ударов было

невозможным изначально из-за отсутствия вторых эшелонов и резервов. Их отсутствие периодически заменялось вводом в бой слабо подготовленных маршевых рот, которые вводились в бой сходу без подготовки. Это было весьма расточительно и неэффективно.

Противник, используя моторизованные средства, успевал организованно отходить на новые рубежи, закрепляясь на них, подтягивать резервы и оказывать организованное сопротивление на новых рубежах. Наши части были вынуждены в кровопролитных боях прорывать их снова и снова. Такой ход наступления приводил к затягиванию операции, её затуханию и невыполнению поставленных целей.

Кроме того, в Любанской операции плацдарм, занимаемый 2 УА, напоминал мешок. Поэтому большая часть войск использовалась не активно для наступления, а пассивно для охраны флангов. Наступала лишь небольшая часть войск.

Немаловажным было и то, что в ходе этого зимнего наступления не был учтён (в первую очередь Мерецковым) опыт провальной Зимней войны с Финляндией. Это проявилось в том, что не были учтены особенности вражеской обороны, носившей зачастую очаговый характер. Промежутки в обороне почти не использовались для манёвра нашими войсками. Вместо этого войска втягивались в затяжные «лобовые» кровопролитные бои, что очень существенно снижало темпы операции.

Отношение к разведке как одному из главных видов боевого обеспечения было просто наплевательским. Так, накануне операции командующий Волховским фронтом принимал решение не на основе разведданных, а исходя из своего предположения, что «ослабленный предшествующими боями враг не сумеет удержаться на левом берегу Волхова и будет вынужден отойти под ударами наших войск». Основываясь на этом умозаключении, было принято решение «нанести удары на широком фронте, не дожидаясь сосредоточения всех сил и средств, выделенных фронту Ставкой».

А вот ещё одна иллюстрация работы руководства фронта-армии, отмеченная Ставкой: «Решения принимаются по карте без предварительной рекогносцировки противника и местности... Взаимодействие родов войск организуется поспешно... Боеготовность войск при подготовке наступления не проверяется и учитывается слабо... Боевые приказы запаздывают на сутки и более». Работа на местности по уточнению решения, организации огневого поражения противника, взаимодействия и другим вопросам проводилась не всегда.

Кроме того, не оценивались по достоинству сильные стороны противника - умелое использование местности и маскировки, хорошо организованное взаимодействие войск, широкий манёвр силами и средствами, упорством, устойчивостью и активностью в обороне.

<http://www.obd-memorial.ru/Memorial/Memorial.html>

Проект Министерства обороны Российской Федерации по созданию обобщённого электронного банка данных советских воинов, погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период (ОБД «Мемориал»). Реализация этого проекта осуществляется силами специализированного Центра сканирования и ретроконверсии Корпорации «Электронный Архив» при участии Фонда «Союз поисковых отрядов». Координацию работ со стороны Минобороны осуществляет Тыл Вооружённых Сил РФ в лице уполномоченного органа – Военно-мемориального центра ВС РФ.

Целью настоящего проекта является установление судеб защитников Отечества, погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период.

Создание банка данных ведётся путем сканирования, обработки и занесения в информационно-поисковую Интернет-систему имеющихся документальных данных из официальных источников.

Основными источниками информации для создания банка данных являются фонд дел «Донесения боевых частей о безвозвратных потерях» и картотека учета советских военнопленных ВАСГ (сегодня имеет название «Немецкая служба»), хранящиеся в Центральном архиве МО РФ, а также документы фонда «Паспорта захоронений», хранящиеся в ВМЦ ВС РФ.

Ввод информации из картотеки учета советских военнопленных проводится в рамках продолжающегося совместного немецко-российского проекта «Советские военнопленные» при поддержке правительств обеих стран. Это немецкие документы о советских военнопленных, обработка которых осуществляется под руководством объединения «Саксонские мемориалы» Центр документации (Германия) и финансируется правительством Германии.

Кроме того, на настоящий момент в ОБД введена информация из дополнительных источников:

1. Электронная Книга Памяти Архангельской области, предоставленная Руководителем Архангельского государственного Социально-мемориального центра «ПОИСК» Ивлевым И.И.
2. Печатные Книги Памяти Калининградской и Калужской областей (19 томов).

Армен Гаспарян

Журналист радиостанции "Маяк". Автор циклов "Вторая мировая: неизвестные голоса истории", "Последний штурм", "Новейшая история", "Российская дипломатия: Отечество и судьбы"...

Лауреат премии "Патриот России"

<http://www.gasparyan.narod.ru>

«Галлиполийское сидение»

Эфир 12 и 13 декабря

Сегодня, когда разговор заходит о белой эмиграции, все обычно представляют себе офицера в расстегнутом кителе с золотыми погонами, пьющего водку в парижском ресторане и с ностальгией поющего «Боже, царя храни». Это в корне неверно. Прежде всего, чтобы добраться до Франции, нужны были деньги. А откуда они могли взяться у израненного фронтовика, получавшего жалованье денкинскими или врангелевскими бумажками, да еще крайне нерегулярно? Безусловно, Берлин, Прага, Брюссель и Париж стали «культурными» эмигрантскими центрами. Но разговор о судьбах двух миллионов русских изгнанников еще впереди. Пока же мы рассматриваем только Белую гвардию. Когда огромная флотилия с войсками Врангеля и крымскими беженцами в ноябре 1920 года прибыла в Константинополь, начались переговоры с французскими оккупационными властями об их дальнейшей судьбе. По настоянию Петра Николаевича Русская армия, как организованная боевая сила, была сохранена. 1-ый корпус генерала Кутепова, куда сводились 25 тысяч чинов «цветных» частей, отправился на полуостров Галлиполи. Русские окрестили его по-своему – «Голое поле». Под непрекращающимся холодным дождем выгружались они с кораблей, трое суток ставили выданные фран-

цузами палатки. Кроме чахлого кустарника на холмах, не было топлива, чтобы просушить одежду и обогреться. Бывший доброволец Петр Сумский, посвятил Галлиполи такие строки:

*Когда бы в грудь твою сомнения
Толпой бесцельной не вошли,
Когда бы лоб твой гордый – тернии
Шипами новыми не жгли,
Когда б из рук твоих ни выпали
Кирка, лопата иль топор, -
Ты только к дальнему Галлиполи
Свой обрати усталый взор...*

В Галлиполи Александру Павловичу Кутепову приходилось прилагать неимоверные усилия, чтобы солдаты и офицеры окончательно не пали духом и остались армией. Лагерь было приказано организовать по всем правилам - наладить несение службы суточным нарядом, выставить караулы. Возобновились регулярные занятия строевой и боевой подготовкой, словесностью и законом Божиим. Свободное время было отдано благоустройству - делали грибки для часовых и навесы для знамен. Из подручных материалов - кустарника и тростника - плели койки. Для поддержания дисциплины и порядка в полках восстанавливались офицерские суды чести и военный трибунал. Советские историки потом назвали эти меры «настоящим проявлением солдафонства Кутепова». Однако Александр Павлович

достиг главного - армия постепенно выходила из состояния шока, возрождался ее боевой дух. В условиях лишений, оторванности от родины, унижения, возникла частица прежней России. Галлиполийский лагерь стал понемногу оживать. Возвели церковь с иконостасом из одеял, лампадами из консервных банок и звонницей из снарядных гильз. Начали работать мастерские по починке одежды и обуви. Была отлажена гарнизонная и патрульная службы. Частям предписывалось соблюдение своих полковых праздников, проведение смотров и парадов. Запрещалась нецензурная брань, «порожденная разгулом войны». В частях стали выпускать рукописные журналы и газеты, была организована фехтовально-гимнастическая школа. Командир второго батальона Корниловского полка Михаил Левитов вспоминал спустя годы: «Особо популярными у нас были выступления футбольных команд. Всего их было 23. 30 марта 1921 года состоялся розыгрыш кубка первого армейского корпуса, который выиграла команда нашего полка под командой поручика Рыбалко. Но затем «общая сборная» победила корниловцев».

В первом армейском корпусе выработали даже дуэльный кодекс. В приказе Кутепова, утвержденном Врангелем, отмечалось, что к поединкам чести следует прибегать

лишь, когда это окажется действительно необходимым. Ни дуэльных пистолетов, ни шпаг не было, да и офицеры за время гражданской войны привыкли к другому оружию. И в Галлиполи, когда оказывалась оскорбленной чья-то честь, традиционным стало фехтование в штыковом бою. По воспоминаниям очевидцев, всего господа офицеры сходились у барьера не больше 15 раз. Хватало других забот. Не было возможности бороться со вшами, часто умирали от тифа и холеры. Ходили во фронтовых обносках или самодельных гимнастерках. Постоянное сокращение пайков обрекало белых воинов на полуголодное существование. Положение усугублялось тем, что армия, по большому счету, осталась без главнокомандующего. Будучи фактически изолированным французами, Петр Николаевич Врангель смог приехать в Галлиполи только 22 декабря 1921 года. Выступил перед войсками, принял парады и вновь вернулся в Константинополь, где обосновался на последнем русском корабле - яхте «Лукулл». Генерал Витковский в своих воспоминаниях отмечал: «1-ый армейский корпус еще крепче сплотился вокруг Врангеля. В единении наша сила, с неизменной и непоколебимой верой, наш командир обещал вывести армию из новых испытаний», - конец цитаты. В самом деле, Петр Николаевич был вынужден превратиться из военачальника в политика и дипломата. Борьбу за будущее белого движения приходилось вести не только с иностранцами, но и со своими, русскими. На Врангеля давило и левое, и правое крыло эмиграции. Одни добивались «демократизации» армии, другие, наоборот, обвиняли главнокомандующего в «либерализме». Сразу несколько политических группировок, претендующих на роль правительств в изгнании, старались взять армию под свой контроль. Врангель достаточно жестко высказался по поводу этих организаций: *«Передавать армию в руки каких-то комитетов я не имею нравственного права, и на это я никогда не пойду. Мы должны всемерно сохранить то знамя, которое*

вынесли. Разве может даже идти речь о том, чтобы войска находились в зависимости от тех, которые уничтожили, опозорили армию, кто, несмотря на все уроки, до сего времени продолжают вести против нее войну».

Штабы Врангеля и Кутепова все еще пробовали разрабатывать планы операций. Недостатка в вариантах не было: высадка в Грузии, перевод на Дальний Восток, объединение с армией Булак-Балаховича, которая собиралась в Польше. Оптимизма добавляли сообщения с родины о крестьянских восстаниях на Тамбовщине, Украине, в Сибири. Начали даже готовить для переброски в Россию летучие отряды из лучших офицеров-добровольцев, которые смогли бы добраться до бунтующих районов и стать центрами организации антибольшевистской борьбы. Вновь, как и в дни легендарного похода на Москву, в 1-ом армейском корпусе зазвучали такие куплеты:

*Впереди на правом фланге
Красных шапок виден ряд.
То корниловцы лихие,
То корниловский отряд.
А у них на левом фланге
Черно-белый цвет видать.
Это их родные братья,
Это Марковцы спешат*

Однако жизнь внесла свои коррективы в планы Белой гвардии. Сухопутные дороги в Россию были заблокированы войсками торжествующего победу Третьего интернационала. Возможность морских десантов целиком зависела от союзников, которые не проявляли в этом плане ни малейшей заинтересованности. Ведь переброска войск на Дальний Восток стоила слишком дорого. Англия и Франция вообще боялись армии Врангеля - этих истинных воинов, умевших доходить до пределов самоотверженности и драться с десятикратно превосходящим противником. Белая гвардия оказалась никому не нужна. Больше того: она всем мешала...

Уже в конце 1920 года Франция сочла свои союзные обязательства

выполненными до конца и решила избавиться от обузы, которой стали для нее белогвардейцы. Врангелю настойчиво приказывали разоружить армию, сложить с себя командование и распустить войска, переводя их на положение гражданских беженцев. Петр Николаевич категорически отказывался. Лишить добровольцев довольствия французские оккупационные власти боялись - невозможно было заранее предвидеть, что в ответ предпримут эти негибкие русские? Союзники старались закручивать гайки постепенно, уменьшая продовольственные пайки и довольно подло предлагая восполнить разницу «за счет средств главнокомандующего». Финансов у генерала Врангеля не было никаких. И борьба за армию приняла еще одно направление - поиска денег. Представители Петра Николаевича обращались за помощью к состоятельным гражданам, сумевшим сохранить капиталы, к правительствам и общественным организациям. Дороги были каждый франк, доллар, фунт и золотой царский рубль, которые бы позволили лишний день прокормить добровольцев. Выходящая в лагере устная газета немедленно откликнулась на очередное предательство союзников очень популярными куплетами, в исполнении марковских офицеров:

*Мы в Галлиполи живем
Голодаем, но поем.
Всю Европу удивляем,
Что имеем - загоняем.
А теперь нас всех стращают,
Выдавать нам обещают
Вместо мяса мармелад,
Но никто тому не рад.
Не секрет, что с этой пицци
Мест не хватит на кладбище.*

У 30 офицеров сдали нервы. Они решили с оружием пробиваться в славянские страны. Когда их попытался задержать отряд жандармерии, те с отчаянной руганью пошли в атаку и рассеяли греков. Об этом инциденте через префекта было сообщено по телефону в Галлиполи генералу Кутепову. Пока победители праздновали свой триумф в местном кабаке, подошел высланный из ла-

геря патрульный наряд и арестовал их. И все же большая часть армии стоически переносила трудности. А весной 1921 года белая гвардия воспрянула духом. Французы не верили своим глазам: вместо уставших и обреченных людей, которые прибыли полгода назад в Галлиполи, непонятно откуда взялись прекрасно подготовленные полки. Во время одного из парадов Кутепов с улыбкой наблюдал за реакцией союзников. А офицер штаба 1-го армейского корпуса, отвечая на вопрос пораженного французского генерала «Как такое возможно?», скромно заметил: «Мы просто отдохнули». Стал оживать и заброшенный Галлиполи. Сюда, как к частице старой России, потянулись беженцы из Константинополя. Из мужчин, пожелавших вернуться в армию, был даже сформирован отдельный батальон. Вечерами набережная, которую окрестили «Невским проспектом Туретчины», заполнялась гуляющей публикой. Особенно многолюдно было в «Голом поле» по воскресеньям, когда пароход привозил продовольствие, газеты, почту. Играли оркестры «цветных полков». Было открыто 7 церквей. Распахнули свои двери кадетские корпуса, гимназия, самодеятельный театр. Периодически наезжали и артисты-эмигранты из Константинополя. Организовывались рукописные журналы, начали работать клубы. Но одновременно осложнились отношения с французскими властями. Генерал Шарпи принял решение о переводе донцов из Чаталджи, где они к тому моменту хоть как-то обустроились, в гораздо более худшие условия на острове Лемнос. Казаки лопатами и колыями разогнали сенегальских стрелков, прибывших для их усмирения и переселения. Лишь после распоряжения Врангеля, призвавшего донцов успокоиться, инцидент удалось погасить. Хорунжий Иван Сагацкий в своих воспоминаниях писал: **«Мы чувствовали себя оскорбленными, наше возмущение нарастало. Жили впроголодь, спали на земле в шинелях, плотно прижавшись друг к другу. Погода стояла дождливая, иногда с моро-**

зами, с ветрами и бурями. Политика Франции объяснялась общим международным положением и благорасположенностью к большевикам».

Вскоре генерал Шарпи отдал приказ русским частям сдать оружие. На это Александр Павлович Кутепов заявил: «Пусть приходят и попробуют отнять силой». Французы, сославшись на более чем обременительные расходы по содержанию армии Врангеля, недвусмысленно намекнули на прекращение снабжения. В Галлиполи тут же стали усиленно заниматься смотрами и парадом. Союзники встревожились, не собираются ли русские идти на Константинополь? «Нет, — отвечал помощник начальника лагеря генерал Штейфон. — Мы просто тренируемся». В результате, французское командование решило выселить непокорных русских. Была сформирована мощная эскадра из 2 линкоров, 3 крейсеров, миноносцев и транспортных судов с пехотой, с целью провести операцию по взятию лагеря. Однако телеграмма Кутепова заставила учащенно биться сердца союзников: «По странному совпадению завтра назначены и маневры всех частей моего корпуса по овладению перешейком полуострова», — писал он. Эскадра тут же сочла нужным уйти — от греха подальше. В гневном письме союзникам, барон Врангель отмечал: «Армия, проливающая в течение шести лет потоки крови за общее с Францией дело, есть не армия генерала Врангеля, а Русская. Желание французского правительства, чтобы в лагерях не выполняли приказы своих начальников, не может быть обязательным. Офицеры и солдаты едва ли согласятся в угоду французскому правительству изменять своим знаменам и своим начальникам».

Добиться от Белой гвардии неподчинения своим командирам, подорвать их авторитет союзники так и не смогли. Больше того, неотлучно находившийся при войсках и деливший с ними все тяготы генерал

Кутепов, пользовался огромной популярностью. Его в шутку даже называли «Кутеп-паша, царь Галлиполийский». Когда он по вызову штаба приехал в Константинополь, на пристани его встретили громовым «ура!», подхватили на руки и понесли по улицам. Однако, французы не успокаивались. Они запретили въезд в русские лагеря, аннулировали все ранее выданные пропуска и вновь потребовали немедленно сдать оружие. Вместо этого, Кутепов сформировал в каждой «цветной» дивизии ударный батальон из лучших бойцов в 600 штыков и пулеметную команду в 60 стволов. Больше всего желающих оказалось среди корниловцев. Контрразведка постаралась, чтобы это распоряжение стало известно союзникам. Один из марковских офицеров тогда же написал:

*О долина пустынная смерти и роз,
Гадов, змей, сколопендр, скорпионов!
Сколько горя я в лоне твоём перенес
Не сочтут и десятки Ньютонов.
Русь православную,
Боже, избави
Ныне от знета толпы!
Ныне в борьбе святой,
Боже всеильный,
Армию нашу на веки храни!*

В результате, отношения главнокомандующего русской армией генерала Врангеля с союзниками были близки к полному разрыву. От более решительных действий французов удерживал страх столкнуться в бою с «цветными» полками, о стойкости которых они были наслышаны. А еще их настораживала и неопределенность: на что, собственно рассчитывает барон, почему продолжает упорствовать? Французы считали, что у Петра Николаевича был в запасе некий козырь. Но какой именно? Договор с Германией или с Японией? А может быть, с Америкой? Никто тогда и подумать не мог, что все гораздо проще. В той критической ситуации Врангелю оставалось уповать только на Бога, счастливый случай и своих офицеров.

Сайт «ЖИЗНЬ ВОПРЕКИ» <http://www.lifecontrary.ru>

Вам доводилось когда-нибудь бывать на концерте советских бардов, когда в одном месте в одно время собираются люди, которым, как и Вам, знакомо «щемящее чувство дороги»? И это удивительное, не менее щемящее, чувство дружбы? Этого нельзя не почувствовать, потому что тепло Вы чувствуете реально, сердцем.

Сайт «ЖИЗНЬ ВОПРЕКИ» – это прежде всего сообщество друзей. Все его участники когда-то познакомились в Интернете. Со временем виртуальное знакомство переросло в нечто большее, стало реальным. Общие взгляды, не подлежащие переоценке и не зависящие от конъюнктуры ценности. Пережитое, каждым из тех, кто пришел к этому огню, сблизило, казалось бы совсем разных людей. Разных по жизненному опыту, возрасту, разнесенных на тысячи километров в пространстве. Они сами придумали себе законы, по которым живут, потому что: «трава растет для всех, вода течет для всех, солнце светит для всех». Поэтому, что перед Смертью все равны, вне зависимости от того, на какую вершину ты взлетел или вскарабкал-

ся при жизни, сколько материальных благ обрел, растеряв свою духовную суть. Все остается людям, поэтому главный итог сделанного тобой: что останется после тебя?

Дети? Друзья? Мысли и чувства, выраженные в творчестве? Или посаженные тобой деревья во дворе твоего детства? Словом, все, что ты успел в этом мире...

Тех, кто собрался здесь, можно сравнить с группой альпинистов, поднимающихся на прекрасную, но самую сложную вершину под названием Жизнь. На этом пути много трудностей, много смешного и страшного. Но есть у нас главное – плечо друга, страховка, крепко заваренный чай в старой алюминиевой кружке. И дружеская рука, которая передаст тебе эту кружку именно в тот момент, когда она более всего нужна тебе...

Мы очень хотим, чтобы наше содружество стало для всех его участников своеобразной Страховочной системой, в которой, как и положено, основу составляют люди, «натасканные» технически, физически и морально на спасение. Когда это есть, человеку не страш-

ны ни ледяные бездонные трещины одиночества и отчаяния, ни страшные скальные зубья тяжелых болезней, ни жизненные лавины, через которые не перебраться без помощи друзей. Наша страховочная система, – это конгломерат жизненного опыта, дружеского общения и участия. Несмотря на то, что на многие вещи мы смотрим одинаково, все мы, конечно, разные. У каждого из нас есть свой жизненный опыт, свое жизненное пространство, и у всех есть опыт сопротивления опасному окружению. «Мы не гнемся», – как сказал один из авторов концепции сайта. Для одних борьба со злом – основная профессия, для других – опыт личного противостояния жизненным обстоятельствам, которые порой кажутся непреодолимыми. На самом деле все мы, живущие здесь и сейчас, идем в одной связке. Правда, не все слышим крик сорвавшегося... Мы хотим, чтобы тот, кто успешен, кто уверен в себе, мог передать свою уверенность, свой опыт отчаявшимся. Чтобы, прочитав материалы, опубликованные на сайте «ЖИЗНЬ ВОПРЕКИ», человек задумался, переосмыслил собственный опыт, и, что-то изменил в своей жизни. Мы не будем рассылать приглашительные билеты своим читателям, потому что к нашему костру может подойти каждый, кто увидел в ночи огонь, каждый, кто умеет быть другом. Мы не скажем Вам: «Живи так!» Мы только расскажем, как это было с каждым из нас, а выводы Вы сделаете сами. Если захотите. Только не забывайте, что самая большая ценность в этом мире – человек.

**Мы все в одной связке!
Почувствуй плечо друга!
Что оставишь людям?**

Заслуженный журналист Украины. Участник боевых действий в Афганистане

Сергей Буковский

http://artofwar.ru/b/bukowskij_s_w

Я ушел на рассвете

Слова и музыка С. Буковского

<http://ser-buk.com/songs/jau.wma>

Не спеша, задумчиво *p*

M...

Я ушел на рассвете,
Меня больше нет.
Растворился туманом,
Пролился росой,
Лёг последнюю строчкой
Тюремных анкет
И загубленным стеблем
Наотмашь косою.
И ни много, ни мало,
А мало - добавь.
Подтасуй, приукрась,
Разорви по середине.
Искалечен тобой
«Соловецкая» власть.
Дымно гаснет свеча
На безликой картине.
Я ушел на рассвете,
Меня больше нет...

Chords: F, G, G7, A7, Dm, C, E7sus4, E7, Am, C, Bm7(b5), E7, Am, C, Bm7(b5), E7, F, G, Em7(b5), Gm6, A7, Dm, C, E7sus4, E7, Am, C, F, E7, Am, C, F, E7

Здравствуй, Пашка...

Слова С. Буковского

Музыка В. Кукобы

<http://ser-buk.com/songs/zp.wma>

Здесь слезы не к месту.
Мне общенье с тобой,
Как в пустыне глоток.
Встретил маму твою
И сестрѐнку-невесту.
О тебе помолчали,
Прости уж, браток.
Помнишь нашу заставу
На том перевале?
Из-за гор поднимается
Огненный диск.
На прощанье ребятам
Во взводе сказали,
Чтобы вовремя красили
Твой обелиск.

Слышишь, горная речка
Шумит о пороги,
А над речкой - колонны
Стальные гудят?
Обелиск над обрывом
У самой дороги,
И бросают водители
Добрый свой взгляд.

Припев:

Вот и всё, мне пора.
Докурю и уйду.
За тебя докурю,
А потом за себя.
Помнишь, как я валялся
В тифозном бреду?
Ты курил за меня,
Лишь потом за себя.

У Серѐги опять
“Запорожец” сломался.
То запчасти нужны,
То не купишь колѐс.
На протезах ко мне

Целый час добирался.
Я его в пять минут
На руках бы донѐс.
Для “афганцев” придумали
Новые льготы,
Что-то вроде подачки:
Бери, не робей!
Не восполнят они
Наши лучшие годы,
Никогда не заменят
Погибших друзей.

Припев.

Мы найдѐм утешенье
В правдивых ответах,
За чужие ошибки
Пришлось заплатить.
И не смогут в отдельных
Больших кабинетах
Эту боль зачеркнуть,
Замолчать и забыть.
Про себя что сказать?
Ведь тебе всё известно.
Вольный ветер - “афганец”
- Ни дать и ни взять.
В мирной жизни пытаюсь
Найти своё место,
Ну, а мне предлагают
Чужое занять.

Припев.

The musical score is written in G major (one sharp) and 4/4 time. It consists of five staves of music with lyrics underneath. The lyrics are: -ду. За те - бя до - ку - рю, а по - том за се - бя. Пом - нишь, как я ва - лял - ся в ти - фоз - ном бре - ду? Ты ку - рил за ме - ня, лишь по - том за се - бя.

Chords indicated above the staff: Bm, A7, A7/G, D, Bm7, Em7, B7, Em, C#, Bm, Em, F#7, Bm.

Performance markings: *cresc.* (crescendo) above the first staff, and a double bar line with a repeat sign at the end of the fifth staff.

Александр Карцев

Подполковник, участник боевых действий в Афганистане

http://artofwar.ru/k/karcew_a_i

Фильм Вардана Оганесяна «История людей на войне и в мире»

«Война изменила мою жизнь - она изменила жизнь всех нас в Армении. Испытания, через которые нам пришлось пройти, полностью изменили представления о таких ценностях, как семья, дом и мир. Вот уже 12 лет я живу в мире. У меня семья, двое детей - жизнь так прекрасна. И я не хотел оглядываться в прошлое. Но однажды мой сын, увидев старую полевую форму в шкафу, спросил: «Папа, ты был солдатом?», и я не знал, что ему ответить. Четыре года моей жизни прошли на войне. Я был настолько измотан, что не хотел возвращаться к воспоминаниям. Всё же я решился на это - ради моего сына.

Я был фронтовым журналистом, снимавшим в «горячих точках» СССР. В 1989 году война уже шла на моей Родине. Я снимал для информагентств, мне платили боль-

шие деньги. Но, чем дальше, тем больше у меня возникало сомнений. Я оставил работу в телекомпаниях и вернулся на фронт - для себя, чтобы найти ответы на вопросы, которые репортёры на передовой не задают: как сохранить достоинство в смутные времена? Как остаться человеком в бесчеловечном хаосе?».

С этих слов начинается фильм Вардана Оганесяна «История людей на войне и в мире», представленный на Московском кинофестивале. 27 июня 2007 года в Мемориальной квартире М.А. Булгакова (ул. Б.Садовая, д.10, кв.50 - или в «нехорошей» квартире 302-бис) состоялся показ английской версии этого фильма для участников и гостей сайта «Артофвар».

На показе присутствовали: Вардан Оганесян, Максим Мошков, Андрей Дышев с супругой, Илья

Плеханов, Михаил Поликарпов, Андрей Шкарин, Анна Кунарева, Нина Меньших, А.К., Александр (XDR), гости сайта и сотрудники музея.

Я не буду пересказывать содержание фильма. Этот тот самый случай, когда лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Но на страничке Вардана Оганесяна можно познакомиться с короткой авторской аннотацией и с кадрами из этой картины (http://artofwar.ru/o/oganesjan_w/text_0010.shtml). Зайдите, посмотрите. Уверен, эти фотографии не оставят Вас равнодушными.

Да, как и многих, меня поразило, что на протяжении всего фильма нет ни одной по-настоящему «батальной» сцены. Есть убитый, которого выносят с передовой его товарищи. Есть смертельно уставшие бойцы, практически живущие в своих «ямах», которые у меня язык

не повернётся назвать окопами. Есть туман, разделяющий враждующие стороны. И есть постоянное ощущение того, что из этого тумана в любой момент могут появиться враги... Вардан рассказал, что в основу фильма легли всего пять дней из четырёх лет, которые он прожил на войне. Он действительно жил среди героев своего фильма, а не приезжал на съёмки (согласитесь, в этом есть существенное различие). Он снимал туман, из которого вышел солдат с противоположной стороны. Они больше минуты смотрели в глаза друг другу (как оказалось впоследствии, камера, продолжавшая работать, отсчитала за это время чуть больше секунды), а потом сделали всего лишь по шагу назад и растворились в тумане (значит, на войне можно не стрелять друг в друга, тем более, когда твой противник безоружен?). У противника было оружие, у Вардана в руках - только видеокамера, оружия не было. Вардан произнес интересную фразу: «Когда у меня заканчивались аккумуляторы к камере, я мог взять в руки оружие. Но я знал, что тогда не смогу снова взять в руки камеру».

Несколько маленьких парадоксов войны, поразивших меня в фильме и в рассказе Вардана: солдаты выносили с поля боя убитых, а не раненых. По словам Вардана, раненые могли выползти сами. [Нас всегда учили, что в течение двух часов раненые должны попасть на операционный стол. Правильно или не правильно поступали товарищи Вардана, мне ли судить? Быть может, именно из-за этой «неправильности» они и выстояли в той войне? Прим. авт.] На войне погибали не солдаты, а учителя, врачи, медсёстры... Уже в наши дни один из героев фильма уходит на передовую. Ему пятьдесят лет. Он считает, что пожил уже достаточно. И если убьют, то пусть лучше убьют его, а не какого-нибудь молодого парня...

Вардан рассказал о том, что не вошло в фильм. Однажды в объектив камеры совершенно случайно попала чья-то рука. Обмороженная, морщинистая рука старика. Вардан

не сразу догадался, что это была его собственная рука (вообще в кадрах люди, многим из которых не было и сорока, но выглядят они стариками). С тех пор прошло много времени, но руки мёрзнут до сих пор...

Старший брат Вардана, талантливый археолог, дерётся с ним за право пойти добровольцем на войну. Патриотический порыв практически в каждой семье: идти и защищать свою Родину. А в результате «зашли немного дальше». И значит, у противоположной стороны «закручивается пружина противодействия». Безенцы, желание вернуться обратно и самое страшное... У героев Вардана (да и у него самого) часто звучит мысль, что в принципе их знакомые азербайджанцы - неплохие люди, и со многими из них они дружат или дружили раньше. Самое страшное, что сейчас вырастает поколение, которое об этом уже ничего не знает. Которое помнит обиды своих предков, но не умеет прощать. Не умеет дружить и не умеет жить в одном доме.

Вардан говорит, что мы очень разные...

Без сомнения, фильм снят не документалистом, а настоящим художником. Многих удивили «мудрые, почти библейские» лица героев фильма. Меня же поразили пейзажи. Вардан нашёл какие-то необыкновенные ракурсы, игру света и тени. Подумалось, что когда на этой земле наступит мир, Вардан будет снимать очень красивые фильмы.

А ещё фильм снят не просто талантливым журналистом, а, в первую очередь, человеком, пропустившим всё это через своё сердце. Вардан умышленно старался не использовать в фильме слишком кровавые сцены (хотя сам повидал их не мало). Он не снял очень интересный на его взгляд момент, когда в автобусе с передовой везут раненых и убитых. Раненый боец лежит и курит рядом с убитым. И убитый кажется более живым, чем раненый. Не снял сюжет о том, как на вертолёте товарищи и родственники везут хоронить убитого (лишь несколько кадров). Не снял, не потому что не мог. А потому, что

считал это не правильным...

Он прошел рядом с окопом одного бойца (со светлыми волосами), который предложил ему заскочить в его окоп. Но Вардан спешил к своему товарищу и сказал, что зайдёт на обратной дороге. Когда Вардан возвращался, того в окопе уже не было. Светловолосый боец погиб, не дождавись Вардана буквально несколько минут. Много лет спустя, у Вардана родился сын. Со светлыми волосами...

В рассказе Вардана слышна лёгкая грусть. Русские им не помогли.

— А как ты думаешь, Вардан, будет ли новая война, — спросил его кто-то. — И когда по твоим ощущениям она начнётся?

— Война может начаться в любой момент.

— А кого поддержит Россия на этот раз?

— Тех, у кого есть нефть. Только это будет не такая война, как раньше. Это будет война артиллерии. В окопах будут сидеть молодые армянские и азербайджанские парни. А их будут убивать системы залпового огня... Но самое страшное заключается в том, что война в Карабахе НЕ ЗАКОНЧИЛАСЬ!!! ОНА ПРОДОЛЖАЕТСЯ!!!

А потом мы выпили старого доброго армянского коньяка. За фильм, который никого не призывает к реваншу. А заставляет задуматься о бесценности и неповторимости каждой жизни. О том, что война без мира бессмысленна. И о том, как трудно бывает порой найти дорогу к взаимопониманию и к новой жизни. Мы выпили за человека, который снял такой замечательный фильм. За Вардана. Настоящего художника и человека. И третий тост за тех, кто тоже мог бы стать талантливыми художниками, музыкантами, писателями и просто отцами. За тех, кто погиб...

Неужели мы так ничему и не научимся?

Георгиевский крест

Знак Отличия Военного ордена святого Георгия, обычно называемый «Георгиевский крест», был учрежден в 1807 году российским императором Александром I. Он был предназначен для награждения нижних чинов армии и флота за подвиги и храбрость в военное время. Заслужить «Егория» можно было только настоящей храбростью и бесстрашием в бою. Носился он на груди впереди всех медалей на ленте с равными оранжево-черными полосками цветов ордена Св.Георгия. Знак представлял собой крест с расширяющимися к концам равносоставленными лучами и центральным круглым медальоном. На лицевой стороне медальона изображался Св.Георгий, поражающий копьём змея, а на другой стороне медальона - переплетенные вензеля С и Г. Лучи креста с лицевой стороны оставались чистыми, а с оборотной стороны на них набивался порядковый номер, под которым герой заносился в Капитульные списки кавалеров Знака Отличия Военного ордена. После смерти кавалера крест возвращался в Капитул для переплавки или для нового награждения. Среди нижних чинов это была самая почетная и уважаемая награда, которую не снимали с груди даже при дальнейшем производстве в офицерский чин и будучи уже в офицерском звании с гордостью носили на груди с другими офицерскими наградами. Знак Отличия Военного ордена был самой демократичной наградой для нижних чинов, т.к. мог быть вручен независимо от звания, сословия, а в некоторых случаях награжденных выбирали по решению собрания роты или батальона. Нижние чины, удостоенные знака отличия, получали пожизненную пенсию и пользовались целым рядом льгот, положенных по статуту. Указом от 15 июля 1808 года кавалеры Знака Отличия Военного ордена освобождались от телесных наказаний. Знак отличия мог изыматься у награжденного только по суду и с обязательным уведомлением об этом

императора.

В 1807 был утвержден первый статут Знака Отличия Военного ордена. Первые знаки не имели номеров и в дальнейшем были возвращены в капитул для нанесения на них номеров, согласно списков Капитула орденов. Первым получил «солдатского Георгия» унтер-офицер Кавалергардского полка Егор Иванович Митрохин, за отличие в бою с французами под Фридландом 2 июня 1807 года. Первый кавалер «солдатского Георгия» служил с 1793 по 1817 годы и вышел в отставку в низшем офицерском чине, чине прапорщика. Среди кавалеров Знака Отличия были будущие декабристы: М.И.Муравьев-Апостол (№16697) и И.Д.Якушкин (№16698), которые получили эту награду за отличия в Бородинском сражении (1812г.), будучи в чине подпрапорщика каждый.

За время наполеоновских войн Знаком Отличия Военного Ордена награждено 41 222 человека, а за все царствование Александра I - 46 527.

При первом награждении Знаком Отличия Военного ордена жалование нижнего чина увеличивалось на одну треть, при совершении следующего подвига жалование увеличивалось еще на одну треть и так максимально до двойного оклада. Чтобы выделить нижних чинов, представленных к награждению не один раз, в 1833 году в новой редакции статута предписывалось за неоднократные подвиги нижним чинам носить Знак Отличия на ленте с бантом. Первоначально Знак Отличия могли получить только нижние чины христианского вероисповедания, а нехристиане награждались медалями «За храбрость» и «За усердие». Это вызывало недовольство со стороны нижних чинов-нехристиан.

1 июля 1839года, к 25-й годовщине заключения Парижского договора, был учрежден Знак Отличия для награждения прусских

солдат-ветеранов союзной армии, участвовавших в кампаниях 1813-1815 гг. Знаки отличались лишь тем, что на верхнем луче креста с оборотной стороны имели вензель Александра I. Кресты были отправлены в Пруссию. 29 июня 1841 года флигель-адъютант короля Пруссии, полковник Раух, уведомил Капитул о раздаче 4 264 знаков, а 236 знаков были возвращены.

За время царствования Николая I были награждены за Персидскую и Турецкую войны - 11 993 человека, за Польскую кампанию - 5 888, за Венгерский поход - 3 222.

С 1844 года Знаками Отличия

Военного ордена начали награждать нижних чинов - нехристианского вероисповедания. Такие знаки отличались тем, что на лицевой и оборотной стороне в центральном медальоне помещался государственный герб России - двухглавый орел. Нумерация крестов для «иноверцев» была отдельная, всего было выдано до 1856 года - 1368 штук.

В 1856 году произошло очередное изменение статута Знака Отличия Военного ордена. Изменения во внешнем виде самого креста произошли незначительные и затронули только нижний луч оборотной стороны, где теперь появилась надпись «1 степ» и т.д.. Знаки были разделены на четыре степени и этим объясняется добавление на нижнем луче креста слова «степ» с указанием цифры от 1 до 4:

1 степень - золотой крест на георгиевской ленте с бантом.

2 степень - золотой крест на георгиевской ленте без банта.

3 степень - серебряный крест на георгиевской ленте с бантом.

4 степень - серебряный крест на георгиевской ленте без банта.

Такие же изменения во внешнем виде креста произошли со знаками для иноверцев. На нижнем луче оборотной стороны появилось слово «степ», и знаки тоже были разделены на четыре степени и носились на тех же лентах, что и знаки для христиан.

Нумерация крестов в 1856 году по каждой из четырех степеней велась отдельно. Те нижние чины, которые награждались Знаками Отличия Военного ордена после 1856 года, получали все степени последовательно, начиная с 4-й степени и заканчивая 1-й степенью. Такая последовательность строго соблюдалась, хотя известно много случаев, когда нижний чин по ошибке был награжден двумя знаками одной степени. Известны также редкие случаи награждения более высокой степенью нижних чинов, не имеющих низшей.

В царствование Александра II за Кавказ знаком отличия Военного Ордена получили 25 372 человека, за русско-турецкую войну - 46 000, за кампанию в Средней Азии было награждено 23 000 человек.

За русско-японскую войну знаки отличия Военного Ордена получили 87 000 человек.

Очередное изменение статута Знака Отличия Военного ордена произошло в 1913 году. С этого времени он стал называться «Георгиевский крест», к Георгиевскому статуту также была причислена Георгиевская медаль (номерная медаль «За храбрость»). Внешний вид крестов существенных изменений не претерпел, только порядковым номером стали набивать знак «N». На крестах имеющих 6 цифр в

номере знак «N» не набивался (под это правило попали кресты только 4-й степени и 3-й степени). Порядок ношения крестов на лентах также не изменился. Были отменены награждения крестами для иноверцев-нехристиан. По новому статуту стало возможным посмертное награждение Георгиевским крестом и крест мог быть передан родственникам погибшего.

Порядок награждения Георгиевскими крестами:

- Георгиевский крест жаловался в порядке старшинства степеней, начиная с четвертой степени постепенно до первой.

Знаки Отличия Военного Ордена всех степеней носили на груди в один ряд.

Особые права и преимущества награжденных Георгиевским крес-

том:

- Георгиевский крест никогда не снимался;

- на плаще вне строя носили только ленту на борту плаща;

- каждому награжденному Георгиевским крестом назначалась со дня совершения подвига ежегодная денежная выдача по 4 степени - 36 рублей, 3 степени - 60 рублей, 2 степени - 96 рублей и по 1 - степени - 120 рублей. При награждении высшей степенью выдача по низшей степени прекращалась;

- вдова награжденного после его смерти пользовалась причитающейся ему по кресту денежной выдачей еще один год;

- денежные выдачи во время службы осуществлялись, как прибавка к жалованью, а после увольнения от действительной службы, в качестве пенсии;

- при увольнении в запас чины, награжденные знаком 2 степени, представлялись к званию подпрапорщика (или ему соответствующего), а награжденные 1 степенью представлялись к такому же званию при награждении;

- при пожаловании Георгиевским крестом 4 степени, одновременно жаловался следующий чин;

- нижние чины, имеющие 3 и 4 степень Георгиевского креста при пожаловании медалью «За усердие», представлялись прямо к шейной се-

ребряной медали, а имеющие 1 и 2 степень Георгиевского креста - прямо к золотой шейной медали;

- имеющие Георгиевский крест, как служащие, так и запасные и отставные нижние чины, ввавшие в преступление, лишаются Креста не иначе, как по суду;

- в случае утраты или неумышленной потери Георгиевского креста кем-либо из нижних чинов, хотя бы запасным или отставным, выдается ему, по требованию подлежащего начальства, новый крест безвозмездно.

В Статуте, утвержденном в 1833 году, были подробно перечислены подвиги, за которые мог жаловаться Знак Отличия. В последнем Статуте этот перечень был существенно расширен, он включал в себя 54 пункта, в том числе:

1) кто при штурме укрепленного неприятельского места первый взойдет на оное;

17) кто, будучи разведчиком, с явную личную опасностью добудет и доставит важное о противнике сведение;

23) кто, в бою своеручно отняв неприятельское знамя или штандарт или своеручно исторгнув отнятое наше знамя или штандарт, неприятелем захваченные, доставит таковые своему начальству;

25) кто в бою возьмет в плен

неприятельского штаб-офицера или генерала;

37) кто выстрелом подобьет неприятельское орудие или пулемет и тем прекратит действие оных;

38) кто выстрелами потопит или зажжет неприятельский военный корабль, брандер, заградитель, транспорт большого значения или бот с десантом;

50) кто при abordage первый взойдет на неприятельский корабль;

51) кто при abordage сорвет или спустит кормовой флаг неприятельского корабля;

56) водолаз, который во время боя осмотрит или исправит подводное повреждение.

Статус предусматривал и коллективные награждения какой-либо отличившейся части или корабля.

В 1915 году был уменьшен состав золота в крестах 1 и 2 степени от 90-99% до 50-60%. Для чеканки крестов с уменьшенным содержанием золота использовался сплав золота и серебра с последующим поверхностным золочением высокопробным золотом. Это было связано с экономическими трудностями, в результате начавшейся 1-й Мировой войны. Когда нумерация знаков 4-й степени подошла к предельной для размещения на двух лучах, кресты с номерами более миллиона стали чеканить со знаком «1/М» на верхнем

луче оборотной стороны, что означало «один миллион».

10 сентября 1916 по Высочайшему утверждению мнения Совета Министров из Георгиевского креста убрали золото и серебро. Их стали штамповать из Белого и Желтого металла. Эти кресты имеют под порядковыми номерами буквы «БМ», «ЖМ».

1917 году произошло очередное изменение в статуте о награждении офицеров солдатскими знаками с лавровой веточкой на ленте и о награждении нижних чинов офицерскими знаками ордена св. Георгия с веточкой на ленте. 24 июня 1917 года вышло постановление Временного правительства, в котором говорилось: «а) в награждение офицеров солдатскими Георгиевскими крестами за подвиги личной храбрости и доблести устанавливается награждение офицеров солдатскими Георгиевскими крестами по удостоению общего собрания роты (строевой команды, эскадрона, сотни, батареи). Солдатские Георгиевские кресты, присужденные офицерам, в виде особого почетного значения этой награды и в отличие от солдатских Георгиевских крестов, полученных

офицерами до производства в офицерский чин, имеют на ленте металлическую лавровую ветку по цвету креста и носятся выше всех орденов, кроме ордена Св.Георгия».

С 1914 до 1917 гг. было вручено: Георгиевских крестов 1-й степени — около 33 тысяч. Георгиевских крестов 2-й степени — около 65 тысяч. Георгиевских крестов 3-й степени — около 289 тысяч. Георгиевских крестов 4-й степени — около 1 миллиона 200 тысяч.

Декретом Совнаркома от 16 декабря 1917 года, подписанным В.И. Лениным, «Об уравнивании всех военнослужащих в правах» ордена и другие знаки отличия, в том числе и Георгиевский крест, были отменены. Но еще до апреля 1918 года кавалерам Георгиевских крестов и медалей выдавалось «прибавочное жалованье». Лишь с ликвидацией Капитула орденов выдача денег по этим наградам прекратилась.

Георгиевский крест стал единственной «царской» наградой, которая по приказу Сталина 8 ноября 1943 года была официально разрешена к ношению военнослужащими Красной Армии, а позже постановлением Совета народных комиссаров от 24 апреля 1944 года приравнена по статусу к советскому ордену Славы:

В целях создания преемственности боевых традиций русских воинов и воздания должного уважения героям, громившим немецких империалистов в войну 1914-1917 гг., СНК СССР постановляет:

1. Приравнять б. георгиевских кавалеров, получивших Георгиевские кресты за боевые подвиги, совершенные в боях против немцев в войну 1914-17 гг. к кавалерам ордена Славы со всеми вытекающими из этого льготами.

2. Разрешить б. георгиевским кавалерам ношение на груди колодки с орденской лентой установленных цветов.

3. Лицам, подлежащим дей-

ствию настоящего постановления, выдается орденская книжка ордена Славы с пометкой «б. георгиевскому кавалеру», каковая оформляется штабами военных округов или фронтов на основании представления им соответствующих документов (подлинных приказов или послужных списков того времени).

Среди наиболее известных полных кавалеров солдатского Георгия герой Гражданской войны С.М. Будённый.

Будённый получал Георгиевские кресты даже 5 раз:

Первой награды, Георгиевского креста 4-й степени, Семен Михайлович был лишен по суду за рукоприкладство к старшему по званию, вахмистру. Снова он получил крест 4-й степени на турецком фронте, в конце 1914 года. Георгиевский крест 3-й степени был получен в январе 1916 года, за участие в атаках под Менделиджем. В марте 1916 года Будённый награжден крестом 2-й степени. В июле 1916 года Будённый получил Георгиевский крест 1-й степени, за то, что с 4-мя товарищами привел из вылазки в тыл врага 7 турецких солдат.

Известны случаи награждения 5-ю Георгиевскими крестами. Среди обладателей 5-ти знаков были: А. Н. Волков (1-4-я степени за русско-японскую войну, 1-я ст. за 1-ю мировую войну), И.В.Волков (1-й степени – №14357, 2-й степени – №18654, 3-й степени – №86324 и №117607, 4-й степени – №42701), П. Е. Леонов (две 1-е степени) и т. д.

Статья подготовлена с использованием материалов из книги Сергея Шишкова «Награды России 1698-1917», а также с сайтов: <http://www.rusawards.ru>, <http://nubirus.chat.ru/index.htm>

Георгиевский кавалер Карел Вашатко

Вашатко Карел, в России был известен как Кирилл Вашатко (13.07.1882, м. Литограды, Восточная Чехия, Австро-Венгрия — 10.01.1919, Челябинск).

Полный Георгиевский кавалер, национальный чешский герой, подполковник. Родился в семье землевладельца. Окончил гимназию в г. Рихнов-над-Кнежноу. С 1 октября 1902 года поступил вольноопределяющимся в 18-й пехотный полк австро-венгерской армии, получил чин ефрейтора и через год уволился в запас. В 1907 году окончил философский факультет Карлова университета в Праге. Переехал в Россию. С весны 1912 года работал управляющим имением на Волыни. С началом первой мировой войны 3 сентября 1914 году в Киеве добровольно вступил в Чешскую дружину — прообраз Чехословацкого корпуса, был зачислен в 5 «запасную» роту. 14 ноября 1914 года прибыл на фронт и был зачислен во 2 роту. Принял участие в ряде разведывательных операций в интересах 11-й пехотной дивизии 3-й армии, 195-го Оравайского и 196-

го Инсарского полков 49-й дивизии и других частей. С января 1916 года унтер-офицер. В апреле 1916 года сдал офицерский экзамен, 4 июня получил звание прапорщика, назначен командиром чешской команды в Дарницком лагере военнопленных в Киеве. 20 августа 1916 года стал полным Георгиевским кавалером. С февраля 1917 года заместитель командира 2-й роты 1-го чехословацкого полка. Участвовал в серии удачных разведок в интересах 53-й и 102-й пехотных дивизий на реке Стохов. 28 мая 1917 года избран командиром 2-й роты. Особую храбрость проявил в битве у Зборов, 19 июня 1917 года получил тяжелое ранение в голову. С 14 октября подпоручик. С 12 апреля 1918 года служил в штабе Чехословацкого корпуса. С конца апреля 1918 года находился в Челябинске. 2 июля минуя два очередных звания произведен из подпоручиков в капитаны, а 22 августа в подполковники.

Исполнял обязанности генералквартирмейстера Чехословацкого корпуса. 6 января 1919 года в Челя-

бинской больнице перенес операцию по имплантации золотой пластины в черепную коробку. Деньги на операцию и золотую пластину собирали по подписке однополчане и жители Троицка. Через несколько дней состояние ухудшилось и В. скончался 10 января 1919 года. Торжественное погребение состоялось на мемориальном участке «Братского захоронения» Казанско-Богородицкого кладбища Челябинска 12 января 1919 года. В связи с ликвидацией кладбища в начале 1930-х годов, останки В. 20 августа 1935 года были эксгумированы, перевезены в Прагу и 30 августа торжественно перезахоронены в Памятнике Освобождения Пантеона Национальной славы. Имя В. присвоено 2-й роте 1-го Чехословацкого полка.

Количество Георгиевских наград (10) заслуженных Вашатко, является одним из самых больших в истории Русской армии.

Награды: орден Св.Георгия 4-й ст. (25.09.1917); орден Св.Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (20.08.1917); Георгиевский крест 4-й степени с лавровой ветвью (2.10.1917); Георгиевский крест 1-й степени (20.08.1916); Георгиевский крест 2-й степени (07.1915); Георгиевский крест 3-й степени (7.09.1915); Георгиевский крест 4-й степени (2.02.1915); Георгиевская медаль «За храбрость» 2-й степени (20.08.1916); Георгиевская медаль «За храбрость» 3-й степени (10.1915); Георгиевская медаль «За храбрость» 4-й степени (07.1915); Георгиевское оружие (1917); французский Военный Крест (Croix de Guerre) с пальмовой ветвью (1918); чехословацкий орден Сокола 1-й степени с мечами (посмертно, 1921).

Геннадий Канинский

Литература.: Б. Татаров-Альберт. Полный Георгиевский кавалер. // Русское слово. Прага, 2005. № 5; / Б. Татаров, Б. Пануш. Чехословацкие части в России. 1914—17. // Цейхгауз. М., 2001. № 16; / Za svobodu. Obrazkova kronika ceskoslovenskeho revolucniho hnuti na Rusi 1914—1920. Praha, 1925—1929.

Сергей Аксу

«Неотмазанные. Они умирали первыми»

Двадцать лет назад мы вернулись с афганской войны. После всего пережитого мы были уверены, что теперь будем жить долго и счастливо. Каждый по-своему, но обязательно счастливо. Мы видели, каким уважением и почётом были окружены ветераны Великой отечественной войны. И втайне даже гордились, что тоже побывали на войне. Потому что не сомневались, что это война была последней. А, значит, мы были последними ветеранами войны. Мы наивно полагали, что раз мы отдали государству все свои интернациональные, конституционные и прочие долги, то теперь и государство отдаст нам свои. Нам действительно обещали какие-то льготы.

Но мой отец, мудрый человек, как-то в разговоре высказал странные мысли. О том, что обещать и жениться – немного разные вещи. Что мы сильные, здоровые парни и дома должны строить себе сами, а не ждать, когда придёт эта мифическая «льготная» очередь на квартиру. Помогать друг другу и семьям тех, кто не вернулся, должны мы сами. И жить за себя и за своих погибших товарищей счастливо. Потому что этой стране мы больше не нужны. Мы были одноразовыми солдатами. Нас использовали, как одноразовые стаканчики, а теперь постараются поскорее забыть. И вспомнят лет через двадцать, когда многим из нас это будет уже совсем не нужно.

Его слова оказались пророческими. За прошедшие годы несколько моих друзей умерли от инфарктов и инсультов, один утонул, другой погиб в аварии, третий погиб в бандитских разборках, четвёртый умер от передозировки наркотиков. Всем им не было и сорока. Возможно, их догнали пули из прошлого. А, может быть, их убило наше равнодушие? И невостробованность?

Книга Сергея Аксу «Неотмазанные» – страшная в своей правдивости. Страшно узнавать, как изменилась за эти двадцать лет наша армия. Издевательства «дедов» над молодыми солдатами, «лишние» солдаты в частях, отсутствие боевой подготовки... Двадцать лет назад такое не могло нам даже и присниться. Страшно узнавать, что уже несколько лет кто-то целенаправленно и методично уничтожает генофонд нашей нации. Самых лучших наших мальчишек.

Один из главных героев книги, Рома Самурский, мечтает стать защитником Родины. Он такой же, как многие из нас. Может быть, даже чуть лучше, чем мы. Но идеализм Романа сталкивается с издевательствами и унижением со стороны «дедов». Практически необстрелянного и неподготовленного его бросают в мясорубку чеченской войны. Он уже убит, хотя и возвращается домой внешне целым и невредимым. Роман умирает от передозировки наркотиков... Его командир Михаил Шилов, настоящий профессионал, умирает от разрыва сердца. Погибает в плену Колька Селифонов. Всё повторяется!

У них могли бы родиться замечательные, красивые и умные дети. Здоровые дети (ведь наследственность никто не отменял, а в армию, по определению, брали только здоровых людей). Дети будут рождаться от других отцов. От тех отцов, которые по состоянию здоровья и совести, были признаны негодными к военной службе, которые смогли «отмазаться», откупиться. Какими будут эти дети?..

В книге Сергея Аксу талантливо и ярко описаны сержант Кныш, Квазик (Игорь Колосков), Дима Коротков. Это ребята с нашего двора. Ребята, с которыми мы учились в

одной школе. Их образы вполне узнаваемы. И в этом чувствуется рука, рука настоящего Мастера и Художника. Без сомнения, украшением книги стали и строчки из песен автора и исполнителя Александра Зубкова (светлая ему память!). И за всё это хочется сказать огромное спасибо Автору этой книги.

Да, «Неотмазанные» – страшная по своей откровенности книга. Но и очень нужная. Не только для того, чтобы узнать, что пережили ребята, вернувшиеся с этой войны. Не только для того, чтобы понять и постараться помочь им. Но ещё и для того, чтобы все мы поняли, что многие вещи нам придётся делать своими руками. Не ждать помощи от государства (её всё равно не будет). Придётся строить дома, помогать нашим близким и семьям тех, кто не вернулся. Создавать свои семьи, воспитывать детей. И жить счастливо, всем обстоятельствам назло. За себя и за наших, не вернувшихся товарищей. Может быть, тогда у нас не останется времени жалеть себя и делать разные глупости. И, может быть, тогда мы уже не будем лишними в этой стране. Ведь мы будем кому-то нужны. И наших детей будет уже не так просто отправить в очередную мясорубку.

Александр Карцев

Валентин Чанцев

Разведчик - Юра Калугин

У моей жены - Маши, была геройская бабушка и геройский старший брат.

Вскоре после начала войны немцы начали бомбить Москву. Маше тогда было всего 4 года, но она помнила, как она пряталась под кроватью во время бомбежки и дрожала от страха. Когда же родители оказывались дома, то мать хватала детей и они укрывались в бомбоубежище. Чтобы уберечь детей, а их было семеро, родители вывезли их в деревню, к бабушке. Деревня, под названием Настасьино, находилась возле города Наро-Фоминска. Бабушку звали Александра Филипповна Казакова, было ей лет около пятидесяти.

Фашисты быстро продвигались к Москве и родители еле успели вы-

вести детей обратно в Москву. Маша вспоминала, как их везли на телеге, а бабушка стояла и махала рукой им вслед. А уже на завтра фашисты вошли в деревню и стали ловить кур, поросят и прочую живность, а бабушку стали заставлять стирать их грязное белье. Бабушка наотрез отказалась, за что фашисты ее расстреляли. Могила ее до сих пор цела, в лесу, возле деревни.

Москву продолжали бомбить. Предприятия минировали, чтобы они не достались врагу, если придется Москву оставить. В это тревожное время Машин старший брат - Юрий Калугин и сбежал на фронт, в конце октября 1941 года. Фашисты уже стояли у ворот Москвы. Юра стащил из дома отцовские валенки,

продал их на рынке и сбежал на фронт. Юрина судьба очень похожа на судьбу героя повести «Иван» известного писателя Богомолова. По этой повести режиссером Тарковским был снят фильм «Иваново детство». Юра был разведчиком. Его передевали то под бродягу, то под девочку подростка и в отправляли в фашистский тыл. Возвращаясь, он приносил командованию ценные сведения, отдыхал и снова шел на разведку.

Однажды Юра попал в лапы фашистам. Его вывели на расстрел с группой других взрослых военнопленных. Во время расстрельного залпа Юру прикрыл собой неизвестный моряк. Раненый Юра потерял сознание и упал. Его закопали в общей траншее. Ночью Юра очнулся, выбрался из не глубокой могилы, перешел линию фронта и вернулся к своим. Юра в составе танковой армии дошел до Берлина

По окончании войны Юра остался служить в оккупационных войсках в Германии. Прослужил еще 4 года. После демобилизации работая шофером, случайно задавил человека, был осужден и отсидел несколько лет в тюрьме. После этого Юра дал зарок: не садиться больше никогда за руль автомобиля. Много лет он работал в шиномонтаже. Работа тяжелая и вредная. Военных фильмов Юра смотреть не мог, он нервничал, его начинало трясти. Вспоминать о войне он не любил и делал это с большой неохотой. Умер Юра лет десять тому назад. Царствие ему небесное, и пухом земля.

Юрий Андрейчук

Лингвист и переводчик. Долгое время занимается историей Второй мировой войны в Польше. Родоначальник ирландской музыки в России, руководитель группы «Воинство сидов».

Крест Варшавского Восстания

Вовремя Варшавского восстания командование повстанцев представляло солдат и офицеров к орденам и медалям. Командование Армии Крайовой (АК) придерживалось системы орденов и медалей, введённой еще в довоенной Польше. Наиболее почётный орден - крест Виртутти Милитари.

Командование Армии Людова (АЛ) вводило новые ордена, которые вместе с частью старых орденов (например, Крестом Отважных - KW) позже легли в основу наградной системы в ПНР. Самым известным боевым орденом АЛ можно считать Грюнвальдский крест. На втором месте Партизанский крест. Хотя узаконен он был уже после войны.

Впрочем, бывало, что командование АК награждало орденами и медалями солдат и офицеров АЛ и наоборот.

Свои награды были и у правых националистов в NSZ.

Были и общие ордена, которые в восстании признавались всеми - от крайне правых националистов до коммунистов и анархистов. Самый известный и массовый из них - Крест Отважных. Орден присуждался за личное мужество. Его могли дать санитарке за спасение раненого в особо трудных условиях, связному за своевременную передачу важного приказа под огнём, солдату или младшему офицеру за личное мужество в бою. Его же вручали командирам. Особенностью награждения «Крестом Отважных» было то, что его можно было получить неограниченное количество раз. Однако получить самый массовый орден восстания было совсем не просто даже старым солдатам конспирации. В реальности его редко получали больше двух раз. Только легендарный полковник Ян Мазуркевич «Радослав», командующий группировкой «Радослав», начальник Управления диверсий АК, командующий штурмовыми батальонами АК, получил за всю оккупацию 11 Крестов Отважных. Но он в польской истории такой один. Но была ещё одна, самая интересная медаль восстания. Вот такая.

Эта медаль была неофициальной, но в Варшавском восстании ею награждали солдат всех политических убеждений, как и Крестом Отважных. Она изготавливалась и вручалась прямо в перерывах между уличными боями. На реверсе Железного креста прибавлялась польская монетка в один злотый образца 1929 с орлом, на груди которого умельцы гравировали «1944» и якорь - знак польской конспирации.

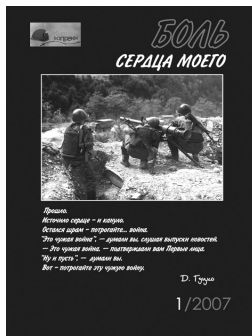
И больше ничего. Но именно эта самодельная медаль показывала всё напряжение и ожесточение уличных боёв в Варшаве. Эта самая суровая награда получила неофициальное название «Крест Варшавского восстания». Редко кто успевал получить её несколько раз, хотя многие кавалеры креста пережили войну.

Итак, неофициальный крест «За убитого в рукопашной схватке офицера СС». Как правило, кавалера Железного креста любого класса. С трупа такого офицера обычно и снимался крест. Так что, учитывая время и интенсивность боёв, особенно у штурмовых групп, постоянно имевших дело с опытными эсэсовцами на улицах и в подвалах разрушенной Варшавы, награда не такая редкая, но крайне тяжёлая.

Награда впервые была введена в отряде «Храбры П», который сражался в Средместье (в центре города) до самой капитуляции восстания. Его бойцы в основном и ввели моду на эти кресты. Остатки штурмовых групп и других отрядов перешли в Средместье, которое осталось последним окружённым районом восставшей Варшавы, в сентябре месяце. В это время большое количество Железных крестов имело уже «в запасе», и было снято с убитых солдат, офицеров Вермахта и СС. Да и эсэсовцев с крестами стало меньше. Жизни офицеров, тем более орденосцев, старались беречь. В рукопашных схватках, которые вспыхивали на относительно узких улицах всё чаще, немцы несли очень большие потери. Поэтому в сентябре кавалер Креста Варшавского восстания мог просто убить в бою своими руками офицера СС (не обязательно кавалера Железного креста) и получить награду.

Монетка в один злотый, кстати, показывала ценность жизни немецкого офицера в Варшаве.

Военно-исторический
литературный журнал
«Боль сердца моего»
№1, 2007 год

Учредитель и главный редактор:
Сергей Щербаков

Над выпуском работали:
Сергей Щербаков
Александр Карцев

Дизайн и верстка:
Сергей Щербаков

E-mail:
aksupress@front.ru

Веб-адрес:
<http://www.artofwar.ru/z/zhurnal/>
<http://aksu51.narod.ru>

Отпечатано в типографии:
ООО «Март»

Тираж:
999 экземпляров

Цена свободная

Перепечатка или воспроизведение материалов из журнала «Боль сердца моего» без согласования с редакцией, а также ссылки на журнал и сайты «Lifecontrary.ru», «Artofwar.ru», «Artofwar.net.ru» запрещается.

В номере использованы материалы и фотографии
Михаила Михина, Владимира Войта, Сергея Шишкова, Александра Карцева, Александра Коломийца, Сергея Скрипника, Юрия Андрейчука, Вардана Оганесяна, Валентина Чанцева, Валерия Киселева, Владимира Лисового, Геннадия Канинского, а также с сайтов:
www.artofwar.ru,
www.artofwar.net.ru,
www.lifecontrary.ru,
www.ruswar.com,
www.ruswards.ru

2 Военная проза

Александр Коломиец «Спецназ»
Игорь Негорюй «Дохлая лошадь»

12 Поэтическая тетрадь

Юрий Беридзе «Кровоточины»

18 Мемуары. Афганистан

Владимир Войт «Воспоминания врача батальона»
Сергей Скрипник «Операция по спасению советников ЦК КПСС»

38 Публицистика

Александр Разживин «О чем молчит Мясной Бор»

56 Мемориал

60 Русские вне России

Армен Гаспарян «Галлиполийское сидение»

63 Мы все в одной связке

38 Автомат и гитара

Сергей Буковский «Я ушел на рассвете»,
«Здравствуй, Пашка...»

58 Человек с камерой

Александр Карцев «Фильм Вардана Оганесяна
«История людей на войне и в мире»

64 Экскурс в историю

Георгиевский крест

68 Забытые имена

Геннадий Канинский «Георгиевский кавалер
Карел Вашатко»

69 Серия «Неизвестная война»

Александр Карцев «Сергей Аксу «Неотмазанные.
Они умирали первыми»

70 «Иваново детство»

Валентин Чанцев «Разведчик - Юра Калугин»

71 История одной награды

Юрий Андрейчук «Крест Варшавского восстания»

БОЛЬ СЕРДЦА МОЕГО

“В России много мест, щедро политых солдатской кровью, которые мы почитаем и на праздники проводим митинги возле мемориальных комплексов. Но Мясной Бор не такое место. Здесь из-за просчетов военно-политического руководства попали в ловушку - были окружены и уничтожены многие тысячи воинов Второй ударной армии. Они храбро сражались и погибали, но были незаслуженно забыты и вдобавок оклеветаны. Поражение всегда сирота, тем более катастрофа такого масштаба. То, что произошло в новгородских болотах, современные историки называют предательством своих солдат Верховным командованием, потерявшим интерес к этой операции и практически отказавшимся от попыток спасти окруженную армию, прекратившим доставку в “котел” продовольствия и медикаментов.”

Александр Разживин
“О чем молчит Мясной бор” (читать стр. 38)

Фотографии Михаила Михина,
участника поисковых экспедиций “Долина”

PAIN

OF MY HEART

Фильм Вардана Оганесяна "История людей на войне и в мире"

"Несколько маленьких парадоксов войны, поразивших меня в фильме и в рассказе Вардана: солдаты выносили с поля боя убитых, а не раненых. По словам Вардана, раненые могли вылезти сами. [Нас всегда учили, что в течение двух часов раненые должны попасть на операционный стол. Правильно или не правильно поступали товарищи Вардана, мне ли судить? Быть может, именно из-за этой "неправильности" они и выстояли в той войне? Прим. авт.] На войне погибали не солдаты, а учителя, врачи, медсёстры... Уже в наши дни один из героев фильма уходит на передовую. Ему пятьдесят лет. Он считает, что пожил уже достаточно. И если убьют, то пусть лучше убьют его, а не какого-нибудь молодого парня..."

©www.barsmedia.am

©www.barsmedia.am

Александр Карцев
"Фильм Вардана Оганесяна
"История людей на войне и в мире"

www.artofwar.ru
www.lifecontrary.ru
www.artofwar.net.ru